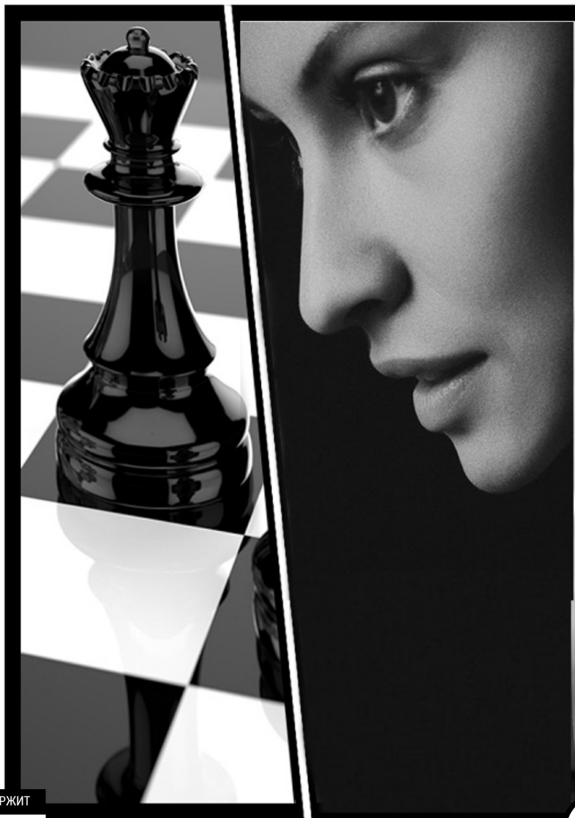

Шахматы. Черная королева.

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Юлия Флери

Юлия Флёри

Шахматы. Чёрная королева

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42112269

SelfPub; 2022

Аннотация

За один день Алёна каким-то невероятным образом ухитрилась расстаться с парнем, разругаться с матерью и уйти из дома. Ах, да, она же ещё и работу потеряла. Чем не повод вернуться к истокам и попробовать начать всё с начала? Да вот незадача... очень уж хочется доказать, что она, как журналист, всё же чего-то стоит. Так, почему бы не пробраться в осиное гнездо и немножечко там не пошуметь? Идея, что надо. Осталось совсем немного: подобраться поближе, найти надёжных информаторов и всего делов! Ну, и ещё вовремя унести ноги.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	17
Глава 2	42
Глава 3	70
Глава 4	93
Глава 5	123
Глава 6	152
Глава 7	179
Глава 8	201
Глава 9	241
Конец ознакомительного фрагмента.	245

Юлия Флёри

Шахматы. Чёрная королева

Пролог

Всё началось с интервью. Неудачного, к слову. Она и вопросы-то свои задать не успела, так... только открыла рот. А ведь заготовленных тем был целый список и ничуть не меньше. Алёна спросила в лоб, была ли выгодна столь высокому чину смерть криминального авторитета Самохина, на что получила даже не ответ. Это был оскал. Волчий. Опасный. Её рот закрылся сам собой, и земля будто ушла из-под ног, так жутко стало. А когда опомнилась, его уже и след простыл. Бортновский. А ведь с экранов телевизоров он мило улыбался и обещал избирателям если и не золотые горы, то навести порядок на вверенном ему участке, точно. Врал, конечно. Они все врут. Но этот, казалось, врал как-то особенно. Искусно. Вот, веришь ему, и всё! Алёна не верила, потому сейчас откровенно нарывалась на неприятности.

С момента громкого заказного убийства прошла неделя. Все, казалось бы, выдвинули свои версии, но ни один не решился прямо заявить о подозрениях. Алёна считала гражданским долгом, да и профессиональным тоже, открыть людям глаза. А ещё отчего-то верила, что у неё всё получится.

Но если она в журналистике была откровенным новичком, то Бортновский в высших чинах власти давно стал своим и умел отмахнуться от любого вопроса, упрёка, подозрения. Так и сейчас. Ему даже говорить ничего не пришлось, а она внутренне задрожала. Станный человек. И страшный. А других, пожалуй, у власти и не держат. А ведь у него есть жена и, пожалуй, даже любовница... Интересно, что может испытывать приближённый такой вот акулы современной политики? Неужто тот же страх, что и Алёна сейчас? Быть такого не может! А что заставляет людей стать настолько жёсткими, самоуверенными? Или, быть может, они были такими изначально?

Алёна стояла и смотрела вслед удаляющемуся автомобилю представительского класса, на котором он укатил к лучшей жизни. Стояла, сжимала в руках крохотный диктофон, который даже и включить-то забыла, увидев Бортновского вблизи, в зоне досягаемости,. Впервые, пожалуй, стояла настолько близко, и, признаться, растерялась ещё до того, как огорошила его своим первым вопросом. Или рассмешила... как вариант. Нет, мужчина, конечно, не смеялся, но то ликование в его взгляде, в момент, когда Алёна отступила... Да, это было сродни усмешке. Злорадной, тяжёлой и властной. Впрочем, у него всё выходило властно. Наверно, он достоин своего положения и является отличным руководителем, но эта прямая параллель между смертью Самохина и их напряжёнными отношениями... Только слепой не проведёт эту

параллель. Алёна не относила себя к числу слепых и видела события как белый день. Правда, не успела ни с кем поделиться умозаключениями, сразу ринулась в бой. И это, наверно, тоже было ошибкой. Всё же стоило посоветоваться с редактором. Глеб Семёнович пусть и в отпуске, но дельный совет дал бы непременно.

Сейчас же остаётся только пинать мизерные камушки, которые отчего-то попались на глаза. Кстати, отчего? Может, оттого, что вот уже которую минуту она смотрит себе под ноги, не решаясь сдвинуться с места? Язык не поворачивался назвать себя неудачницей, а вот мысли уже не раз завернули в эту сторону. Всё же криминальные новости не её. Вот только, окончив журфак, категорически не хотелось вести колонку о моде в глянце. Чего-то настоящего хотелось. Жизненного. Папин знакомый помог устроиться и Алёне тут же доверили вести краткий обзор событий в городе и области. С поправками, со ссылками на старших товарищей, но всё же фамилия под обзором стояла её. Чуть позже Алёна узнала, что этот обзор специально для неё и нарисовался на последнем развороте. Чтобы не скучала, как оправдывался потом отец. И это заявление стало последней каплей. Тогда-то она и решилась на серьёзный шаг. И тут это убийство! Как не воспользоваться случаем?.. Алёна выждала время, собрала кое-какую информацию и вперёд! А тут такой облом. Да не просто облом, а обломище!

Любимой мелодией отозвался мобильный телефон, но

слышать никого не хотелось. Она сама себе не могла объяснить, зачем, вообще, ответила, но вот то, как грозно кричала Светуля из секретариата, быстро привело в чувства.

– Что? – Выдала Алёна на автомате.

– В редакцию. Живо! – Эмоционально окончила Светуля гневную тираду, смысл которой от Алёны отчего-то ускользнул, и отключилась.

Уже через час Алёнушка стояла на пороге кабинета главного редактора. Дальше пройти просто не решилась, так он кричал. Вот просто рвал и метал!

– Нет, но это же додуматься надо! – Под конец выкрикнул Глеб Семёнович, который отчего-то вдруг решил не ехать в тёплые страны, а предпочёл отчитать нерадивую подчинённую. – Куда? Нет, ну, вот куда ты пошла?! К кому?! Зачем?! – Понеслись бесчисленные и, в общем-то, бессмысленные вопросы, не требующие никаких ответов. – На что надеялась, что хотела получить? Ведь ты журналист! Ты же пять лет чему-то там училась, институт окончила с отличием! Так, ответь на эти вопросы, ведь чего-то ты от него хотела? – Приступнул редактор кулаком по столу и в изнеможении опустился на своё кресло. – В общем, так, от работы я тебя отстраняю. – Заключение он в итоге и Алёне не оставалось ничего другого, как открыть рот в немом протесте. – И не перебивай! – Всё же нашёл он в себе силы, чтобы остановить даже этот её порыв. – Если хочешь знать, Бортновский вообще приказал тебя уволить. – Редактор устало взмахнул ру-

кой и опустошил стакан воды, который подготовил заблаговременно.

– Да за что?! – Не выдержал пытливый ум несправедливости. – Я журналист. Это моя работа: задавать вопросы. В конце концов, я его пока ни в чём не обвиняла!

– Ах, пока?! – Раскраснелся редактор, будто батарейка, зарядившись от одной неверно сказанной фразы. – Пока?! – Приподнялся он, навалившись на упирающиеся в столешницу кулаки. – Да ты хоть представляешь себе, куда лезешь?! Во что впутываешься? Ты ещё спасибо сказать должна, за то, что человек вошёл в твоё положение!

– Какой ещё человек? – Опомнилась Алёна. – И в какое такое положение? – Недоумевала она, о чём и поспешила сообщить.

– Бортновский! – Не стерпел редактор и последним выкриком явно надорвал связки. – А положение твоё... глупой курицы, что так и просится на стол!

– Глеб Семёнович...

– Что?! Ну... Ну что ты мне можешь сказать? Зачем ты мне такая нужна? Я хочу спокойно уйти на пенсию, а не дожидаться, пока меня отсюда попросят.

– Но это же неправильно! Так быть не должно! Журналист должен...

– Ты ещё поучи меня, как оно должно быть! – Пригрозил тот, пытаясь отдышаться. – Тоже мне... журналист... – Бросил он с презрением, чем Алёну задел.

– А я уверена, что это именно Бортновский заказал убийство Самохина. – Твёрдо и чётко проговорила она тогда и шарахнулась в сторону, глядя на то, как редактор, обтирая со лба холодный пот, аж присел, так перепугался.

– Ты что, Алёнушка? – Нервно усмехнулся он. – Ты смерти моей хочешь? – опасливо оглянулся по сторонам. – Ты головой-то думай иногда. Какое убийство? Кто заказал? Да тебе стоит романы писать в жанре фэнтези, а не криминальные новости. – Подавился редактор собственной шуткой.

Он опомнился, пришёл в себя, сменил окрас лица с багрово-красного на естественный, бледно-серый, и выпрямил спину.

– В общем, так: от работы я тебя отстраняю. На полгода как минимум. И это если дело не пойдёт дальше, и Бортновский не будет настаивать. И то, неофициально! – Затряс Глеб Семёнович вытянутым указательным пальцем. – Ведь официально ты уже давно уволена, – махнул он рукой как на пропащую. – Уволена и, если мне не отказывает память, твоё заявление подписано вчерашним числом.

Тут же каким-то чудесным образом в руках Глеба Семёновича появился завизированный листок с заявлением на увольнение «по собственному» с её, Алёниным, именем и фамилией.

– Если всё утихнет, через полгода вернёшься в редакцию и под моим чутким руководством будешь вести и дальше свой краткий обзор новостей, а если нет, переведём тебя в... Не

придумал ещё, но куда-нибудь переведём. – Мужчина мученически скривился. – Пока так.

– Да он же просто испугался! – Удивляясь собственной смелости, выдала Алёна и выдержала прямой взгляд. – И не нужно так на меня смотреть. Я знаю, что говорю! Человеку, которому нечего скрывать, не придётся подчищать хвосты таким низким образом. Уволили меня? Сослали? А я всё равно не отступлю! Вы говорите, журналист должен знать, что и для чего делает? Так вот, я знаю! Я правды добиться хочу и я её добьюсь! Что-то этот Бортновский скрывает. – Уличая, прищурилась Алёна.

Глеб Семёнович больше не кричал, он рассмеялся.

– Да ты чокнутая! – Выдал в итоге и сделал вид, что пытается присмотреться внимательнее. – И как это я раньше не рассмотрел? – прицениваясь, погонял он эту мысль. – Да. В доме для душевнобольных тебе самое место! – заявил абсолютно серьёзно и, будучи в восторге от собственных умозаключений, даже прихлопнул ладонью по столу. – И это лучшее, чем может закончиться твоё желание добиться правды. – Проговорил редактор уже другим, угрожающим тоном. – Алёна, опомнись, ты ведь даже не с винтовкой против танка прёшь, а с голыми руками! – взялся он за голову, понимая, что не находит отклика в её лице.

– А я не боюсь! Пусть он боится. – Скрестила Алёна руки на груди, противопоставляя себя всему миру.

– А ему, дорогая, бояться некогда, его ждёт пост губерна-

тора области. И такая помеха, как ты, растворится на просторах нашей необъятной родины даже за попытку, за помыслы ему в этом помешать. Угомонись! Угомонить, и это мой тебе совет, как коллеги, кое-что понимающему в этой жизни.

– Глеб Семёнович, но это же нечестно! Я ведь даже...

– Ты посмела сказать ему в лицо то, о чём остальные бояться даже подумать, Алёна! – Перебил редактор категоричным тоном. – А ещё имела неосторожность во всеуслышание заявить, какую газеты представляешь. Если тебе жизнь и карьера не нужна, так, представилась бы свободным журналистом!

– Да я не...

– ...Остальных зачем подставлять?

– Да я не представлялась и не упоминала ни о какой газете!

– Тогда тем более! Тогда всё ещё хуже! Или ты считаешь, что мы можем поспорить с фактическим хозяином города? Да если он захочет, уже завтра все и думать забудут о том, что были такие «мы»! – Прогрохотал его голос, а потом выражение лица Глеба Семёновича смягчилось. – Нужно уметь найти подход. И не всегда идти напролом, а просчитывать варианты. Где-то перефразировать, где-то промолчать вовсе. – Принялся он наставлять, а Алёна лишь гордо вздёрнула подбородок.

– Карьера такой ценой мне не нужна!

– Тогда тебе вовсе не стоило выбирать подобный путь.

Иди... – Махнул он рукой. – Иди к своему любимому, рожай ему детей и учись жарить котлеты. Все мужчины любят котлеты. – Выдал редактор в какой-то безысходности.

– Вы говорите глупости, Глеб Семёнович, и я вам это докажу! И то, что Бортновский... – Подавившись фразой, Алёна так и не договорила до конца. – Это тоже докажу! – Разумно проглотила она добрую половину предложения. – Мы ещё посмотрим, кто кого. – Выдала в заключение и выскочила из кабинета, не желая продолжать бессмысленный разговор, растрачивать себя на ненужных людей, и, уж тем более, раскрывать задумки, которыми и спешила поделиться, а вот теперь не была уверена, стоит ли.

Не успела она демонстративно хлопнуть дверью, как налетела на Свету, которая так и стояла здесь в ожидании развязки.

– Ну? Что он сказал? – Дёрнула она Алёну за рукав, а та потянула руку на себя, не желая отвлекаться от невесёлых раздумий.

– Ничего не сказал. Уволил. – Недовольно отрапортовала она и вскинула взгляд к потолку.

– Как?! За что?!

– А-а! – Досадливо взмахнув рукой, Алёна поморщилась, зная наверняка, что если сейчас хоть звук произнесёт – точно расплается. – За то, что я мямля! – Выдала она как-то громко и уверенно. – Даже постоять за себя не смогла. А он? Неужели он считает себя настоящим журналистом, расска-

зывая мне, что нужно подстраиваться, прислушиваться и делать «правильные» выводы?! – Вспыхнула гневом девушка и тут же обмякла, усаживаясь на свой теперь уже бывший рабочий стол.

– Да ладно тебе. Семёныч покричит, покричит, да и отойдёт! Меня, знаешь, сколько раз выгонял? И ничего, сижу на месте, как видишь,

– Именно, что сидишь! А я хочу действовать.

– Так, действуй! – Поддержала Света и тут же, устраиваясь на доверительном расстоянии, хитро глазами повела. – А что делать-то будешь?

– Я хочу Бортновского вывести на чистую воду!

– Ого! – Света присвистнула. – Лихо закрутила. А в чём же он, по-твоему, виновен?

– Не по-моему! Не по-моему, а виновен! В убийстве Самохина. – Поделилась Алёна, как она отчего-то считала, тайной, а Света лишь безразлично пожала плечами.

– Тоже мне, событие! – Скептически скривившись, Света даже потеряла интерес к беседе. – Убили и убили. Одним психом в городе стало меньше! Ты что, всерьёз считаешь, что Самохин оценил бы твои рвения? Или, может, другой кто оценит? Да он столько в могилу живьём закопал, что самому, небось, места не нашлось, а ты говоришь... Да если даже это и Бортновский, то ему впору медаль на грудь вешать, а ты... – Света махнула рукой как на недалёкую.

– Что ты такое говоришь?!

– Что думаю, то и говорю.

– Ты просто ничего не понимаешь!

– Так, объясни!

– Света, с тобой просто невозможно разговаривать!

Крепко зажмурившись, Алёна принялась отрицательно качать головой, на что подруга улыбнулась, мстительно прищурилась и твёрдо вытолкнула из себя воздух.

– А Глеб Семёнович, пожалуй, правильно сделал, что тебя уволил. – Прикинула Света и поглядела на Алёну свысока. – Без своих журналистских корочек ты не столько успеешь наворотить, прежде, чем одумаешься. Не забудь их сдать, кстати. – Кивнула Света на сумочку, которую Алёна сжимала в руках. – Выход там. – Лениво бросила она и вернулась к секретарской стойке, в сторону девушки более не поглядывая.

Не ставила та перед собой цель обидеть Алёну, это было понятно. Беспокоилась, скорее, переживала, и иных способов отговорить от необдуманных, а, порой, опрометчивых поступков, кроме как поставить ультиматум, Света не находила. Только когда Алёна уже не видела, проследила взглядом за её неуверенной походкой и тут же отзвонилась в отдел кадров, чтобы её удостоверение наверняка осталось в личном деле, а не считалось утерянным.

Тут же набрала Дениса Туманова – у них с Алёной были отношения. Уже давно не дружеские, но весьма тёплые, плавно перетекающие в отношения молодой пары и, как вариант, будущей ячейки общества. И если бы Алёна не была

увлечена мифической карьерой, то давно бы разглядела намерения молодого человека, а так... так все серьёзные события были отложены на неопределённый срок.

– Денис, привет. Есть важный разговор. Свободен? – Выдала Света на выдохе и затаилась, в ожидании ответа.

– Привет. – Отозвался тот несколько удивлённо и явно не был настроен на конструктивный диалог. – Если честно, то немного занят. Но если ты быстро и по делу...

– О, ещё как быстро и ещё как по делу! – Заверила Света, чем тут же расположила парня к себе. – Алёну уволили. Она серьёзно настроена выступить со своей милейшей атакой против Бортновского. Допускаю, что ты не знаешь, кто это такой, но то, что человек серьёзный, можешь поверить мне на слово. Какая муха, а, скорее уж, пчела её укусила, я понятия не имею, но, отвечу авторитетно, что-то нашу девушку задело.

– Так, понял. И что делать?

– Ты у меня спрашиваешь?! – Натурально ахнула Света, но тут же усмехнулась. – Займи её чем-нибудь полезным. Сделай предложение, например. – Непрозрачно намекнула она и вполне ожидаемо выслушала протяжный выдох.

– Ты же знаешь, как Алёна относится к этой теме... Она становится просто невыносима. Закрывается и очень удачно прикидывается слепой, глухой и недалёкой.

– Да, но и тебе пора бы уже поднажать. Наломает дров, тогда поздно будет. Не знаю, что у них там с этим Бортновским

произошло, но настроена она категорично. Кстати, именно из-за этой встречи её и уволили. Всё решил один звонок.

– Я поговорю с ней. – Пусть и нехотя, но согласился Денис.

– Поговори, поговори. – Света поддакнула и закусила губу, раздражаясь на молодого человека за нерешительность. – Поддержи, увлеку, намекни, что с этим её увольнением жизнь вовсе не заканчивается, а перетекает в новое, более значимое для женщины русло. Ты же мужчина, убеди её, в конце концов!

– Я попробую. – Отмахнулся Денис и отключился.

– Попробуй, попробуй. Пока не нашёлся более настойчивый. – Помогла Света таким образом собраться с мыслями и в успехе этого безнадёжного дела была практически уверена. Знала, каким неуёмным становится нрав большинства представителей противоположного пола, если вопрос касается соперника.

Глава 1

День выдался, мягко говоря, неудачный. Бывало, конечно, и хуже, но именно сейчас на душе было как-то особенно тоскливо и муторно. Алёна совершенно бесцельно шла по длинной аллее и рассматривала разноцветные листья, валявшиеся под ногами. Жёлтые, красные и оранжевые, они должны были создавать настроение, а на деле выходило, что только угнетали. Ведь их, эти самые листья, точно как и её только что, выбросили за ненадобностью, сочли лишним, ненужным, а то и вовсе чем-то мешающимся. Выбросили и захлопнули следом дверь. Хотя дверью хлопнула она сама. И от Светы первой отвернувшись, и, вообще... сколько ошибок человек может совершить за один день? Верно: бесконечное множество. И её ошибкам, судя по всему, до максимального предела было ещё очень и очень далеко. Знакомой мелодией отозвался телефон – звонил Денис. Видимо, Света уже успела его предупредить, иначе с чего бы ему в принципе звонить ей? Нудный и скучный, он был настолько предсказуем, что иногда казалось, будто Алёна разговаривала сама с собой. Она задавала вопросы, точно зная ответы на них. Размышляла, советовалась, а в результате получала замыленное «тебе виднее, малышка» или «а ты бы как хотела?». Но ведь как хотела она сама, Алёна знала наверняка, а в построении отношений должны участвовать двое. Не больше и не меньше.

ше. Так и сейчас, ещё даже не принимая вызов, она была уверена в том, что Денис спросит банальное «как дела, что делаешь», и тут же напомним, что ему всё известно.

– Привет. – Мило отозвалась Алёна, нацепив на лицо искусственную улыбку. В какой-то момент даже показалось, что Денис растерялся от подобного приветствия, видимо, ожидал услышать что-то слезливо-сопливое, с непрекращающимся подвыванием.

– Привет. – Наконец, собрался он с мыслями. – Как дела, что делаешь?

Алёна раздражённо выдохнула в сторону, а, вернувшись к диалогу, подавила рвотный позыв и улыбнулась.

– Дела в порядке. Гуляю. – Она постаралась, чтобы голос звучал бодро и, наверно, даже себя в подобном убедила, потому как почувствовала прилив сил, энергии.

– Малыш, да я всё знаю. Света позвонила. – Осторожно выдал он, боясь задеть тонкую душевную организацию, а Алёна надула щёки, понимая, что всё это уже слышала. От себя же, предугадывая ход беседы двух... мгм... влюблённых людей. – Ты только не переживай. Всё образуется.

– Ты мог бы дать мне шанс рассказать об этом самой. – Намекнула она, но ничего стоящего Денис в этом не рассмотрел, отмахнулся.

– Ты как там, держишься? Я только завтра смогу приехать. Чем займёшься? Может, наведёшь в квартире порядок, приготовишь что-нибудь вкусненькое?

– Как насчёт стирки? Ничего не требуется? – Раздражённо выдохнув, Алёна стиснула зубы. – Денис, ты серьёзно сейчас?! Я журналист, а не домохозяйка! Я хочу работать, а не ждать тебя из очередной командировки! Почему мне приходится каждый раз объяснять это снова и снова?! Я не вижу себя дома, не вижу стоящей у плиты в кухне, не...

– Ладно, всё, я понял. Тогда, может, ты захочешь подыскать другой вариант?

– Что ещё за вариант?

– Другую работу. Бегать за сенсацией – это занятие не для девушки твоего статуса.

– А какой, позволь уточнить, у меня статус? – Вкрадчиво начала она, сдерживая мощнейший поток внутреннего протеста.

– Алён, мы, вообще-то, собирались пожениться.

– Что-то не припомню, когда это мы собирались совершить такой ответственный шаг. – Продолжила сдерживаться она, хотя волна негодования давно захлестнула мысли.

– Год назад, на твой день рождения я сделал предложение и кольцо, позволь отметить, ты приняла.

– Допустим, и что?

– А то, что ты просила тебя не торопить и я ждал. Целый год, заметь, ждал и молчал.

– Так, и?

– Что «и»? Ну что «и», Алён?! Я тебе тоже не мальчик. Я семью хочу, спокойную жизнь, жену, которая ждёт меня

дома и детей... Детей тоже хочу.

– Не слишком ли много «хочу» для весьма шаткого положения моего жениха?

– Мне двадцать пять. Желание создать семью – это нормально.

– А мне двадцать три и подобные желания пока не посетили грешную голову. И что прикажешь делать?

– Когда не знаешь, что делать, следует спросить совета у более опытных товарищей.

– У кого, например?

– У меня. У матери своей. У моей матери, если хочешь.

– А если не хочу?

– Что не хочешь? – Не понял Денис и затаился.

– Спрашивать не хочу. Семью не хочу, детей... Твои непрекращающиеся упрёки по поводу моей несостоятельности как женщины, не хочу слышать.

– Я тебя не упрекаю. – Попытался было он отступить, почувствовав приближающуюся грозу.

Не понимал даже, что вот эта попытка пятиться, раздражала ещё больше самих упрёков. Он будто и сам не знал, чего хочет, но требовал от Алёны каких-то решительных шагов.

– Послушай, давай мы поговорим, когда я приеду. Ты расстроена и явно не намерена общаться. – Заключил Денис холодно и отстранённо.

– Давай! – Не унималась Алёна, наступая. – Это самый удачный вариант. А ещё лучше сделать вид, что этого раз-

говора не было вовсе. Ведь именно так ты и намереваешься поступить, верно?

– О чём ты?! – Выдавил из себя Денис со стоном отчаяния и неизменного раздражения.

– Да как раз о том, что происходит всякий раз! Ты предлагаешь перенести неудачный разговор «на потом», а с наступлением этого самого «потом» просто переключаешься на другую, более спокойную тему. Например, рассказываешь о том, как прошла командировка, какая была погода, и чем ты был занят вне работы. А о том, что со мной происходит, ни разу спросить не догадался?!

– Действительно. Сейчас этот вопрос будет актуален. Алён, что с тобой происходит?

– Да меня с работы уволили, Денис! Ни за что уволили. Несправедливо, подло, да ещё и задним числом! А всё из-за чего?!

– Из-за чего?

– Да из-за того, что ты, и подобные тебе, всегда делают и поступают так, как удобно только вам!

– Алён, я здесь при чём, к твоей работе? – Устало выдохнул Денис и было слышно, как принялся сопеть. Это Алёну тоже раздражало и отчего-то показалось, что именно сегодняшний день оказался как нельзя кстати, чтобы высказать все эти претензии, пусть и не в лицо, но хотя бы вслух. Все те претензии, которые, отворачиваясь, она глотает уже четыре года.

– Да ты вообще ни при чём! Ни к работе, ни ко мне. Мы словно существуем в параллельных мирах и иногда, по каким-то непонятным законам физики пересекаемся, чтобы тут же разбежаться вновь. О какой семье, о каких детях ты говоришь, если у нас даже нет общих интересов? Единственное, что связывает, так это родители, которые были бы совсем не против увидеть в нас замечательную пару. Скажи, неужели ты действительно считал, что из этой затеи что-то получится. Плясать под чужую дудку... – Раздражённо взмахнула Алёна руками и поняла, что Денис молчит.

Она закусила губу, попутно соображая, что и кому сказала, а, главное, не понимала, зачем это сделала.

– Денис, не молчи! – Воскликнула, осознавая, что этот возглас больше похож на каприз маленького ребёнка.

– Да я не молчу, я тебя слушаю. Что ещё?

– А что ещё? – Не поняла она, а на самом деле, в порыве эмоций и не слышала себя, только постфактум понимала, что сказала.

– Ну, ты так уверенно рассуждала о том, что между нами ничего общего... Только сейчас это поняла?

– Нет, то есть... то есть... – Алёна отчего-то испугалась и принялась заикаться.

– Так, да или всё-таки нет?

– Денис, давай поговорим об этом, когда ты приедешь. – Выдала она фразу, глупее которой и придумать сейчас было сложно.

– Давай. – Как-то странно согласился он, с вызывающей подачей голоса, с такой же интонацией. – Кажется, именно это я и предложил за минуту до того, как ты решила высказаться.

– А что я такого сказала? В чём была неправа? – Снова вспыхнула она, но уже не так явно.

– Да ладно, Алён, пожалуй, это я был неправ. – Привычно отмахнулся он и Алёна почувствовала себя виноватой. Почувствовала, но признать была явно не готова, потому и пропустила момент, когда Денис решительно выдохнул. – Наверно, нам стоит что-то пересмотреть в отношениях. – Добавил он, видимо, ожидая, что пойдёт на попятную и Алёна, но что-то пошло не так и не менее решительно, чем и Денис пару секунд назад, выдохнула она сама.

– А лучше сделать перерыв. – Проговорила категорично. – На неопределённый срок. – Посчитала нужным добавить и ожидала поддержки, понимания, но клинило сегодня и Дениса.

– В идеале, так, вообще расстаться! – Нервно хохотнул он.

– Да. Раз уж нас ничего не связывает... – Алёна развела руками, но странное напряжение уже закручивало неведомую прежде внутреннюю пружину.

– И не созваниваться. Хотя бы пару недель. – Очевидно, язвил Денис, но интонация не была воспринята должным образом.

– Да. Это было бы неплохо. – Добавила она, уверенно кив-

нув, а Денис как-то странно, растерянно хмыкнул.

– Алён, мне показалось или ты... Это что? Всё, что ли? – Как-то неуверенно пробубнил он. – Ты серьёзно сейчас?

– А ты разве нет? – Запоздало опомнилась девушка, а он будто истерично рассмеялся.

– А я нет, моя хорошая. Я – нет! Я свадьбу планировал, дом присмотрел. Такой, какой ты хотела. Помнишь? Как-то рассказывала... Чтобы озеро рядом, чтобы газон и качели на заднем дворе.

– Никогда не понимала в тебе эту привычку делать поспешные выводы. – Невнятно пробормотала она, чувствуя, как пружина, та самая, внутренняя... как она понемногу отпускает, расслабляет и будто дарит успокоение, которого не чувствовала сегодня с самого утра. А ещё поняла, что не сожалеет. И виноватой себя не чувствует. Так странно... впервые.

Прежде была какая-то ответственность, возложенная родителями, а сейчас она словно растворилась в общей куче проблем. Поблекла и не точила изнутри. Хотелось запомнить, задержать в себе эту лёгкость, потому Алёна гордо и предельно высоко вздёрнула подбородок и пристально посмотрела в светлое будущее, которое пусть и туманно, но маячило на горизонте.

– Это всё, Денис. – Чётко и уверенно выдавила она из себя непростые слова.

– Что значит всё? Не глупи... Перерыв? – Поторопился

тот припомнить. – Кажется, так ты хотела? Давай возьмём его. Давай. Две недели это отличный срок. – Спешил заверить Денис, но Алёна не уступила.

– Ни к чему больше затягивать. И без того больно. – Скрипя зубами, лицемерила она, ведь ничего особенного пока не почувствовала. – Четыре года – это более чем достаточно для принятия подобного решения. Что-то у нас не получается. Я ничего не чувствую. Усталость. – Задумалась она и всё же согласилась со сказанными последними словами. – Да, наверно, преобладает усталость. Выдохлась я от этой игры в идеальную пару.

– Алён, что ты такое говоришь? – Рыкнул Денис, но было понятно, что сдерживает истинные эмоции. – Я люблю тебя. – С нажимом в голосе напомнил он. – И не для того терпел все эти выходки, чтобы...

– Чтобы что?! – Возбуждённо воскликнула Алёна. – Я не поняла сейчас... Терпел или всё же любил? Ты определись для начала. – Притопнула она ногой, осознавая, что это пиковый момент не только для неё, и всё то, что прежде было на уровне подсознания, вот-вот всплывёт на поверхность.

– Алёна, давай мы вдвоём остынем, чтобы не наделать глупостей.

– Нет, ты всё же ответь. – Невесело усмехнулась. – Или думал, что для меня секрет тот факт, что именно папа обещал тебе в приданое?

– Да при чём здесь...

– А что при чём? Выгодная я для тебя партия, не так ли? Ну, ничего, небось, и в этом конфликте они примут твою сторону, и тёплое местечко всё же останется за тобой. А я не у дел.

– Ты сейчас неправа.

– А я всегда неправа! Это нормальное для меня состояние последние года четыре как минимум. Давай. Что молчишь? Давай. Убеди меня в обратном.

– Я не собираюсь тебя ни в чём убеждать. Я хочу, чтобы ты одумалась, успокоилась и приняла трезвое, взвешенное решение. Решение забыть об этой глупой затее. – Подсказал Денис, но отчего-то казалось, что и сам не был уверен в успехе этого безнадёжного дела. По крайней мере, Алёна почувствовала именно это. А ещё то, что в данном случае она сильнее, потому что права. В кои-то веки действительно права.

Молчание затянулось и, чтобы Денис не смел трактовать его как растерянность и неуверенный шаг в его сторону, Алёна прокашлялась, резко вскинула голову, слегка её запрокидывая, напряжённо выдохнула.

– Нам надо расстаться. – Проговорила она чрезмерно спокойно. – Я сегодня же заберу свои вещи из твоей квартиры и проживу у родителей. Пока так.

– Алён...

– И это моё окончательное решение.

– Ты же понимаешь, что совершаешь ошибку?

– А ещё я хочу, чтобы на какое-то время ты забыл о моём существовании.

– Это глупость! Это твой детский, не забытый до сих пор эгоизм.

– Мне нужно побыть одной и успокоиться.

– Я сейчас же приеду и сам тебя успокою.

– Да, да, а ещё лучше позвони моим родителям. – Невесело хмыкнула Алёна и отключилась, не желая продлять этот бессмысленный спор.

Закончив разговор, она вдруг почувствовала усталость. Ту самую, о которой упоминала до этого. Но если прежде это было общее впечатление от нежеланных, как теперь понятно, отношений, то вот сейчас, именно в эту минуту, реальное чувство, прибывающее к сырой земле, к мокрому асфальту. Точно как эти осенние листочки...

Домой она добралась в некой прострации. Двигалась будто на автомате, едва перебирая ногами, но, замерев на пороге и расслышав гнетущую тишину, захотелось расплакаться от безысходности. Уже знала: Денис воспользовался сектором «шанс» на барабане, и всё же позвонил родителям. И если папа был в командировке и никак не мог посодействовать, ведь беседа по телефону нужного внушения не даст, то вот мама... о-о... она умела надавить так, что беспрекословно признаёшь свою никчемность. И тишина... она была лишь очередным напоминанием о том, что к диалогу мать подготовилась основательно.

– Что ты здесь застыла? – Надменно проговорила она и включила свет, разрушая мнимое уединение.

Мама была очень красивой женщиной. Не в меру умной и идеально воспитанной. Она всегда держала голову прямо, спину ровно и была предельно собрана и холодна. Такой Алёна запомнила её ещё в своём детстве. Уже потом, когда отношения матери и дочери стали окончательно и бесповоротно разрушаться по каким-то непонятным причинам и неведомым обстоятельствам, Алёна об этом не задумывалась, и осталось только то самое, первое впечатление.

Мать всегда носила строгие платья, деловые костюмы и внушала мысль, что дочь должна придерживаться того же стиля и образа жизни, а вот Алёне отчего-то не хотелось поддаться. Наверно, потому она и выбрала свободную профессию журналиста, отказавшись от навязчивой идеи родителей сделать себя врачом. Идеальная классическая причёска, вежливые полутона и аристократическая бледность... Яркая внешне и дерзкая глубоко внутри, Алёна сопротивлялась как могла, но в итоге всегда признавала более сильную натуру матери и, склоняя голову, шла на своеобразное заклание...

Так и сейчас... Мать властно сверкнула взглядом, холодно и предельно жёстко улыбнулась, после чего удалилась в отцовский кабинет, негласно предлагая двигаться следом. В кабинет Алёна всё же вошла, но вот поддаваться в этот раз намерена не была. Она мысленно отгородилась от всего, что может быть сказано в эмоциональном порыве, смотрела пря-

мо перед собой и в уме напевала какую-то давно забытую мелодию.

– Я разговаривала с Денисом. – Посчитала мать нужным огласить тему. – Что это за околесицу ты несла? Расстаться? Ничего глупее и придумать было нельзя. Я уже созвонилась с Самуилом Сергеевичем, Денискиным отцом. – На этом замечании мать сделала значительную паузу, мило улыбнулась и невинно опустила взгляд. Отчего-то она питала к влиятельному мужчине слабость. – Мы подумываем назначить свадьбу на середину июня. Это отличное время для начала новой жизни и достаточный перерыв для того, чтобы прочувствовать всю степень свалившегося на тебя счастья.

– Мам, ты хоть себя слышишь? – Криво усмехнувшись, Алёна всё же посмотрела на упрямо поджатые губы женщины. – О каком счастье ты сейчас говоришь?

– О том, что перенесёт тебя в беззаботное будущее. – Криво усмехнувшись, женщина сложила сцепленные в замок пальцы перед собой.

– Но я мечтала не об этом...

– Мечтала? – Мать выгнула бровь и напряглась. – Мечты приводят нас к неминуемой гибели. Во всех смыслах этого книжного выражения из дешёвого бульварного романа.

– А ты и такие читала? – Попыталась Алёна съязвить, но мать не оценила её порыва, заметно напряглась и чуть нависла над столом.

– Я читала многое. – Многозначительно хмыкнула она. –

Хотя бы для того, чтобы сравнить и увидеть очевидные плюсы и минусы того или иного произведения. Как видишь, и из этих дешёвых книжечек вышла своя польза. – Развела она руками, будто доводя очевидное до ума. – Подумай, дорогая, что ты хочешь получить в будущем. Кем хочешь себя видеть, где находиться. – Проговорила мать заметно мягче, создавая впечатление дружеской беседы. – Я хочу быть спокойна за тебя. Потому предлагаю хорошо продумать, что ты скажешь Денису, когда он придет, ведь такие разговоры вот так... ни на чём не основываясь, не ведут. И сказаны твои слова должны быть не по телефону, а именно при личной встрече. Постарайся, чтобы к тому времени в глазах стоял не этот протест, который сейчас ты так очевидно демонстрируешь, а сожаление о содеянном и мягкая истома. Мужчинам это нравится.

– Тебе-то откуда знать, что нравится мужчинам? – В порыве сказала Алёна и тут же прикусила язык.

О том, что между родителями уже давно сквозит безразличие, тоже не заметить было нельзя. Мать отца не любила и тот платил ей взаимностью, но они стойко и уверенно придерживались той политики, что крепкий брак полезен для успешного ведения бизнеса, светской жизни, и отступаться от намеченного курса намерены не были. У отца давно появилась постоянная любовница. Алёна её не видела, но мать обсуждала женщину с одной из своих бесконечных подруг. Сама же от измен воздерживалась, видимо, не

позволяло строгое воспитание. Дед держал её в ежовых рукавицах.

Вспомнив деда, известного в былые времена государственного деятеля, Алёна заметно приободрилась и взглянула на мать уверенно и твёрдо.

– Я не буду с ним мириться. – Прodelала она рукой жест отрицания. – Не хочу.

– Не советую тебе так поступать. – Предельно тихо говорила мать и угрожающе прищурилась. – Легко бросаться громкими фразами, зная наверняка, что за твоей спиной надёжный тыл. Как ты заговоришь, когда я лишу тебя этого тыла? Ведь могу, ты знаешь.

– Знаю.

Внутри что-то дрогнуло, но Алёна стиснула зубы, стараясь не подать вида.

– В таком случае тебя не удивит моё решение заблокировать твои кредитные карточки, отобрать телефон, который, на минуточку, – акцентируя внимание, мать приподняла указательный палец, – тоже оплачиваю я. Также в моих силах максимально сократить твоё общение с подругами и друзьями вплоть до полного его отсутствия. – Бесстрастно перечислила она всё, что может отвлечь, и лишний раз убедить в правильности принятого решения.

– Мне не пять лет!

– А если судить по поступкам, то интеллект именно на этом уровне. – Склонила она голову набок и не без удоволь-

ствия посмотрела на то, как тяжело Алёне даётся очередной отказ, который она всё же планировала высказать.

– Я могу идти? – Ожидая покорно выдавила из себя Алёна, на что мать благосклонно кивнула и устало взмахнула рукой, позволяя покинуть кабинет.

Оставшись одна, женщина устало вздохнула и почувствовала, как стремительно из неё уходит уверенность в озвученных словах. Конечно же, для дочери она хотела всего самого лучшего. А, главное, не дать ей совершить ошибок, которых сама Елизавета Леонидовна избежать не смогла. Следуя за чередой безрассудных поступков, ведомая всё теми же мечтами, о которых с таким азартом сейчас упомянула дочь, она осталась у разбитого корыта. И пусть её окружает роскошь, уважение друзей и недругов, но вот свою жизнь, собственное счастье она безвозвратно потеряла. Как бы «дёшево» ни прозвучала эта фраза.

У неё был отцовский характер со свойственным ему упрямством, непокладистостью, твердолобостью. Тот же характер сейчас проявлялся и в поведении Алёны, а её задачей как матери, было этот бунтарский дух подавить на корню, уничтожить ещё в зачатке. Это избавит девочку от многих проблем, спасёт от бесчисленных ошибок, которые за собой ведёт этот протест.

Некрасиво пожевав губами, Елизавета Леонидовна поднялась из-за стола и вышла из кабинета, но тут же застыла, глядя на то, как дочь стоит в дверях с явным намерением

уйти если и не навсегда, то точно надолго. Именно об этом говорила небольшая дорожная сумка в её руках и решительный, горящий взгляд.

— Дедушка оставил мне свою квартиру. — Продемонстрировала она ключи, до этого зажатые в руке. — Я выложила новый телефон и все карточки. — Кивнула Алёна на белоснежную гляцевую полку в углу прихожей комнаты. — Только свою зарплатную оставила. Думаю, это всё же будет честно. — Она мысленно поддакнула своим действиям и создала видимость уверенности. — Поживу пока отдельно, повзрослею... — Невесело усмехнулась, непрозрачно намекая на один из последних упрёков матери. — А потом поговорим.

Заключила Алёна в итоге и опустила взгляд, осознавая, что ни один мускул не дрогнул на лице матери, ни одной реальной эмоции не мелькнуло в глазах. Пусто и холодно рядом с ней. Даже попрощаться она не посчитала нужным и Алёна ушла молча. И тяжесть в душе осталась несмотря на, казалось бы, сброшенные оковы чужой власти над её собственными решениями. Она не поняла и не распознала ступора матери, её растерянности и нежелания признать очевидные ошибки в воспитании. А ведь, действительно, ошиблась и, спасая дочь от повторения своих собственных ошибок, буквально толкнула в ещё более серьёзные, основательные, исправить которые будет не так-то легко.

Алёна ушла. Что тут сказать... решение, которое казалось единственно верным и далось на удивление легко, сейчас

волочилося следом, отдавая тяжестью железобетонной конструкции. Всё же она была человеком мягким и податливым. Не по природе – по воспитанию. Сейчас только взбунтовалась и не уверена, что сможет стойко перенести все возможные последствия опрометчивых поступков. Вызванная ещё из дома машина такси ожидала под подъездом. Услужливый водитель, вероятно, в надежде на щедрые чаевые, приятно улыбался и не смел грубить. Принял её сумку и устроил на заднем сидении. Не торопил, ожидая, пока клиентка опомнится и всё же назовёт маршрут следования или конечный адрес. Адрес Алёна знала, но только сейчас задумалась о том, что может по нему увидеть.

С дедом Алёна не общалась. Мама так решила. Она и сама с ним не общалась, видимо, затаив какие-то обиды ещё в юности, а уже потом, получив определённую степень независимости от авторитарного родителя, проявила характер во всей красе. Деда Алёна помнила по редким размытым воспоминаниям из раннего детства, а не так давно, чуть больше года назад, сообщили, что его не стало. Мать всплакнула, хотя и старалась сдерживать маску равнодушия, отец тут же связался с адвокатами, желая узнать подробности завещания. А как себя вести Алёне, никто не подсказал, а она и не знала, ведь никогда прежде не теряла близких людей, да и можно ли было относить деда к близким? Родственник – это да, а вот в остальном... В общем, Алёна выбрала строгое тёмное платье, потопталась на пороге храма, пока проводили цере-

монию прощания, а на кладбище уже не поехала.

То, что квартиру дед завещал единственной внучке, никого из родни, в общем-то, не удивило, однако вскоре юристам отца пришлось явиться в суд, когда желающие оспорить завещание всё же нашлись. Стоит отметить, что против отца с его сворой, у этих самых желающих не было ни единого шанса, но сам факт всё же для Алёны был неприятен. Если бы спросили у неё, то непременно бы отказалась от наследства в пользу той женщины, что ухаживала за болеющим дедом несколько последних лет, но отец запретил Алёне даже открывать рот. Сейчас она была ему отчасти даже благодарна, ведь пространство для манёвров, как оказалось, в подобной ситуации стало едва ли не единственным выходом и очевидным спасательным кругом.

Высотный дом в самом центре города встретил недружелюбными серыми фасадами. Нет, было, безусловно, красиво, но отделка начала прошлого века внушала трепет и содрогание, будто изначально дом планировался именно для государственных деятелей, знатных особ и состоятельных людей. Да так планировали, чтобы даже у проходящих мимо обывателей не осталось ни единого сомнения, для кого предназначено подобное архитектурное сооружение.

Объяснившись с бдительным вахтёром, всё же удалось прорваться на нужный четвёртый этаж. Отпирая замки, Алёна отметила ощутимую дрожь в пальцах, всё же она переступала порог не просто квартиры, не просто порог дедовского

наследства, но и порог истории. На самом деле, пообщаться с дедом хотелось бы, но это она понимает сейчас, когда вляпалась во всю эту нелицеприятную историю. Когда нужен совет, поддержка, опытный взгляд, а тогда... тогда она строила планы, мечтала о карьере и была уверена в том, что со всеми трудностями справится сама. Ошибалась, что тут сказать. И явно не была готова к подобному повороту, но и не думала отказываться от безумной в глазах всех остальных затеи. Наоборот даже, план как-то легко сложился в голове и сейчас требовал непосредственного участия и немедленного исполнения. Но выделить несколько часов на знакомство с новыми условиями всё же являлось возможным.

Квартира впечатлила. Сказать по правде, она и ожидала увидеть как раз что-то подобное. Массивная дубовая мебель эпохи бурной дедовской молодости, что идеально сочеталась с современными гаджетами, и пусть редкими, но верными дизайнерскими решениями переплетения стилей и эпох. Современный кухонный гарнитур, и тут же кожаные диваны, стулья с высокими резными спинками, зеркала и картины в массивных золочёных рамах. Последнее, к слову, было слишком вычурно для идеалистически настроенного члена партии, но, видимо, подобную роскошь позволить себе дед всё же мог. Привлёк внимание и слой пыли, что собрался за год запустения, но на качестве, на общем впечатлении это практически не отразилось. Здесь всё было основательным и будто с характером, со своей историей. Уюта пока не чув-

ствовалось, слишком незначительной Алёна казалась самой себе среди всех этих элементов, но убеждала себя в том, что это поправимо и в скором будущем она по достоинству займёт почётное место в длинном списке именитых предков.

Знакомство с квартирой выдалось каким-то сухим и непродолжительным. Не было найдено никаких личных вещей, записей, что могли бы поведать о деде, как о человеке. Сейф в кабинете был наглухо заперт, а редкие вещи, всё же попадающиеся на глаза, не несли за собой никакой смысловой нагрузки. А мысли... эти неуёмные мысли, то и дело, возвращались к Бортновскому. Не к нему лично... его фигура как большого политика Алёну интересовала мало, а вот некоторые поступки, не красящие его как человека, позиционирующего себя как гражданина с кристально чистой репутацией... Вот это привлекало особенное внимание. Через скольких он переступил на пути к успеху? Сколько статей уголовного и гражданского кодекса позволил себе не заметить, проигнорировать?

За подобными рассуждениями Алёна не заметила, как принялась листать подборку старых газет. Единственный элемент, пожалуй, что сохранился после целенаправленной уборки, зачистки. Алёна и сама не сразу заметила серую стопку в нижнем ящике стола, но вскоре осмысленно и заинтересованно принялась изучать то, что, вероятно, ещё её дед со свойственным ему усердием и трудолюбием подшивал в единую композицию.

Газеты советских времён привлекали мало, там было больше общего плана, идея, смысл. А вот то, что датировано новым веком... вот здесь было буйство красок, полёт фантазии... В некоторых статьях дед жёстко критиковал правительство, в некоторых призывал народ объединиться – видимо, он не сразу отошёл от массовой политики партии. За последние года три до смерти, он в основном был замечен как инициатор реформ и деятель, успешно их внедряющий.

Дыхание спёрло от возмущения в момент, когда Алёна на одном из фото статьи рядом с дедом узнала Бортновского. Тот пожимал ему руку с предовольным видом и будто что-то нашёптывал на ухо, а дед в ответ кивал с сосредоточенным видом. Так только казалось, но едва ли Алёна была далека от правды, всё же это политика и смысл фотографии должен формироваться на уровне подсознания, а не основываться на догадках. Пробежавшись по тексту статьи скорым взглядом, удалось обнаружить и искомую фамилию. А весь смысл сводился к тому, что дед якобы выбрал приемника. «Ну да, как же!» – мысленно хмыкнула Алёна и презрительно сощурила глаза. Правда, оценив те немногие события, которые всплыли в памяти, пришла к неутешительному выводу, что примерно в то время Бортновский и вышел на передний план в политической жизни области. А её дед вскоре скончался от сердечной недостаточности. Неуёмная фантазия тут же провела параллель между событиями, но здравый рассудок тут же перечеркнул эту параллель. А вот тот факт, что Бортнов-

ский всё же воспользовался обаянием, определённой долей ума и немереной хитростью, чтобы расположить деда, она уже не сомневалась.

Недовольно поджав губы, Алёна вынуждена была признаться себе в предвзятости, что для человека её профессии непозволительно. Она всегда должна рассуждать логически и принимать во внимание факты. Пока же на виду были лишь домыслы.

Играть в детектива намерений не было, но вот разобраться в ситуации и дать ей объективную журналистскую оценку всё же хотелось. А для подобных действий требовалось быть как минимум в курсе событий. В городе сейчас идёт передел власти. Обошлось без погонь и стрельбы, но некоторые личности всё же покинули высокие посты и страну в очевидной спешке. Это только за неделю... А что же будет дальше? И, главное: как узнать обо всём первой? Ответ очевиден: нужно крутиться поближе к верхушке, держать ухо востро и быть готовой в любой момент воспользоваться полученной информацией правильным образом.

– А для этого нужно иметь входной билет на особо значимые мероприятия. – Ответила Алёна самой себе и в задумчивости подпёрла подбородок кулаками.

Сейчас была осень, а осень традиционно богата на всякого рода сходки, слёты и банкеты. Только вот в качестве кого она могла бы попасть на эти самые банкеты? Журналистское удостоверение всё же пришлось сдать на неопределён-

ный срок. Да и едва ли она, как рядовой сотрудник пусть и известного издательства, могла претендовать на роль человека, освещающего события подобного рода. Не тот уровень и не тот статус. Туда приглашают «правильных» репортёров, которые послушно передадут идею и смысл. Тем же, кто обивает пороги в поисках правды, ловить нечего.

Интернет-поисковик по искомому запросу тут же выдал целую череду знаковых событий осени. А там такие имена, такие звания, что телефон в руке накалился, не говоря о повышенной температуре головного мозга. Ближайшим в списке стал благотворительный вечер в поддержку талантливой молодёжи. Бортновский там непременно появится. Будут его соратники, будут недруги, будут и те, кому он давно встал поперёк горла. Разумеется, будучи человеком здравомыслящим, Алёна не надеялась нарваться на откровения последних, но вот реальный шанс подслушать, подсмотреть и сделать определённые выводы, у неё будет. Но вот как туда попасть?..

На стартовой странице вечера яркими красками разлилась цветовая палитра осени. Совсем как та, что недавно кружила под ногами в парке. Незамысловатый узор из вороха красных, жёлтых и коричневых листьев. В той же композиции и макет пригласительного. Запоминается, ничего не скажешь!

Алёна раздосадовано выдохнула, и в эмоциональном всплеске захлопнула газетную подборку, тут же задвинув её

на место, в дальний угол выдвижного ящика стола. Энергии была масса и она бурлила внутри, не находя вывода. Так, что совсем скоро краска бросилась в лицо и хотелось взвыть от всей этой безысходности. Алёна принялась судорожно шарить взглядом по поверхностям, в поисках чего-то неведомого, пока не зацепилась всё за ту же пыль, которую приметила сразу по приходе. Вдруг уборка показалась идеальным вариантом для того, чтобы сбить спесь и хоть на время освободить голову от сводящих с ума идей. А между тем до благотворительного вечера оставалось всего пара дней...

Глава 2

Уборка заняла её до самого вечера. Но ведь главное во всём этом был не процесс, а результат. И результат радовал не только глаз, но и свободную от всяческих мыслей голову. Пыль, которая и стала первопричиной идеи с наведением порядка, проблем не доставила, а вот ворох хлама, с которым было решено расстаться, стоял в углу и требовал немедленных действий. Ведь приученная к порядку и чистоте Алёна, как и её мать, терпеть не могла лишних вещей и являлась верной поклонницей минимализма, потому избавиться от ненужного было решено сейчас и ни минутой позднее. И ничто сегодня не было в силах остановить юную блюстительницу чистоты: ни противный моросящий дождь за окном, ни бак для сбора отходов, что стоял в доброй сотне метров от её подъезда.

Сказать, что дорога оказалась простой, Алёна не смогла бы при всём желании. Ведь она явно переоценила свои физические способности, а хлама скопилось немало. По идее, идеальным вариантом стал бы массовый, многоразовый заход, но помощников вблизи не наблюдалось, даже бдительный вахтёр скрылся с глаз, а бегать под дождём весь вечер не хотелось совершенно. Вот она и тащила два приличных по размерам мешка через весь двор сама. Вымокшая и злая, Алёна спотыкалась от бессилия и чертыхалась, возвращаясь

в недружелюбного вида дом. Войдя, она не смогла «удержать» лицо и всё же скривилась при виде вахтёра. Спрятался он, что ли, заведя её с тяжестями в руках?.. Но теперь, как бы там ни было, тот с ответственным видом наблюдал за происходящим и выглядел не на шутку заинтересованным.

Чуть в стороне от вахтёра возился с почтовым ящиком мужчина. Алёна уже нажала на кнопку вызова лифта, в момент, когда окинула незнакомца безразличным взглядом и была готова отвернуться, как вдруг замерла с приоткрытым ртом: пригласительный. В его руках, среди приличной по размерам стопки корреспонденции, был конверт с пригласительным на тот самый благотворительный вечер в поддержку талантливой молодёжи, который Алёна с несвойственным себе остервенением изучала всего несколько часов назад. Глядя на конверт, она застыла как истукан, и лишь изредка могла себе позволить оторваться от созерцания желаемого с целью изучить общую обстановку. На уровне подсознания отметила, что, перебросившись с учтивым вахтёром парой фраз, мужчина направился к ней. В её сторону. Сердце забилось в судорожном припадке и обещало выдать волнение с головой, как только бы мужчина приблизился, но он свернул, не дойдя всего нескольких шагов. На лестницу свернул! «Как это было предсказуемо!» – мысленно усмехнулась она, ещё несколько раз в некой панической скорости нажала на кнопку вызова лифта, как вдруг перевела на вахтёра уверенный и переполненный возмущения взгляд.

– А лифт он... он что? Не работает?! – Уточнила она намерено громко и тут же бросилась в сторону лестницы, не пытаясь расслышать заведомо известный ответ.

Она нагнала незнакомца уже на втором пролёте и, буквально говоря, наступала ему на пятки. Подошло бы и выражение «дышать в затылок», но явно уступая мужчине в росте, Алёна не смогла бы проделать подобное чисто физически. Шла и судорожно отметала следующие одну за другой мысли о том, как же завладеть билетом с наименьшими потерями. Не иначе, как сглазила, подумала она в момент, когда незнакомец резко остановился.

– Вот чёрт! – С ощутимой долей раздражения и злости пробормотал он и принялся собирать цветастые конверты, буквально вылетевшие из рук на одной из лестничных площадок.

Нужный конверт оказался в самом низу расползающейся стопки и ничего умнее и логичнее, как помочь мужчине, Алёна не придумала. В конце концов, не ступать же ей по этим письмам! В какой-то момент она поняла, что не гнушалась мысли даже о воровстве. А что? Среди бесчисленных конвертов пропажу конкретно этого он мог и не заметить, а она бы ему улыбнулась раз, другой – сильный пол на её улыбку падок, тут уж спорить трудно, а там бы он опомнился, а её и след простыл! Перед глазами уже застыла знакомая композиция из осенних листьев и Алёна даже протянула руку в нужном направлении, но незнакомец оказался куда про-

ворнее и ловчее. Он подхватил конверт из гладкой бумаги с теснёнными буквами и втокнул между остальными, безликими.

– Спасибо за помощь. – Отозвался легко, непринуждённо и тут же отправился дальше, не позволяя не то что вставить слово, но даже и выдать улыбку, на которую Алёна возлагала большие надежды.

До боли закусив губу и беспомощно сжав кулаки, она двинулась следом. Казалась переполнена решимостью и надеждой на лучший исход, но с сожалением для себя была вынуждена признать, что в этом раунде проиграла: мужчина уже скрылся в одной из квартир. Топнув с досады ногой, она глухо прорычала, позволяя негативу раствориться в окружающем пространстве. Слишком много неудач на её голову за один вечер. Проигрывать Алёна не любила... Хотя едва ли кто-то любит проигрывать, но ей эта тенденция не нравится в особенности и порядком надоела за последние сутки. «Настойчивость. Должно быть больше настойчивости» – напонила она самой себе и уже занесла палец над кнопкой дверного звонка, как услышала громкие обрывки фраз, больше похожие на ссору.

Голоса было два. Мужской и женский. Кому принадлежал мужской, Алёна догадывалась, а вот наличие женщины в её планы явно не входило.

– Пошёл к чёрту! – Прозвучало особенно громко и дверь распахнулась, едва не припечатав Алёну к стене.

Мужчина выскочил на лестничную площадку и с силой захлопнул за собой дверь. Он гневно рыкнул, запустив пальцы глубоко в волосы, и посмотрел на Алёну каким-то странным взглядом. Будто сквозь неё. Смотрел и ничего перед собой не видел, кроме пелены всё того же гнева. Желваки выплясывали на скулах знакомый танец, ноздри бурно раздувались, а глаза недобро шурились. В какой-то момент на его губах разошлась угрожающая улыбка. Как раз в этот момент мужчина опомнился и посмотрел на запыхавшуюся от резкого прилива адреналина Алёну.

– В чём дело? – Спросил он таким тоном, будто именно её сейчас готов обвинить во всех своих бедах. Будто уже обвинил и вот-вот готов вынести приговор и привести его в исполнение.

«Расстрелять!» – раздалось в голове и Алёна ужаснулась собственным мыслям. Она отступила на шаг и покосилась на мужчину с опаской.

– Вы... Вы... – Никак не желала приходить на ум хотя бы одна стоящая мысль, взгляд пополз по стенам, по потолку, как вдруг сконцентрировался на знакомой комбинации цифр: она стояла напротив дедовской квартиры. – Вы меня чуть не убили этой дверью! – Взволнованно и оттого чрезмерно громко выдала она, тыча пальцем во вторую и последнюю дверь четвёртого этажа. – Сумасшедший! – Посчитала нужным добавить и отступила ещё на шаг, когда глаза мужчины сузились и приняли вид двух тёмных щёлок.

Не желая уступать и далее, Алёна расправила плечи, выпячивая грудь вперёд, и на всякий случай отпустила связку ключей, до этого зажатую в кулаке. Таким образом, сразу давая понять, что может находиться здесь по праву. И то ли связка ключей напомнила молодому человеку, что теперь он находится не на своей территории, то ли злость всё же отступила, но в результате тот сделал затяжной выдох, и опустил голову. А когда вскинул снова, будто другой человек стоит перед ней.

– А, это ты... – Бросил он ленивое, непонятно к чему относящееся и, дёрнув на себя только что захлопнутую дверь, вошёл вновь.

Вошёл, но в этот раз не вернулся. И криков слышно не было, и взаимных претензий, которыми пестрил предыдущий заход. «Помирились» – разочаровано поджала губы Алёна и снова топнула ногой, поймав себя на мысли, что подобный детский жест вошёл в привычку. Именно разочарованно, ведь уже успела прокрутить в мыслях вариант, при котором утешит оскорблённую мужскую натуру. Выслушает, участливо покивает, а затем милостиво согласиться сопровождать на искомый вечер, ведь на мероприятия подобного рода ходить без пары не принято. Но в какой-то момент всё пошло не так. «Хм! В какой-то!» – никак не желал успокоиться заведённый внутри механизм противостояния. Да всё изначально пошло не так! И мужчины подобного типа никогда не уходят вот так... ни с чем. Они всегда и во всём доби-

ваются желаемого. И если добиться результата нельзя хитростью и здоровым мужским обаянием, то банально используют силу. Это нормальный мужской поступок. Нормальное мужское решение. И почему одним всегда достаётся вот такой яркий представитель человечества, а ей попался Денис?.. Осознавая, что и дальше торчать на лестничной площадке по меньшей мере глупо, Алёна всё же вошла в дедовскую квартиру и устало опустилась на пол под самой дверью. Это определённо не её день!

Перед глазами тут же всплыл образ незнакомца, а ведь ещё несколько мгновений назад казалось, что она его совершенно не запомнила... Запомнила. Ещё и как. И стройную фигуру, выгнутую в каком-то хищном положении, и руки, которыми он сгребал конверты всех мастей и размеров. Большие мужские ладони. Широкие и грубые. Какие и должны быть у мужчин. Пальцы на них длинные, прямые. Тут же в голове возникает глупая хохма со студенческих времён, в которой говорится, что размер мужских пальцев и его же достоинства прямо пропорционален. Бред, конечно, но в какой-то момент Алёна этому верила. Что ещё? Взгляд? Глаза? Да... Тёмные глаза, практически чёрные. И взгляд будто знакомый, чуть надменный. «Точно как у Бортновского» – получилось невесело вздохнуть. Только у незнакомца не было во взгляде налёта прожитых лет, не было многогранного опыта и той силы, которую приобретаешь с годами, а так... один в один. Незнакомец смотрел на Алёну и видел перед

собой пустоту. Разве что эта пустота была разбавлена смазливой внешностью, да девичьим пылом, который упустить и не заметить было просто невозможно. Причёска у него была какой-то необычной. Сейчас Алёна пыталась припомнить и почувствовала, что улыбается. Глупо и неправильно. Как последняя дура!

Резкий он был. Весь из себя не огранённый. Тот самый плохой парень из родительских кошмаров, которого непременно хочется приручить. И отнекиваться бесполезно – понимает, что пропала. Черты лица заострённые и причёска такая же, когда кончики волос свисают острыми иголками, когда весь взрывоопасный образ записывается на подкорку, больно ранит сознание, надёжно застревая в нём. Правильной формы широкие брови, острый подбородок и почти орлиный нос. Почти...

С возрастом гадать всегда было сложно, но, казалось, что ему не больше тридцати. Одежда тёмная, подчёркивающая поджарую фигуру и неуёмную бунтарскую натуру. Ведь он бунтовал, иначе и быть не может. Это было понятно по взгляду, по голосу, по резко брошенным фразам. Алёна припомнила на левом запястье браслет часов. Дорогих. Папа носил ту же марку. На шее – приличную по толщине цепь, выглядывающую над воротом пуловера из тонкого трикотажа. То же тёмного. А ботинки... «какие могли быть у него ботинки?» – она нахмурилась и тут же этому улыбнулась: начищенные до блеска и никак иначе! Вот такой весь идеальный

неидеальный парень.

– Всё равно моим будет. – Тихо пробубнила Алёна, уже фактически ощущая пригласительный билет в своих руках. – С хозяином своим или без него! – Уверенно заключила она и бросила дерзкую улыбку навстречу следующему дню.

Вот только днём уверенности поубавилось и вчерашние идеи всё больше походили на безумные, необдуманые, ведущие за собой новую череду последствий. А последствия – это лишения, запреты, коих и без того в жизни Алёны теперь предостаточно. Потому она и выбрала путь наименьшего сопротивления: позвонила коллеге, который наверняка знает, кто представит их редакцию на благотворительном вечере.

– Привет, привет, изгнанная. А я уж думал, из таких мест не возвращаются. – Засмеялся Игнатов, любимчик главного редактора и представитель журналистской элиты города.

– Привет. Как понял, что это я? – Вздохнула Алёна и покосилась на телефон, номер для которого приобрела только вчера.

– А кто ещё может звонить в такую рань, если не ты? На часы смотрела? Семи нет! – Прикрикнул он, но без злости. Тут же рассмеялся. – Других таких же сумасшедших я не знаю. – Добавил мужчина и задержал дыхание. – Неужто соскучилась? – Проговорил он с придыханием, а Алёна недовольно фыркнула и предпочла промолчать.

Об особом отношении воротилы пера к молоденькой практикантке год назад перешёптывалась вся редакция. К

счастью для самой Алёны, никаких решительных шагов Игнатов не принимал и вскоре перешёптывания, как и упоминания о них двоих как возможной паре, сошли на нет, но вот редкие шутки нет-нет, да и проскакивали. Вот как сейчас. И многообещающие взгляды с его стороны – тоже. И намёки... Оттого Алёна и фыркала, оттого и кривилась, но сейчас нужно было ласково мурлыкнуть и пообещать все краски мира, потому она и откинула голову назад, расправила плечи, и улыбнулась роковой улыбкой соблазнительницы. Да так, что Игнатов, не видя всего этого, почувствовал изменения и насторожился.

– Что-то хочешь мне сказать и не решаешься? – Похотливо потянул он, но не рассмеялся, а, наоборот, выдал напряжение.

– Ну, теперь я понимаю, за что тебя прозвали великим и могучим. – Не поскупилась на комплименты Алёна и закусила губу, чувствуя себя неловко в несвойственной, непривычной роли. – Раскусил на раз. Я действительно хочу и действительно не решаюсь. – Позволила она словам прозвучать двусмысленно, а Игнатов отчего-то устало выдохнул и скрипнул зубами.

– Нет. – Проговорил он категорично, не позволяя петлять и далее.

– Нет? Но ведь ты меня даже не выслушал! – Опешила Алёна, а Игнатов нетерпеливо рассмеялся.

– Да, да, я негодай. И сколько обиды в голосе, сколько ис-

кренного непонимания! На всякий случай оглашу: Семёныч предупредил, что ты будешь звонить.

– И что? Я что теперь, не могу тебе позвонить?!

– Можешь. Только говорить ничего не нужно.

– Да я только спросить...

– Да, я освещаю благотворительный вечер. Да, на нём будет Бортновский и организаторы уже заявили об этом как о неизменном факте. Нет, я не возьму тебя с собой и никак не прокомментирую всё, что смогу там услышать и увидеть. Я ответил на все твои вопросы? Разбил все твои надежды?

– Да. – Легко согласилась Алёна, чувствуя, как что-то внутри с оглушительным свистом летит вниз. – И знай: я на тебя обижена.

– И это меньшее из двух зол, дорогая. Ведь я мог воспользоваться твоим вынужденным положением во всех некрасивых смыслах этого выражения, и в результате всё равно отказать, потому что иначе и быть не может. Тогда бы ты сказала, что ненавидишь меня и обозвала бы сволочью. Так что люби и цени моё благородство. – Рассмеялся Игнатов тишине в трубке. – А когда позвонишь в следующий раз, начнём с того же места, где сегодня и остановились. На твоём «хочу и не решаюсь».

– Ты сволочь, Игнатов. – Проговорила Алёна на выдохе и прервала связь, понимая, что и эта, весьма хлипкая надежда на успех рухнула, не успев окрепнуть.

Был ещё вариант устроиться в организацию, обслужива-

ющую подобного рода мероприятия, но здравый смысл подсказывал, что новичкам там не рады и едва ли допустят до барского стола вот так, с наскака, но попробовать стоило. И до двенадцати часов она успела не только позвонить, но и съездить в агентство, где её предпологаемо послали попытать счастья в местах не столь отдалённых.

– Что же не везёт-то так... – Она упёрлась кулаком в стену и глухо простонала, поглядывая на промокшие ноги, – брать зонт за свои двадцать три года Алёна так и не научилась.

Она тяжело вздохнула, покачала головой, не одобряя своё упрямство, и поплелась по ступеням всё на тот же четвёртый этаж. Уже и ключ достала, и даже разок провернула его в замке, когда внутри что-то щёлкнуло и, рассыпавшись, задрезало. Предел терпения – как сама она себе объяснила, стоя уже под чужой квартирой. В некой прострации Алёна нажимала кнопку дверного звонка. И ведь ни один из стоп-сигналов не сработал! Она даже не знала, что хочет сказать, да и кому сказать не знала тоже. А в голове вместо мозгов сплошное желе. Вишнёвое.

– Так и будешь стоять?..

В какой-то момент будто издалека услышала Алёна насмешливый женский голос и опомнилась, потрянула головой, попутно отмечая, что именно женщина стоит перед ней. Та самая, что вчера истошно кричала – Алёна узнала её по голосу, но, оценив внешность, немного опешила, ведь ожидала увидеть нечто иное. Сейчас перед ней стояла не исте-

ричная особа смазливой наружности и раннего возраста, на которых так падки успешные мужчины, а женщина взрослая, уверенная в себе, состоявшаяся. Явно старше парня, что был у неё вчера и так необдуманно обделил Алёну вниманием. «Альфонс. Наверняка это был обычный альфонс» – пронеслось в голове прежде, чем она успела хоть что-то сказать.

– Если посмотреть – это всё, что ты хотела... – Снова проронила незнакомка, но теперь с явной издёвкой, и попыталась было захлопнуть дверь, но Алёна собралась, пришла в себя и выдала милейшую улыбку.

Улыбка с её стороны только увеличила желание женщины напротив захлопнуть дверь, и пришло время проявить чудеса изворотливости и, буквально говоря, просочиться сквозь довольно узкую щель в квартиру.

– Нет! – Выкрикнула Алёна, отчего-то испугавшись. – В смысле, не посмотреть... – Добавила она, но скривилась, понимая, что говорит не то. – В смысле, здравствуйте. Меня Алёна зовут. Я ваша соседка из квартиры напротив.

– О, да ты и говорить умеешь. – Послышалась в голосе похвала и Алёна поджала губы.

Женщина извернулась, чтобы защёлкнуть замки входной двери, а потом скрестила руки на груди, изображая внимание.

– Да, так неловко получилось... Не знаю, что на меня нашло и...

– А что мерзкий старикан? – Нетактично перебила жен-

щина и неприятно оскалилась. – Он всё же облапошил эту дуру и завещал квартиру тебе?

– Кто?! – Не поняла Алёна, в панике пытаюсь объяснить историю своего возникновения на пороге квартиры. – Да нет же, я не о том! – Категорично закивала она головой в ответ, но услышать её не желали.

– Вот уж где был несносный старик! – В негодовании проворчала женщина, будто выругалась, но тут же оживлённо улыбнулась, демонстрируя искренность и доброхотство. – Если говорить по правде, то я его терпеть не могла. – Усмехнулась она и отступилась от Алёны, удаляясь в светлую гостиную комнату. В какой-то момент женщина обернулась, взглядом призывая идти следом. – Он всё время курил свою крючковатую трубку и этим дымом провоняла не только его и моя квартиры. Этим дымом, казалось, провонял и дом со всеми его жильцами!

– Ну да... наверно... – Припомнила Алёна и мамины жалобы по поводу той же курительной трубки. – Только я...

– А ты, стало быть, его внучка? – Широко раскрыв рот в необъяснимом азарте, женщина затаила дыхание и принялась рассматривать Алёну, совершенно не стесняясь внезапно возникшего интереса.

Да так смотрела, что едва ли не собственноручно ворочала девушку вокруг оси, пытаюсь изучить и малейшие детали.

– Очаровательна... – Не без удовольствия вынесла она вердикт и закатила глаза в немом восторге. – Поистине пре-

красна! – Широко оскалившись, даже пожала плечами, выпуская скопившуюся в теле истому. – Так, значит, ты теперь живёшь здесь?.. – Что-то прикинула она в уме и совершенно неожиданно сверкнула глазами. – А что же мать? Отпустила? Или в тебе проснулся запоздалый бунтарский дух?

– Вы знаете маму?.. – Нахмурилась Алёна, а женщина странно рассмеялась.

– Марта! – Протянула она руку в дружеском жесте. – Уверена, мы подружимся. – Многозначительно добавила она, когда Алёна ответила на этот жест.

Жест проявила, а вот инстинкт самосохранения вопил, требуя немедленно покинуть вражескую территорию.

– Ох, милая, что бы тебя сюда сегодня ни привело, уверяю, ты вытащила свой счастливый билет! И я тоже... – Добавила женщина со странной интонацией.

Спешно облизнув покрашенные яркой помадой губы, Марта, склонив голову в знаке учтивости, направилась к окну. Она присела на подоконник, удобно устроив на нём одну ногу, а вторую свесила в свободном положении и принялась аккуратно пошатывать ей из стороны в сторону. Странно прищурилась, всматриваясь в городской пейзаж, что открывался из окна, она поджала губы, а потом однобоко улыбнулась самой себе, будто и забыв о незваной гостье. Алёне стоило бы покинуть квартиру, но она отчего-то решила объясниться.

– Если у вас с мамой вдруг возникли какие-то недопони-

мания... – Спешно начала, а Марта рассмеялась в голос.

– Боже упаси, чтобы меня с ней связывали какие-то там недопонимания! – Запрокинула она голову назад и округлила глаза в знаке ужаса. – Твоя мать страшная женщина, – заявила с широкой улыбкой, – но, думаю, тебе об этом известно. – Поторопилась она добавить, понизив эмоциональность в голосе до полутонов. – И всё же как ты красива! – Мечтательно потянула Марта и, заставляя Алёну окончательно запутаться, закусила губу в завистливом знаке.

Женщина как-то сникла, её роскошная улыбка исчезла с лица, не оставив следа, а взгляд вдруг потух. Алёна встрепенулась.

– Вы тоже очень, очень красивая женщина! – Поспешила она заверить и Марта будто снова ожила. И снова лишь для того, чтобы рассмеяться.

– А я знаю! – Неодобрительно покачала она головой, предлагая не торопиться с громкими высказываниями. – Всё же не так давно смотрела на себя в зеркало. Но твоя красота дороже. – Проговорила она наставническим тоном. – Она лишь готовится расцвести, а моя... моя увядает. – Наигранно вздохнула она и нащупала на подоконнике рядом с собой пачку сигарет. Тут же вытащила одну и прикурила, глубоко затягиваясь ароматным дымом.

– Вы курите... – Проронила Алёна, припоминая недавний упрёк в сторону деда, и, в попытке придать словам объём, коснулась кончиками пальцев своих губ.

Марта глянула на неё с прищуром и затянулась глубже. Опустила взгляд на сигарету в собственных руках и в наигранном удивлении пожала плечами.

– Да. – Отмахнулась в итоге. – Какой-то идиот придумал, что сигарета успокаивает. Вздёрнуть бы его на рее пиратского корабля... да где же этот корабль сейчас взять?.. – Проговорила Марта и, казалось, что была не на шутку озадачена этим вопросом.

– Я бы хотела...

Попыталась Алёна всё же перейти к сути вопроса, о котором, как вдруг показалось, и сама забыла на какое-то время, но женщина, не позволяя сделать и шага в ту сторону, резко спрыгнула с подоконника и прошлась по комнате, попутно выпуская изо рта плотные клубы дыма.

– А ты, значит, не замужем? – Задала Марта вопрос, но утвердительная интонация не позволила воспринимать его однозначно.

Алёна несколько рассеянно кивнула и в жесте защиты вскинула руку с целью размять шею со стороны спины. Под ядовито-милым взглядом она одёрнула руку и несколько раз хватанула ртом воздух.

– Не-ет... – Нехотя выдавила из себя, понимая, что Марта так и ждёт ответа. – Мы как раз вчера решили расстаться... – Вдруг почувствовала острую необходимость обсудить это хоть с кем-то, пусть даже совершенно неподходящим, но Марта уже привычно перебила. На этот раз демонстратив-

ным вздохом, который должен был выражать что-то вроде сочувствия.

– Это непременно нужно исправить! – Воскликнула она и нервным движением затушила сигарету о массивную пепельницу, стоящую на старинном кофейном столике. – Девушке твоего положения и статуса просто неприлично быть одной. Сколько тебе сейчас? – Прищурилась Марта, прикидывая. – Двадцать два, двадцать три?

– Двадцать три.

– Ну вот! Я вышла замуж, как только мне исполнилось восемнадцать и, кстати, считаю, что это было едва ли не последнее моё здоровое решение. – Она выпрямила узкую спину и мечтательно закатила глаза. – А потом столько ошибок, столько нелепостей... – Будто осуждая саму себя много лет назад, она качала головой. – Боже, какими сладкими они были... – Потянула Марта слова, заманчиво облизывая губы, и, не переставая, улыбалась. Широко и дерзко. Алёна всегда мечтала быть такой, но мечты до сих пор так и остались мечтами. – А сколько боли принесли... – Тут же добавила женщина основательно и тихо, так, чтобы дошёл весь смысл. – Тебе точно, совершенно точно нужно выйти замуж! – Обрадовавшись собственной идее, Марта сверкнула яркими глазами. – И чем быстрее, тем лучше. – Добавила она со значением и склонила голову набок.

Алёна растерянно переминалась с ноги на ногу, пытаясь избавиться от странного взгляда собеседницы, как вдруг по-

чувствовала, насколько навязчивым, насколько твёрдым он стал.

– Как тебе, кстати, мой Андрей? – Проговорила Марта вкрадчивым голосом и широко улыбнулась тому, как вспыхнули щёки девушки. – Вы вчера столкнулись в подъезде. Он так сказал. – Тихо добавила она и с удовольствием наблюдала за тем, как щёки Алёны в буквальном смысле становятся пунцовыми.

– Я... я... – Хватала она воздух ртом, пытаясь откреститься от подозрений, а Марта выгнула и приподняла бровь, в предвкушении поджала губы.

– Да будет тебе так волноваться... – В итоге отмахнулась она. – В конце концов, что тут такого? – Женщина совершенно невинно пожала плечами. – В любом случае, не стоит строить на его счёт далеко идущие планы. Андрей совершенно не готов к семейной жизни, к ответственности. К той самой ответственности, которая присуща главе семьи. Здесь, вероятно, сыграла роль ущербность его отца, но в целом мальчиком можно гордиться. – Принялась рассуждать она, но углубляться не желала и, нахмурившись, махнула на всё рукой. – Андрей мой племянник. – Рассмеялась в итоге Марта и подошла к Алёне вплотную, погладила ту по ладони в успокаивающем жесте. – Присаживайся. – Повела она рукой в сторону дивана и склонила голову набок, глядя на то, как Алёна устраивается.

– Вы извините, что я ворвалась вот так, без приглашения,

но у меня к вам дело. – Выговорила Алёна, как только почувствовала секундную паузу, послабление в общем контроле над ситуацией у хозяйки квартиры, и смотрела в ожидании ответа, с которым, сказать нелишне, женщина не торопилась. И должного интереса к словам не проявляла.

Марта прошлась по комнате с видом королевы, никак не меньше, поправила свежие розы в высокой вазе, направляя бутоны к свету, вдохнула их аромат и только после этого будто опомнилась.

– Ты любишь цветы? – Оглянулась она на Алёну и, в ожидании ответа, обратила внимание на то, как та напряжена. Улыбаться Марта отчего-то перестала.

– Люблю. Но не розы. Мне больше нравятся хризантемы. Большие. Белые. – Ответила Алёна на вопрос развёрнуто и полно. Она заправила волосы за ухо и теперь присматривалась к хозяйке с иным, нематериальным интересом.

До этого видела объект, владеющий определёнными благами, возможностями, теперь же интересную женщину. Женщину со своей игрой, со своими помыслами. Смотрела и осознавала, что Марта знает и понимает намного больше, чем хочет показать. И что какие-то цели у неё действительно имеются, пусть и пока неизвестные.

Красивая. Однозначно. С глубоким чёрным цветом волос, со светлой кожей, матового оттенка. Глаза живые, яркие, привлекающие внимание. Поступь мягкая, движения в основе своей плавные. Голос нежный, податливый, но с властны-

ми нотками. Он будто перетекал из одной ипостаси в другую и, в зависимости от желаний хозяйки, готов был то ласкать, то обрушить на твою голову кучу булыжников. Она была явно дамой высшего общества. Роковой красавицей, не иначе. Алёна практически уверена, что не один десяток мужчин пал к её ногам. Стройная и умеющая подчёркивать изящную красоту. Женщина со вкусом, с собственным мнением в отношении современной моды. Хитрая и наверняка коварная. Во всяком случае, именно с подобным типом людей Алёна ассоциировала коварство. И вся её сущность кричит об этом. Улыбка широкая, чаще вызывающая, порой похожа на оскал. Но не тот оскал, который пугает, а тот, который тебя о чём-то предостерегает, заставляет насторожиться.

Женщина с большим жизненным опытом, которым она козыряет по праву. Это пока ещё Марта не в полную силу демонстрирует свои навыки и умения, но совсем скоро, Алёна уверена, она сможет убедиться в этом воочию. А ещё эта женщина определённо имела власть. Над людьми в целом. И их половая принадлежность едва ли играла какую-то роль. Если бы Алёна не ушла из дома, то непременно спросила бы у матери о новой знакомой, но сейчас, демонстративно отказавшись от любой поддержки, от защиты, она была вынуждена ступать с закрытыми глазами на грабли, заведомо направленные в свою сторону. И ступать на них она была готова без сожаления.

– Андрей говорит, что порой я бываю похожа на большую

чёрную кошку. – Вдруг проронила Марта и Алёна подскочила, понимая, что увлеклась разглядыванием и перешла все допустимые пределы приличия. Подскочила, опомнилась, но неожиданно даже для самой себя улыбнулась произнесённым словам.

– Наверно, он прав. Пока вы молчали, меня тоже мучила эта ассоциация, но суть никак не удавалось уловить. А теперь вы сказали и...

Алёна снова улыбнулась и вдруг почувствовала, как тело расслабляется. В какой-то момент она перестала ощущать явно исходящую до этого со стороны женщины угрозу.

– Ты говорила о каком-то деле? – Вскинула Марта взгляд, тоже справедливо откинув излишние подозрения, которые, теперь можно было сказать точно, она питала чрезмерно остро и вполне оправдано.

Она слишком хорошо знала людей. Видела многих насквозь, вот и насторожилась. Теперь же... теперь же махнула на предрассудки рукой, как любила делать по жизни в прямом смысле этого выражения. Марта мягко улыбнулась, расправила на бёдрах идеально сидящие брючки и стала перед Алёной, демонстрируя готовность её выслушать. Но как только девушка очередной раз открыла рот, та остановила её жестом руки и всё же присела. На кресло, стоящее справа от дивана. Это тоже была своеобразная игра жестов и благосклонность на инстинктивном уровне. Подбадривая, Марта кивнула головой, предлагая приступить.

– Марта, я точно знаю, что у вас есть одна вещь, которая очень, очень мне нужна. – Вдруг сбилась Алёна с намеченного курса и перешла на просительный тон. Женщина его явно не оценила и криво улыбнулась.

– Ненавижу тратить время на загадки. – Проговорила она предельно жёстко. – Ты могла бы говорить более конкретно. – Подсказала та, чем незаметно для неопытной девушки фактически дала второй шанс. Сама не понимала этого желания, но твёрдо решила от него не отступать, расценив как верное предчувствие.

– Благотворительный вечер в пользу талантливой молодёжи. – Поторопилась Алёна и поёрзала на диване, устраиваясь на самом кончике сидения. Она судорожно выдохнула и с трудом сглотнула. – Ваш... племянник... – Проговорила Алёна и глянула на Марту в поиске одобрения к словам, но женщина лишь холодно усмехнулась. – Я видела, как он достал пригласительный билет из почтового ящика. Мне очень нужно быть там. – Постаралась она вложить в слова как можно больше уверенности и реакция женщины позволила зародиться надежде на успех.

– Благотворительный вечер? – Задумавшись, повторила Марта, но едва ли позволила хоть что-то прочесть на своём лице, в глазах.

Она просто поднялась и вышла в другую комнату, а вернулась со стопкой корреспонденции в руках. Небрежным жестом швырнула письма на кофейный столик и скрестила ру-

ки на груди.

– Который из них? – Бросила она ленивую фразу и с пристальным взглядом наблюдала за тем, как ловко Алёна выбрала из стопки конвертов один нужный.

Выбрала, но в руки не взяла, а лишь отодвинула в сторону. «Подкупила, чертовка!» – мысленно послала ей Марта похвалу и, устроившись на прежнем месте, вскрыла конверт. Она пробежала взглядом по ровным строчкам, прицениваясь, вытянула вперёд губы, а потом бросила обратно на стол в жесте безразличия.

– Совершенно неинтересное мероприятие, где толстосумы с гордым видом будут выписывать смехотворные по содержанию чеки на якобы поддержку юных дарований. – Без удовольствия заключила она и брезгливо скривилась. – Тебе там нечего делать. – Озвучила несложные выводы и азартно прикусила нижнюю губу, глядя, как гневно вспыхнули глаза девушки.

– Мне очень нужно быть там!

– Настолько, что готова поделиться соображениями?

– Я бы не хотела втягивать кого-то ещё... – Принялась Алёна невнятно бормотать, на что Марта громко и покатиисто рассмеялась, забавляясь чужой наивностью.

– Ты милейшее создание, Алёнушка. Но, уверяю, всё, что тебе нужно, это выйти замуж. Если хочешь, я даже подскажу за кого и, чтобы ускорить процесс, дам тебе лестную характеристику. – Постепенно отходя от смеха, Марта смягчалась

всё больше, всё больше расслаблялась. – И, кстати, имей в виду: если ты собираешься пройти по моему пригласительному билету, то уже подставляешь. Так что я в доле! – Поставила она неоспоримое условие, демонстративно потирая ладони, и ничего другого не оставалось, как признаться в затее.

– Там будет один человек. – Наспех проговорила Алёна и судорожно вздохнула. – Не совсем честный. И я просто обязана...

– Стоп, стоп, стоп, стоп, стоп! – В знаке протеста Марта принялась активно размахивать руками. – Зачем тебе это нужно?

– Что? – Опешила Алёна, не понимая такой острой реакции.

– Зачем тебе это нужно? – Повторила Марта более основательно, с нажимом, чётко выделяя артикуляцией каждый звук. – Ты молодая и красивая. Тебя должны интересовать мода, украшения и любовь. А ты о каком-то человеке печёшься...

– Но он ведь неправ!

– И что? Он каким-то образом пересекается с твоими интересами? Личные счёты? Что?! – Вызывающе бросила Марта, на что Алёне ответить было вроде и нечего, но соблазн всё же выступить был слишком велик.

– Я журналист и я обязана освещать важные события в жизни нашего города!

– Журналист? – Ахнула Марта и, буквально говоря, рухнула на спинку кресла, застыв с выражением изумления на лице. – Милая, ты говорила, что недавно рассталась с молодым человеком?..

– Я не собираюсь замуж! – Предупреждая очередное подобное предложение женщины, Алёна категорично от него открестилась. – Я буду строить карьеру.

– Детка, с такой внешностью, ты могла бы строить мужчин вокруг себя, не прикладывая для этого и малейшие усилия. А они бы приносили в зубах добычу, с энтузиазмом разгребали твои проблемы и убирали с пути всех неугодных без риска для жизни любимой. Какой дурак научил тебя копать во всём этом дерьме самостоятельно? – Неожиданно растеряв всю присущую интеллигентам тактичность, выругалась Марта и казалась не на шутку удивлена.

– Это моё осознанное решение.

– Да, да, конечно, только позволь уточнить: оно возникло до того, как ты поняла, что твой любимый цвет зелёный или после?

– Конечно, после! – Попыталась было Алёна возмутиться, как вдруг поняла завуалированный смысл вопроса и покраснела. – Я не ребёнок! Я с пятнадцати лет пишу статьи и заметки в газетах. Я пять лет училась для того, чтобы делать это грамотно и правильно, видеть смысл, улавливать суть, выделять основную идею. И я с детства ненавижу лицемеров и лгунов! – Эмоционально закончила она гневную

тираду, запоздало осознавая, чем может обойтись подобный выпад.

Но Марта отреагировала на удивление спокойно. Она растянула губы, создавая видимость улыбки, и склонила голову набок.

– Меня беспокоит твоё будущее. – Проговорила она в итоге, но высказаться вновь не позволила: недовольно поджала губы, устремила взгляд к полу. – Ты... пойдёшь на этот вечер, дорогая. – Вскинув голову, решительно выдала Марта, не пытаясь спрятать бушующие внутри огонь, азарт, вдохновение. – А я буду твоим фонариком, освещающим путь в совершенном мраке современной элиты.

– Вы поможете мне?

– Разумеется. Мы ведь подружки! – Алчно сверкнула глазами Марта, отчего Алёна поёжилась. – А подружки должны помогать друг другу, не так ли?

Впитав в себя внутренний страх, который сейчас буквально источала Алёна, Марта обхватила ладонями подлокотники кресла, чуть подалась вперёд.

– Не спросишь, что я потребую от тебя взамен за эту услугу?

– Не спрошу.

Услышав решительный и твёрдый ответ, Марта передёрнула плечами, довольно выгнулась, напоминая кошку роскошной чёрной масти, и довольно стрельнула в Алёну глазами. Зелёными. Колдовскими.

— Кстати, напрасно. — Оскалилась она. — Мы ведь друг друга совершенно не знаем. — Щёлкнула она Алёну по носу, когда та не ожидала, и задорно хихикнула, но повторять свой вопрос не стала, как и не позволила Алёне проявить запоздалый интерес.

Она поднялась из кресла, расправила брючки, едва не пританцовывая от удовольствия, и глянула на Алёну свысока.

— Когда всё закончится... — Начала Марта, обращая на себя внимание. — Когда мы разберёмся с этим твоим нечестным человеком... — Азартно глотнула она воздуха, интригуя. — Тогда, милая, ты всё-таки выйдешь замуж и, уверяю, будешь безмерно счастлива. Уж я-то об этом озабочусь. — Многозначительно кивнула она головой и, напевая какую-то мелодию, покинула гостиную.

Глава 3

Вернулась в комнату Марта, уже изрядно растеряв весь свой игривый настрой. Она была предельно серьёзна и явно напряжена. И лишь всё та же мелодия, которую продолжила напевать, напоминала о былой лёгкости. Она с задумчивым видом прошлась по комнате взад-вперёд, несколько раз выглянула в занавешенное окно, а в результате стала, подболевшись, и уставилась на Алёну.

– Так, значит, журналист... – Произнесла она так, будто пыталась посмаковать эту фразу, но та оказалась ей не по вкусу. – И что сейчас происходит... там?.. – Она кивнула головой за окно, в сторону улицы.

Алёна с определённой долей интереса глянула сначала на Марту, а потом и в сторону окна её квартиры.

– Да ничего. – Заключила, будучи совершенно удивлённой собственным словам, собственному мнению. – Знаете, это очень странно, но действительно ничего не происходит. – Оживилась она и передёрнула плечами. – Может, где-то в верхушках власти и дует ветер, а у нас, простых смертных, затишье. А почему вы спрашиваете? – Нахмурилась, на что Марта доброжелательно улыбнулась, странно засуеилась и в итоге эмоционально вскинула руки вверх.

– Жизнь такая странная штука, Алёнушка, – рассмеялась она непонятно чему и тут же погрустнела. – Человек очень

быстро привыкает. Ко всему. К людям, к эмоциональной обстановке, что его окружает, к уважению или к гнёту... И я настолько вжилась в роль успешной дамы, которой не нужно заботиться о хлебе насущном, о мнении окружающих людей, что... что просто потерялась, не заметив, как мир вокруг начинает рушиться. – Марта мучительно скривилась, пытаясь словами выразить то, что, вероятно, чувствует. – Заблудилась в вымысле, в реальности, запуталась в причинах и следствиях из них. – Принялась она бурно дышать, приближаясь к сути, и в итоге эмоционально сдалась, подстраиваясь под волю обстоятельств. Взгляд стал бездонным и пустым, яркая улыбка померкла, а идеальный образ растаял. – Не так давно я потеряла близкого человека.

Выдала Марта, собравшись с мыслями. Схватила ладонью за шею, будто при недостатке кислорода, и метнулась в сторону окна, схватила за ручку, но так его и не открыла. Она сдалась в бессилии, её голова поникла, плечи опустились, а Алёне не оставалось ничего другого, как в качестве зрителя наблюдать за идеальной игрой одного актёра. Только и успевала, что водить глазами из стороны в сторону, запоминая каждую деталь.

– Я потеряла человека эмоционально близкого, родного духовно. – Дрогнули её плечи, за чем последовал протяжный вдох. – Мы уже давно не общались и старались даже не пересекаться, но само осознание того, что рядом такой человек есть, настраивало на лучшее. А вот сейчас я даже не знаю,

как жить дальше. Неделю не выхожу из дома. Собственно, по этому поводу мы вчера с Андреем и спорили. – Обернулась она, глядя, как Алёна меняется, услышав упоминание о мужчине. – Он беспокоится.

– Извините, у вас горе, а я...

– Алёна, ты меня совершенно не слушаешь. – Устало выдохнула Марта и обернулась. Она уселась на подоконник, закидывая ногу на ногу, приткнулась головой к углублению окна. – У меня не горе. Я перегорела. Эмоционально. В жизни потерялся очередной смысл.

– Но вы всё же согласились идти со мной. Почему?

– Ты меня заинтересовала. Такая странная, будто с Луны свалилась. – Выдала Марта то, что едва ли походило на похвалу. – А ещё ты нуждаешься в защите. – Склонила она голову набок, умиляясь не отпускающему гневному румянцу. – Я могу тебе её дать. – Пообещала, чем окончательно пригвоздила к месту. – Сама же с твоей помощью адаптируюсь, наконец, к новым условиям и забуду о затворничестве как о страшном сне. Кстати, – дёрнулась было она с места, но тут же опала обратно, – у тебя есть подходящее платье? Я могла бы помочь с выбором. – Заверила Марта, на что Алёна ответила категоричным отказом.

– Спасибо, я справлюсь. – Она поднялась с дивана, намереваясь распрощаться, но у Марты были совершенно другие планы, потому та взяла Алёну под руку и лично сопровождала до квартиры.

– Как это опрометчиво, оставлять ключи в дверях. – Негодуяще пожурила женщина, проворачивая ключ в замке, и первой ступила на неизведанную до этого территорию. – Как ты живёшь в этой клетке? Здесь же совершенно нечем дышать! – Заявила она уже с порога, метнулась в центральную комнату и дёрнула на себя створки окна, отпирая их, запуская прохладный осенний воздух. Только тогда и смогла прицениться к обстановке, к интерьеру.

– Это неподходящий фон для юной особы. – Марта своевольно взмахнула рукой и скривилась, глядя на мебель и декор. – Здесь всё нужно поменять! Буквально всё! Нужно больше белого. – Она мечтательно прикрыла глаза. – И больше пространства! – Непонятно чему рассмеялась. – С деньгами я тебе помогу, а об остальном можешь не беспокоиться. – Категорично заявила, не давая возможности вставить и слово, а потом с решительным видом нахмурилась. – Итак, показывай!

– Что показывать? – Не поняла Алёна, просто не успевая за бурным нравом новой знакомой.

– Ну, как же? Платье! Я хочу его видеть!

– Марта, подождите...

– И прекрати мне выкать! – Перебила та. – Знаешь, почему я там, где многие могут побывать лишь в мечтах?

– Я даже не спрашиваю, где именно это место. – Пробормотала Алёна в сторону, а специально, демонстративно и только для Марты добавила: – Почему?

– Потому что я всё начатое довожу до конца, умею смотреть вперёд и предугадываю чужие ошибки, автоматически превращая их в свои достоинства. И, уверяю, платье для девушки, когда она выходит в свет первый раз, значит намного больше, чем все глупости и нелепости, которые она может совершить в этот самый вечер. Мы просто не имеем права на ошибку! – Заключила она с довольным видом и в жесте настойчивости скрестила руки на груди.

И Алёна сдалась. Не сказать бы, что особо противилась напору, ему в принципе нельзя было противостоять, но вот такое бестактное вмешательство в частную жизнь заставляло взбунтоваться. Заставляло... но Алёна покорно направи-лась ко всё ещё не разобранным сумкам, успокаивая себя тем фактом, что стала на шаг ближе к желаемому.

– Алёна, ты преступница! – Воскликнула Марта, как только увидела наряд. – Такую вещь ни в коем случае нельзя комкать или мять! Это платье следует перевозить в чехле и никак иначе. – Она забрала вешалку из рук и поднесла к свету. – Произведение искусства! – Заключила, не веря собственным словам. – Где взяла? – Завистливо стрельнула она глазами, но тут же задорно рассмеялась. – Скорей ко мне, кое-что тебе покажу.

Марта Рванула прочь из квартиры, так и удерживая вешалку с платьем на вытянутой руке.

Спешно перебирая какие-то безделушки в основательной по размерам шкатулке, она извлекла и продемонстрировала

набор украшений. Округлила глаза, глядя на бесстрастное лицо Алёны, и разочарованно выдохнула, так и не услышав звуков восторга.

– Судя по всему, ты ничего не понимаешь в драгоценностях. – Резко выдохнула она и расправила плечи. – Примерь! – Не просила – приказывала и буквально втокнула Алёну в просторную гардеробную комнату, всучив в одну руку платье, а в другую тот самый набор украшений.

С нетерпением дожидалась, пока та покажется, демонстрируя наряд, и задержала дыхание, когда девушка всё же вышла.

– Бордовый – твой цвет. – Вспыхнула Марта румянцем нетерпения и потянула Алёну за руку на себя, позволяя роскошной ткани блистать переливами в искусственном свете гостиной комнаты. – И камень... – Губами причмокнула. – Камень тоже твой. Гранат. Ты даже представить себе не можешь, как преобразились твои карие глаза на его фоне, ну... и как выглядит камень на фоне этих карих глаз. Как жаль, что в наше время не устраивают балы дебютанток. Уверена, ты была бы нарасхват.

– Марта, ты опять... – Надулась Алёна при упоминании о замужестве, но не сумела сдержать улыбку вдохновения, как только увидела собственное отражение в зеркале. В момент, когда отвернулась, отвлеклась от созерцания, хотела выдвинуть очередной упрёк, но Марта качнула головой, не позволяя продолжить.

Алёна мягко улыбнулась, коснулась кончиками пальцев украшений, поддевая выбранные ею серьги, провела по запястью, увенчанному браслетом. Грудь была закрыта. Грудь не нуждалась в излишнем внимании, в акцентах... она сама по себе была неплохим акцентом и лишь порождала желание, заставляя мечтать о большем. Марта осталась довольна и собой, и подопечной, к разряду которых практически мгновенно отнесла Алёну, расслышав бунтарские нотки, желание навести в мире справедливость. Это было так знакомо... до боли, иначе и не скажешь. И пусть сама Марта так наивна не была, ведь дорого поплатилась за неверные выводы и прошлые ошибки... Но и этой милой девочке упасть на самое дно, разбиться... позволить не могла.

Звук открываемой двери нарушил уединение и уничтожил возникшее волшебство. Марта с сожалением поджала губы, а Алёна встрепенулась, но так и не смогла сдвинуться с места.

– А у тебя не заперто. – В некой прострации проговорил Андрей, племянник, как утверждал Марта, глядя на Алёну с каким-то странным выражением лица.

На некоторое время он растерялся – не ожидал, но вскоре опомнился и уверенно шагнул вперёд.

– И какая красота! – Едва не облизнулся он, отмечая совместный выбор дам вожаделенным взглядом.

Потом, правда, присмотрелся, прищурился и широко улыбнулся.

– А-а... это ты. – Проговорил снова, но уже не тем тоном, что вчера, а более дружелюбным, располагающим.

Мужчина обернулся на Марту и тут же стрельнул глазами. А потом как-то резко перестроился, сцепил зубы и поиграл желваками, разглядывая Алёну, с, казалось бы, непозволительным пристрастием. Так они стояли не меньше минуты, а потом на губах мужчины застыла игривая улыбка, а позже и она сменилась широкой, целенаправленной, до неприличия обаятельной.

– Андрей. – Шагнул он к Алёне навстречу и протянул руку. И так смотрел, что едва ли позволил бы отказаться от жеста дружелюбия.

– Очень приятно. Алёна. – Тихо ответила она и обернулась на Марту, не зная, как спастись от настойчивого взгляда. Та призыв о помощи уловила на раз и растянула губы в усталой улыбке.

– Тебе пора, дорогая. Я позже зайду и всё обсудим. – Проговорила она ровным, не передающим ни единой эмоции тоном. – Андрей! – Обозвалась, заставляя того отступить, но мужчина не торопился.

Он с пониманием кивнул, так знакомо оскалившись, провёл языком по внутренней стороне нижней губы, но взгляда не отвёл. Алёна даже не поняла, почему в прошлый раз подобная улыбка могла показаться ей знакомой, но дыхание задержала, осознавая, что он так и удерживает её руку. Надёжно и крепко. Так непривычно... Денис обычно едва касал-

ся, делая упор на нежность, а этот... этот просто делал упор. На своё желание, видимо, на свой интерес. И не позволял трактовать его как-то неправильно, искажённо. Он улыбнулся шире в момент, когда Алёна потянула руку на себя, пытаясь избавиться от захвата, но не уступил: дождался, пока та успокоится, и только тогда разжал свою ладонь, давая определённую свободу. Отпустил её, будто воздушного змея. Напоминая, что крепко удерживает верёвку, что сам контролирует, насколько высоко этому змею придётся лететь. И всё это за секунду, за мгновение промелькнуло во взгляде и исчезло. Алёна поёжилась и шагнула в сторону, желая мужчину обогнуть, а тот развернулся, глядя вслед.

– Беги, беги, прелестное создание. – Усмехнулся он. – Я тоже быстро бегаяю. – Многозначительно добавил и пожал плечами, как только Марта его одёрнула.

Слышать, о чём говорят эти двое, Алёна не пожелала, и плотно прикрыла за собой входную дверь, а за своей, так и вовсе спряталась, запираясь на все замки.

– Что?! – Пробасил Андрей, как только остались с Мартой наедине и понимающе хмыкнул, отзываясь на её раздражённый взгляд. – Она просто чудо, разве с этим можно спорить? – Явно насмехаясь, развёл он руками.

– Не смей так на неё смотреть. – Зло процедила Марта сквозь зубы и отвернулась от племянника.

– Считаешь, без твоего совета не разберёмся? – Услышала она насмешливые слова и не сдержалась, развернулась и

хлестанула того по щеке.

– Не смей так на неё смотреть! – Вызверилась, едва не заколотившись от злости, а мужчина стерпел. Смотрел ошарашено, грозился желваками на скулах и даже сжал кулаки, но уравновешено выдохнул, прежде чем произнести какие-то слова.

Только потом он виновато улыбнулся, сгладил линию бровей, явно уступая, и, чуть поглаживая, коснулся её лица.

– Ну что ты, Марта? – Усмехнулся он и приобнял её со спины. – Не хмурься... И ни в коем случае не поджимай губы. – Принялся он раскачивать её из стороны в сторону. – Когда ты их поджимаешь, мгновенно выглядишь лет на десять старше. М-м? – В щёку поцеловал и сжал в объятиях крепче.

Андрей не стал настаивать, когда Марта попыталась стряхнуть его прикосновение.

– Ну, хочешь, я сначала женюсь на ней и лишь потом сделаю все свои грязные предложения? – Потянул с издёвкой и широко улыбнулся тому, как Марта спохватилась, посылая взглядом в его сторону огненные стрелы. – Да шучу я. – Поспешил заверить Андрей, но смотрел на тётку с интересом.

– Держись от неё подальше. – Проговорила Марта тихо и увесисто. Она снова остановилась у окна, глядя, как частые капли покрывают и без того мокрую землю.

– Это ещё с чего? Может, девушка мне понравилась? Может, я даже влюбился?

– Она не из тех особ, с которыми ты привык общаться.

– Я всегда тянулся к прекрасному. – Усмехнулся Андрей, но на острый взгляд женщины выставил перед собой раскрытые ладони. – И с чего тебя так задело, позволь спросить?

– Не позволю.

– Прикажешь разобраться самому?

– Прикажу не подходить к ней ближе, чем на сто метров.

– Ты сейчас меня или её хочешь посадить на цепь?

– Андрей...

Что-то отрицая, Марта покачала головой, а он не поддался. Надул грудь колесом, сделал выпад вперёд и прошептал прямо на ухо:

– Спрячь за высоким забором девчонку, выкраду вместе с забором.

Андрей удержал плечи женщины, не позволяя развернуться, но почувствовал мощнейшую вибрацию, что прошла по её телу.

– Я люблю тебя. – Проговорил он, покаянно приткнувшись лбом к её макушке. – Но иногда твоя опека переходит все границы.

– Просто сделай так, как я сказала.

– Марта... не дури... – Напряжённо выдохнул мужчина, а потом будто оттолкнулся от неё, отошёл в сторону. – Я так понимаю, она привела тебя в чувства, да? Почему? Смысл тебе впрягаться за эту девку? Особенная?

– Особенная... Наивная дура, каких поискать. – Озлоб-

лено выговорила Марта и как-то устало прикрыла ладонями лицо. – Уходи, не хочу тебя видеть...

– Марта, не затягивай старую песню. Я хочу знать, что ты в норме. – Заводясь с пол-оборота, напрягся Андрей, а она скривила губы, будто приноравливаясь к внутренним ощущениям.

– Я в норме. – Легко поддакнула.

– Да я вижу!

– И завтра не приходи, меня не будет. Мы с Алёной идём на благотворительный вечер. – Улыбнулась она, глядя на то, как Андрей округлил глаза.

– Так, ты, может, и в офис вернёшься, нет? – Покосился.

– Пока нет, я не готова. И не трогай меня по этому поводу. Доверенность у тебя есть – ворота.

– Я чего-то не знаю? Что происходит?

– Новый виток жизни. Не больше и не меньше. – Пожала Марта плечами. – А сейчас уходи. Мне ещё предстоит настроиться, чтобы снова увидеть свору сумасшедших псов. За последнюю неделю я от этого отвыкла...

– Ничего. Я практически уверен, что большая чёрная кошка всем покажет свои коготки.

– Уходи. – Отвернулась она в последний раз и закрылась в собственной спальне. Хотя и туда не заходила целую неделю.

Марта ушла от Алёны уже за полночь, а ей всё не спалось. Насыщенный событиями день не отпускал. Но не столько

трогал успех в делах, как этот Андрей со своим взглядом. Навязчивым, настойчивым. И её реакция на него... Алёна, буквально говоря, млела перед мужчиной. А ещё теряла дар речи, и способность соображать. При этом глубоко внутри зарождалось приятное волнение. Будто в ожидании чего-то неизвестного, но очень и очень приятного. С Денисом тоже так было, но совсем недолго. Может, в момент знакомства... всё же первый опыт. А потом как-то вдруг стало обыденно. Он ничего не обещал и не звал за собой в розовую даль. Просто сразу дал понять, что эти отношения... что они серьёзны и очень важны для них обоих. Причём как-то за двоих и решил. А Андрей... он, Алёна практически уверена, что он и не станет ничего обещать. Хотя бы оттого, что в этих обещаниях не нуждается. Это такой тип мужчин, которые приходят и берут всё, что их заинтересовало. Алёна его интересовала. Зацепила, привлекла и тут же умудрилась запутаться сама.

Так и крутилась с бока на бок битый час, не справляясь со всё возрастающим интересом. Она разозлилась сама на себя за эти чувства, вскочила на постели, но не стала включать лампу. Сидела в темноте, разглядывала тени от проезжающих по улице автомобилей. Рассматривала, как вдруг заметила направленный в её окна поток света. Сначала смотрела с опаской на него, а потом заинтересовалась, подобралась и приблизилась к окну.

Алёна одёрнула занавеску и замерла, глядя на мужчину с

огромным фонарём в руках. Он улыбался. Андрей. Стоял и смотрел на неё. Точно так же, как совсем недавно у Марты в квартире. И дрожь, ощутимо пробежавшая по телу, не стала для Алёны неожиданностью. Сначала она вся задрожала изнутри от понимания происходящего, и только потом выпустила из себя поток неконтролируемой энергии. Часто задышала, заметив, как он жестом предлагает поговорить, и резко качнула головой, как только с сдвинулся места с намерением подняться. Алёна нерешительно глянула на створку окна, когда он свистнул, и всё же его распахнула, понимая, что мужчина просто так не уйдёт.

– Чего ты хочешь? – Испуганно выкрикнула она, стараясь не перебудить весь дом, а Андрей плечами пожал и улыбнулся.

– Алёнка, выходи! Давай дружить! – Выкрикнул мужчина, не сдерживая себя особо, и тут же рассмеялся этому предложению.

– Ты с ума сошёл? Ночь на дворе!

– Так, это у меня на дворе, а у тебя ночь в уютной постели. Нечестно. Ты так не считаешь?

Он сделал всего шаг вперёд, а она тут же отшатнулась, будто и не разделяло их четыре этажа.

– Я тебя не приглашала.

– Так, пригласи сейчас! А я соглашусь...

– Иди спать! – Не выдержала она очевидного подтекста и закрыла окно. Тут же плотно его зашторила и прижалась

спиной к стене в понятном желании чувствовать рядом основание.

Вздрогнула, когда на всю квартиру прозвучала телефонная трель. Взяла аппарат в руки и, не решаясь ответить, уставилась на незнакомый номер. В гневном порыве она снова выглянула в окно и лишь убедилась в подозрениях, приметив в руках мужчины телефон. Сцепила зубы, глядя на то, как Андрей, жестикулируя, предлагал ответить и нажала на кнопку принятия вызова, но не произнесла ни звука. Какое-то время молчал и Андрей, а потом рассмеялся приятным сдавленным смехом, и было слышно, как облизнул свои губы.

– Алёнка, а ты сладкая? – Причмокнул он губами, смакуя её реакцию. Бурную. Даже не сомневался. – Не ответишь? – Обиженно прошептал. – Ну и не отвечай. Скоро сам узнаю.

Он отключился, чтобы тут же перезвонить вновь. На этот раз Алёна ответила быстрее, но едва ли слышала что-то большее, чем стук собственного сердца, увеличивающийся в геометрической прогрессии.

– А я уверен, что сладкая! – Проговорил Андрей с нажимом. – Спокойной ночи. – Прошептал он в трубку, но сам не отключился. – Если сейчас не сбросишь вызов, приму это за приглашение. – Пообещал он, сдавленно прохрипев, и впился в её лицо взглядом, посмотрев сквозь окно, как только услышал в трубке негостеприимные гудки.

Он будто через силу сел в машину и плавно тронулся с

места. Вот теперь сон точно помахал Алёне ручкой. А в голове, будто заезженная пластинка, звучит его голос... «сладкая...» и хочется бежать следом, отказавшись от всех доводов здравого смысла.

Ночь казалась бесконечной, а утро в результате наступило неожиданно. И своё опухшее от невесёлых мыслей лицо Алёна не сразу разглядела в зеркале. Она разочарованно фыркнула, умылась и нанесла маску, которую всегда делала по пятницам. Но, кроме тонизирующего эффекта, ещё избавилась и от последствий ночных фантазий. А уже через два часа выслушивала неумолкающий, но совершенно бессмысленный трёп парикмахера, юной девушки, что Марта привела с собой.

– Она просто невыносима, но руки золотые. – Сообщила та гораздо позже, уже помогая Алёне с платьем. Она явно осталась довольна результатом и набрала номер на своём телефоне.

– Мы готовы, подъезжайте. – Строго проговорила в трубку Марта и развела руками. – Ну, не на тыкве же нам, принцессам, ехать на бал? – Усмехнулась она собственной шутке и последний раз окинула себя придирчивым взглядом в зеркале.

Что тут можно сказать... Марта была безупречна. И если вчера Алёна об этом по большей части догадывалась, то теперь была уверена наверняка и подкрепляла эту уверенность увиденным воочию. Она выбрала чёрное платье в пол. Ниче-

го особенного, но выглядела в нём просто умопомрачительно. И все вчерашние похвалы по поводу образа самой Алёны как-то меркли на том самом чёрном фоне. Она выглядела ещё моложе, ещё совершеннее, и, ни чуточки не слухавив, без единого изъяна. Яркий макияж лишь подчёркивал бесовскую натуру, а уверенность в себе просто кричала о её положении в обществе. А ещё, несмотря на общий фон, рядом с Мартой было легко дышать. И даже её редкие и меткие наставления не портили общего впечатления.

– Ничему не удивляйся и не бросайся каверзными вопросами. – Усмехнулась она напоследок, перед тем, как выйти из авто. А после прошлась по красной дорожке с достоинством королевы, ненавязчиво улыбаясь редким встречным.

– Марта, ты не взяла пригласительный. – Запоздало опомнилась Алёна и уже собиралась мысленно обвинять себя в простофильстве, когда та настолько широко улыбнулась, что все мысли напрочь вылетели из головы.

– Хотела бы я посмотреть на того смертного, который посмеет меня остановить. – Сверкнула она острым как бритва взглядом, и решительно двинулась вперёд.

– Марта Вениаминовна. – В низком поклоне опустил голову внушительного вида секьюрити и Алёна ахнула. – А девушка...

– Девушка со мной. – Спешно отозвалась та, предостерегая от излишних вопросов, и вошла вовнутрь. – Чувствуй себя как дома и ни один из присутствующих не посмеет взгля-

нуть тебе прямо в глаза. – Марта придержала Алёну за подбородок, пока видеть этого никто не мог. – Ты королева! Ты здесь главная. А все остальные – не более чем придворные шуты. – Проговорила она абсолютно серьёзно и уверенным шагом двинулась вперёд, с давлением крейсера пересекая просторный холл.

Их проводили до столика в углу, помогли присесть, наполнили бокалы вином.

– Я думала, мы будем сидеть в центре. – Поделилась Алёна впечатлением, а Марта фыркнула.

– Вот ещё! Дурной глаз никто не отменял. Нас с тобой и так каждый заметит, а с этой точки зала видно, без преувеличений, всё и все. Уверяю, в накладке мы не останемся. Я предпочитаю наблюдать, нежели выставять себя напоказ.

– Глядя на тебя, так сразу и не скажешь. – Кинув на Марту очередной завистливый взгляд, Алёна улыбнулась. – Ты просто рождена блистать на публике.

– Отец уверял, что я рождена для того, чтобы ждать своего мужа с работы и баловать его вкусными обедами.

– Он был слепым?

– Нет, он был умным. Взять, к примеру, хотя бы твою мать.

– А что мама?

– Она как раз блистать и хотела, но твой дед настоял и вот: у неё статус замужней женщины и стабильность, а у меня...

– Рукой махнула.

– А у тебя что?

– А у меня слава непревзойдённой стервы, пустая постель и неудовлетворённый материнский инстинкт.

– У тебя нет детей?

– Ни детей, ни мужа. Только Андрей. Он сын моей сестры.

– Ну, значит, сестра есть.

– И сестры нет. Они с мужем разбились в автомобильной аварии пятнадцать лет назад. Андрею тогда не исполнилось и восемнадцати. Он был трудным подростком, но на удивление легко принял их смерть. Мы и прежде с ним были близки, хоть сестру это и не радовало, а потом и вовсе сошлись на фоне общей беды. Хотя я бы бедой их смерть не назвала.

– Что так?

– Сестра меня ненавидела и всячески пакостила с самого детства, а я платила ей если и не тем же, то чем-то подобным точно. Перенесла она эту привычку и во взрослую жизнь.

– Отчего же?

– Она мне завидовала. – Ахнула Марта, удивляясь вопросу.

– А был повод?

– А то! Я же была младшей и любимой дочерью. А ещё красивее, умнее и талантливей. Чем не повод?

– У меня нет сестры. Мне не понять.

– Иногда и это за счастье. – Едва уловимо кивнула Марта, убеждая. – Дурная кровь. – Задумавшись, проговорила она, а Алёна сконцентрировала внимание на этом выражении.

– Что?

– Это она так называла меня в детстве.

– А почему?

– О, это настоящая беда и страшная тайна нашей большой семьи. – Марта загадочно улыбнулась и пригубила вино из бокала. – Света перехватила это выражение от бабушки по линии отца. Старая горбатая еврейка терпеть меня не могла и ничуть этого не скрывала. А Светочку любила и всячески выделяла. Сначала я была маленькой и не замечала, а потом этот момент мне компенсировала родительская любовь и стало всё равно. – Проговорила Марта, прищёлкнув языком, но доля желчи в её словах всё же чувствовалась.

– Но ты говорила про страшную тайну.

– О, а ты, видимо, очень любишь тайны. – Склонив голову набок, Марта сверкнула глазами.

– Я журналист. Обнародование чужих тайн – это моя профессия.

– Высшей степени профессионализм, это когда ты раскрываешь чужие тайны с позволения их носителей.

– Для тебя, Марта, я сделаю исключение и всё услышанное оставлю при себе.

– Как искренне. Я сейчас растрогаюсь! Выпьем! – Протянула она бокал и задумалась над тем, чтобы произнести тост. – За тайны, которые останутся между нами! – Марта многозначительно подмигнула и посмаковала вино, сделав один маленький глоток. – Мама отца не любила. – Задумавшись, проговорила Марта. – Это был один из тех браков, ко-

торый родился не на небесах, а в кабинетах двух состоятельных мужчин. Мама была молода и красива, а отец умен и прочно стоял на ногах в свои двадцать с небольшим. Света родилась в первый же год брака и стала точной копией отца: невысокого росточка, пухлой, круглолицей и в очках. Отец любил детей, хотел большую семью и с каждым годом давил на мать всё сильнее. А она... как я сейчас понимаю, она просто терпеть его не могла. Была неприлично своенравна для девушки того поколения и холодна как истинная аристократка, чем просто разбивала ему сердце.

Папа хотел закрепиться в восприятии матери как отец её детей и как заботливый муж, потому продолжал настаивать на наследнике, а мама смотрела на Свету и украдкой вытирала набежавшие слёзы. Она так и не простила себе того, что её Светочка была не идеальна. Не такой, какой должна быть дочь красавицы своего времени. Подобной ошибки очередной раз мать позволить себе не могла и к моему рождению подготовилась основательно.

Я была зачата в любви и счастье. С другим мужчиной. – Выразительно округлив глаза, Марта усмехнулась. – Поговаривают, что скандал тогда случился просто грандиозный. Старая еврейка разрывалась – не отец. Отец, наоборот, винил себя в том, что так и не смог сделать маму счастливой и не смел её ни в чём упрекнуть. И если первая беременность проходила тяжело и в постоянном моральном давлении, то вторую, вынашивая меня, мать наслаждалась жизнью. Она

пела и танцевала, находясь в состоянии постоянного блаженства. А через пять лет после родов умерла. Я до сих пор уверена, что это было проклятием старой еврейки, которая стала высыхать точно после того, как проклятье исполнилось.

– Не особо ты считаешь стариков. – Заметила Алёна, а Марта вытянула губы и развела руками.

– Они ворчливы и нетерпимы к чужим слабостям. За что их любить?

– А как же уважение к предкам? Почитание их светлой памяти?

– Родственников нужно любить издалека. И чем дальше, тем крепче любовь. Слышала такое?

– Слышала, но никогда не понимала этого выражения. Я своих родственников люблю всех без исключения.

– Да, это естественная участь единственной дочки. Так вот, сестра всякий раз, пытаюсь меня задеть, оскаливалась и бросала эту непонятную для меня, как для маленькой девочки фразу: «дурная кровь». Сначала я не понимала, потом стала улавливать исходящий негатив, а, ответив однажды, что всё расскажу отцу, получила истеричный вопль, из которого следовало, что папе неродная. Мне тогда было лет семь, так отец не стал ничего придумывать и разъяснил, что к чему. К полному разочарованию сестры, отношения у нас с отцом тогда стали ещё крепче, прочнее, перешли на новый уровень доверия. Он любил меня беззаветно за искреннюю доброту, я его – за заботу и неизменную честность в любых

вопросах. Он был для меня примером для подражания, идеалом отца. Так осталось и до сих пор, хотя папы давно нет.

– А твой настоящий отец? Что же он?

– О-о, эту тайну мать унесла с собой в могилу. Как рассказывал папа, на такой же вопрос она ему ответила: «ты её настоящий отец, о лучшем и мечтать сложно, а тот, другой, он всего лишь идеальный экземпляр для зачатия».

– Интересная у неё была точка зрения.

– Однако посмотри на меня и убедись в том, что мать оказалась права: меня правильно заделали и правильно воспитали, и совсем неважно, что понадобилось для этого на одного мужчину больше, чем принято традиционно.

Марта резко оборвала беседу и плотоядно улыбнулась, заметив чьё-то приближение. Алёна не успела развернуться и лишь вежливо кивнула, когда престарелый мужчина поравнялся с их столиком, склонив голову в учтивом поклоне.

Глава 4

– Марта, красавица. Добрый вечер. Ты не меняешься с момента нашей первой встречи, хотя она произошла много-много лет назад. – Умудрился старик и сделать комплимент, и опустить с небес на землю в одном предложении, которое, к слову, было неизменно как раз все эти годы.

– Как жаль, что твоё зрение с того дня так и не ухудшилось. – Не осталась Марта в долгу и протянула руку, предлагая оказать знак внимания и склониться над ней.

Мужчина это желание уловил на раз и послушно принял тонкие пальчики в свою дряхлую ладонь. Он что-то по-старчески пробормотал и разогнулся, правда, руку Марты так и не отпустил.

– Не меняешься ты, не меняешься. – Осуждая, принялся он покачивать головой. – Так и хочешь, чтобы в один прекрасный для тебя день, меня кондратий хватил от зависти. – По-доброму улыбнулся старик и провёл пальцами по массивному перстню с огромным чёрным камнем в нём. – Как тебе удалось его раздобыть?

– Ты умрёшь в неведении. – Невежливо отозвалась Марта. – Кстати, познакомься, это Алёна, моя хорошая знакомая. – Марта развернула ладонь в сторону девушки и с вождением наблюдала за тем, как мужчина окаменел в буквальном смысле слова.

Видеть то, как он принялся старчески жевать губами, не могла, но была уверена в произведённом эффекте. Старик высчитывал. Высчитывал возраст камней, которые сейчас украшали юную особу.

– Отдай... – Всё, что успел проронить он до того, как Марта щёлкнула пальцами, подзывая официанта, и старика проводили за его столик.

– Марта, это что, был Решетов? – Ошарашено проговорила Алёна, поглядывая в ту сторону, куда его увели. – Решетов. Эдуард Васильевич. Известнейший коллекционер, выдающийся учёный...

– Вор он выдающийся, Алёнушка. Вор и шарлатан. – Брезгливо отмахнулась Марта и скупно улыбнулась удивлению девушки. – Однажды он увёл у меня перстень стоимостью с два загородных дома и едва ли его преследовали муки совести.

– Быть того не может! Он даже к государственной награде представлен.

– Скажу тебе больше: старый скупердяй её даже получил, что, к слову, отнюдь не прибавило ему достоинства. Решетов и прежде был человеком весьма странным и на своём деле, мягко говоря, сдвинутым, а сейчас и вовсе сбрендил. Уверяю, не среагируй официант так оперативно, ты бы уже лишилась своих украшений. И никто не посмел бы посмотреть в сторону великого Решетова с упрёком.

– А что особенного в моих украшениях?

– Я уже говорила, что ты совершенно не разбираешься в драгоценностях?

– Я умею отличить настоящий бриллиант от подделки.

– И это похвально, но в мире, кроме бриллиантов, есть ещё целый список стоящих камней. Многие из них ты сможешь увидеть в моей коллекции, но есть один, тот самый, который и умыкнул Решетов обманным путём. То был не просто камень, а вещь с историей, со своим характером. Лишившись однажды по своей доверчивости и наивности того перстня, я потеряла себя. А следом большую часть разума, семью и уважение близких. Кстати, на тебе сейчас то самое ожерелье, которое Гёте преподнес в подарок 18-летней Ульрике фон Леветцов. Юной музе, в которую семидесятилетний автор был влюблён. Но это так... для справки.

Алёна взволнованно подобралась, наспех прикинув, о чём говорит Марта, но поспешила отделаться от эмоций и вернуться к сути.

– Как-то я не расслышала сожаления в твоих словах. – Присмотрелась она к Марте и озабоченно вздохнула. – По поводу украденного перстня.

– Да? Наверно, потому что сожалеть о том, чего нельзя изменить, станет только глупец, а умный человек, умная женщина, пойдёт дальше.

И только она успела это проговорить, как растянула губы в улыбке и скромно опустила взгляд, приветствуя кого-то для Алёны неведомого.

– Марта... – Только и проговорил высокий мужчина с проседью в светлых волосах, как прижался губами к предоставленной для того ладони.

– Здравствуй. – Мягко и податливо пророкотала она, в один миг сменив амплу опытной стервы, на женщину с изюминкой... и мозгами. – Не пугай меня, неужели ты забыл правила этикета и о том, что моей руки должно было коснуться только твоё горячее дыхание, а отнюдь не губы?

– Не лишай меня единственного удовольствия в жизни. – Виновато проронил мужчина и Марта довольно оскалилась.

– Познакомься. Алёна. Моя хорошая знакомая. – Представила Марта спутницу и мужчина, соблюдая правила приличия, кивнул.

– Скорблю, но вынужден вас, прекрасные дамы, покинуть. – Вдруг переменился в настрое мужчина и теперь источал свойственное человеку его ранга бесстрашие. – К сожалению, я уже давно не могу вот так же прийти и просто выпить пару глотков вина. Служба не отпускает. – Виновато пожал он плечами и спешно откланялся.

Марта проводила мужчину взглядом и, глядя на Алёну, напряжённо выдохнула. Та же лишь успевала водить округлёнными в удивлении глазами.

– Эльзин? – Ошарашено пробормотала она, когда их взгляды встретились.

Марта с довольным видом откинулась на высокую спинку стула и, получая удовольствие от произведённого эффекта,

загадочно повела глазами.

— Милая, я знаю здесь всех! — Демонстративно громко заявила она. — Всех, кто в большей или меньшей степени достоин внимания. — Добавила на тон тише и скромно опустила голову.

Она, вообще, любила производить впечатление, правда, в случае с Алёной, едва ли хотела хвастать своими достижениями. Разве что совсем чуть-чуть... Потому, отпив из бокала ещё немного, мечтательно закатила глаза.

— Поверь, дорогая, эти знакомства обычно не приносят ни выгоды, ни удовольствия. Только лишняя головная боль и не более того.

— Мне бы твои проблемы... — В сторону пробормотала Алёна, а Марта рассмеялась, не желая проявлять чудеса такта и пропускать мимо, сказанное не для своих ушей.

— Готова сказать то же самое, но, к сожалению, волшебного напитка, испробовав который, мы бы поменялись местами, в тайниках не имею. — Она вытянула шею, хотя и без того её длиной дала бы фору многим чистокровным аристократам. — А жаль... — Добавила тут же с завуалированной грустью в голосе. — Я бы хотела прожить жизнь ещё раз. Пусть даже при условии, что мозгов у меня станет меньше, а глупости раза в два прибавится.

— Ты говоришь так, будто жизнь кончилась, и тебе до финала осталось всего пара поворотов. — Попыталась подбодрить Алёна, а Марта странно улыбнулась, и с таким видом

застыла. И глаза... в то мгновение у неё были странные глаза...

Практически сразу это мимолётное ощущение Алёну покинуло, а Марта, сменяя образ очередной раз, напряглась и задрала подбородок, уверенно принимая вид хозяйки положения – стремительно приближался очередной желающий отметиться. Алёна, на этот раз визитёра не признав, не проявила должного интереса и ухватила за ножку бокала, Марта же такой лёгкости позволить себе не могла.

– Привет, Марта, здравствуй, юное создание. – Невежливо крикнул мужчина и потянул из-за соседнего столика стул, желая присесть. – Надеюсь, не против? – Уточнил он, не особо желая вникать в подробности ответа.

Алёна не видела повода опасаться мужчину. Будучи обладателем приятной интеллигентной наружности, он производил общее положительное впечатление, да и тот факт, что заметил её без чужой указки, льстил. А вот Марта продолжала держать глухую оборону. Правда, стала ещё увереннее в себе, источала ещё больше высокомерия. Лишь когда мужчина махнул официанту, предлагая наполнить бокал дорогих гостей, она смягчилась и улыбнулась зазывно, интригуя. Будто ожила, вспоминая о роли беззаботной и любящей себя женщины.

– Добрый вечер. – Отсалютовала бокалом, сделала очередной глоток, склонила голову набок и смущённо поджала губы.

Алёна готова была во всеуслышание заявить, что Марта флиртовала и заигрывала, но что-то непривычно терпкое, какое-то понимание, предчувствие не позволяло так думать и убедиться в версии окончательно. А ещё за ней хотелось наблюдать и впитывать, проводить сквозь себя весь спектр неиссякаемых эмоций, потому девушка благоразумно притихла, примеряя роль стороннего наблюдателя. В конце концов, ведь именно для этого она сюда пришла и, кто знает, чем закончится этот непредсказуемый хоровод.

Мужчина тоже смотрел на Марту, тоже улыбался, а потом подался вперёд, устроил на столе широко расставленные локти и прищурился, будто хочет вызнать всё то, что Марта пытается скрыть.

– Признаться, удивлён увидеть тебя здесь. – Выдавил он из себя в итоге и сдавленно рассмеялся собственным словам. – Люди говорят, последнее время жизнь отшельника прельщала тебя куда больше.

Договорив последний звук, мужчина спешно отшатнулся, откинулся на спинку стула, благоразумно увеличивая расстояние, а Марта только и успела, что приоткрыть губы, выдавая изумление. Потом невинно повела плечиком и едва заметно качнула головой.

– Врут, как видишь. Вот она я. – Умело стрельнула глазами.

– Врут. – Согласился мужчина. Напряжённо втянул в себя воздух и с тем же напряжением, прицениваясь, выпятил

вперёд губы. – Как дела? В себя пришла? – Примирительно выдохнул он и наградил взглядом исподлобья, на который Марта будто случайно продемонстрировала кончик языка, мелькнувший меж неплотно стиснутых зубов. Игриво и вызывающе.

– Неужели выгляжу так плохо, что эти вопросы всё же пришлось задать?

– Выглядишь ты как раз-таки хорошо. Саше бы понравилось. Жаль, что не видит...

– Какая неумелая попытка выдавить из меня скупую слезу. – На вроде искренние слова резанула Марта жёстким тоном и, словно провоцируя, беззвучно рассмеялась.

– Ну и змея... За что только мужики тебя любят?..

– Может, за то, что красивая?

– Да нет... Тут другое. – Неприятно усмехнулся незнакомец. – За то, что никому не принадлежишь! – Жёстко ткнул он твёрдым пальцем в поверхность стола и нахмурился.

Мужчина в негодовании качнул головой, будто пеняя самому себе за проявленную до этого и нецензурную мягкость, как вдруг зацепился взглядом за Алёну и опомнился, подобрался, припомнив о нежеланных свидетелях. Смотрел долго и испытующе. Вроде даже собирался что-то сказать, как вдруг его окликнули грубым тоном.

– Гарист! – Прозвучало невдалеке и Алёна вздрогнула, распознав на слух устрашающее в криминальном мире прозвище.

Разглядев подобную реакцию, мужчина скривил уголок рта и прищурился на один глаз, вмиг сметая с лица все мягкие черты и интеллигентные мотивы. Сквозь приоткрытую челюсть можно было разглядеть вялые шевеления языка – это он пытался уловить, распробовать её страх. Всё исчезло, как и не было, когда Марта коснулась мужской ладони. Он и сам тогда дёрнулся, остро глянул на неё, но послушался того приказа, что прочёл в глазах.

– Приятного вечера. – Резко встал он, скрипнув ножками стула по паркету, и, не бросив на Алёну более ни единого взгляда, направился к другому столику в противоположном конце зала.

Он ушёл, а Марта осталась. И Алёна с ней. С Мартой... И только сейчас, в этот самый момент задумалась над тем, а кто же она?.. Эта самая Марта... И какую роль может сыграть во всей этой истории?

Пусть и редкие, но значимые фразы, брошенные её знакомыми, невзначай рисовали отнюдь нелицеприятную картину. Эльзин... Скользкий и хитрый, он уже много лет во всех кругах значился, как заместитель Бортновского. Старик Решетов – этого можно смело списать со счетов, Алёна уверена, он будет знаком с каждым, кто в той или иной степени интересуется ювелирными украшениями и драгоценными камнями, а Марта не раз в устной форме успела похвалиться коллекцией. Что же касается последнего... Гарист. Именно Гарист был правой рукой ныне покойного Самохина. Алёна

знала это наверняка. И его последняя фраза... «Саше бы понравилось»... Она посмотрела на Марту и поёжилась под её прямым, уверенным взглядом. Самохин Александр Владимирович. Саша?..

Вдруг Алёна перед собой увидела уже не Марту. Воспоминания рисовали совсем другую картинку, несли в другое место. Громкие похороны... У некоторых и свадьбы не такие шумные, как эта прощальная церемония. Алёну, как журналиста, близко не подпускали, но отсутствие за её спиной фотографа сыграло значимую роль, и охрана массово бросилась совсем в другую сторону, оставляя молоденькую корреспондентку без должного внимания. Подойти ближе было по-прежнему нельзя, но вот разглядеть и запомнить... Ровно в ту же минуту развернулось, пожалуй, самое яркое, событие похорон, выставляя на суд общественности непозволительные эмоции.

Одна общая серо-чёрная масса людей. Один общий на всех скорбящий вид. И понимание того, что эта скорбь не более чем игра. Кто-то толкает стандартную на все подобные случаи речь. Уже через несколько минут все эти люди разойдутся и забудут о том, что был такой... В какой-то момент Алёна даже успела посочувствовать этому Самохину. Живёшь вот так, живёшь, а рядом с тобой нет ничего настоящего. Ни людей, ни эмоций. Сплошная фальшь. А потом тебя некому попомнить добрым словом. И только подобная мысль мелькнула в голове, как произошло что-то стран-

ное. В толпе наметилось какое-то непонятное шевеление, прошла волна возмущения. Жадное до скандалов полчище стервятников-журналистов принялось агрессивно толкаться, щёлкать затворами фотоаппаратов, кто-то тянул руку с микрофонами, чтобы запечатлеть всё то, что ускользнёт от чувствительного слуха, а Алёна смотрела. Просто смотрела на то, как одинокая женская фигура в красном шёлке мелькнула перед толпой.

Всё выглядело так, будто она, эта женщина, только узнала о произошедшем, будто всё ещё не могла поверить. И вот этот ужас на лице, первые слёзы и едва слышные проклятия, которые становятся всё громче. Жесты, порывистые движения всё ярче. А потом она просто срывается и несётся к гробу, точно сумасшедшая. Так странно... Алёне показалось, что женщина несколько раз ударила покойника Самохина по лицу. Показалось, будто обвинила в том, что он посмел уйти вот так... Она не слышала, да за общим гулом уже и не могла слышать её слов, криков, но та бешеная по своей силе энергетика, что исходила от незнакомки... Алёна почувствовала её и едва ли ошибалась.

Это представление заняло доли секунд, не более того, и вот женщину кто-то уводит в сторону, желая успокоить, привести в чувства. Разглядеть её тогда так и не удалось, а жаль... Алёна хотела бы посмотреть в эти глаза, увидеть то, что другие пожелали надёжно спрятать. Не для себя как журналиста, а для себя, как для человека. К слову, в прес-

се о произошедшем так ничего и не сказали. Сухо и скупо: «Был, вершил, ушёл из жизни». Тогда ещё её заинтересовало, сколько стоило журналистское молчание?

Ровно через три дня она увидела женщину снова. Та стояла над могилой и курила. В этот раз была, как и подобает, в чёрном. С миниатюрной шапкой-таблеткой, с вуалью, прикрывающей половину лица. И прежде вульгарный, несовременный атрибут не показался Алёне лишним, вычурным. Он лишь подчёркивал всё то, что так и осталось несказанным. В тот день женщина не проронила ни слова. Она стояла над могилой и улыбалась. Её губы улыбались, а рассмотреть глаз так и не получилось...

Так вот, эти глаза Алёна разглядела сегодня. Красивые зелёные глаза и плотоядная улыбка на губах. Яркая помада и мраморно-бледная кожа. Жуткое, как вдруг показалось, сочетание. И улыбка жуткая.

– Это вы... – Всё, что смогла выжать из себя Алёна и нервно сглотнула.

Марта, ничуть не удивившись её странному бормотанию, изогнула одну бровь и сделала глоток вина, никак не комментируя невнятное пока предположение.

– Вы, та женщина в красном, на похоронах Самохина. – Наконец, Алёна смогла выдать что-то более или менее подходящее наиглупейшей ситуации своеобразного словесного ступора.

– Не совсем понимаю, что это значит, но звучит много-

обещающе. – В свойственной себе смешливой манере, Марта вывернула её слова в более выгодное положение и отставила бокал в сторону.

– Вчера вы сказали, что потеряли близкого человека... Вы ведь про говорили тогда Самохина?

– А мы опять на «вы»? – Поверхностно отреагировала Марта, заставляя провести по столу сжатой в кулак ладонью.

– Ответьте, пожалуйста, на вопрос. – Стиснула Алёна зубы до желваков на скулах и гневно выдохнула, когда Марта промолчала. – Вы его любили... – Понимающе кивнула она, чем всё же расшевелила, чем заставила выдохнуть и резко вскинуть взгляд в желании пояснить.

– Саша для меня был близким человеком. – Резко, тезисно начала Марта. Слова слетали с её губ, будто пулемётные очереди, а спустя секунду, понадобившуюся для прицела, череда метких выстрелов повторялась вновь. – Тем самым, который видел и знал то, что я предпочла бы навсегда забыть. Он был напоминанием, которое всякий раз заставляло подниматься по утрам с желанием стать лучше, сильнее, увереннее. Он для многих стал примером, ориентиром. Его уважали и его боялись. Принятые решения не всегда можно было считать человеческими, но в любом, в каждом, без исключения, случае, они были необходимыми, единственно верными. Я не могла представить свою жизнь без него, без его присутствия, без ощущения, будто он стоит за спиной, но любовь... – Марта резанула холодной улыбкой. – Нет, дорогая.

Это слишком громкое слово.

– Так странно слышать подобные хвалебные отзывы об уголовнике...

– Уголовник? Ни в коем случае! Тебе следует лучше разбираться в терминологии. Саша никогда не сидел в тюрьме. – Сказала Марта, как отрезала, и посмотрела на Алёну в упор.

– Но он убивал. Убивал, грабил, насиловал...

– Неверным с твоей стороны будет обвинять человека в том, чего он никогда не совершал.

– Вы так самоотверженно его защищаете... – Алёна посмотрела на новую знакомую с неприкрытой грустью. – Что же это, если не любовь?

– Даже не знаю... может, ненависть? – Предположила Марта и улыбнулась тому, что застала девушку врасплох.

– Ненависть?..

– Ну да. А что в этом такого?

– Минуту назад вы говорили о достойном примере, о большом человеке...

– И что? Разве это могло помешать мне его ненавидеть? – Округлила она глаза и показательно рассмеялась.

– Но почему?.. Как можно восхвалять с одной стороны и, в то же время, осуждать с другой?

– Ну, предположим, потому, что у меня, в отличие от многих, чьи обвинения голословны, имелись к Самохину вполне оправданные претензии. – Марта склонила голову набок, наблюдая за тем, как в глазах напротив зарождается интерес. –

Он кое-что у меня украл.

– Тоже кольцо? – Фыркнула Алёна, но была готова тут же прикусить свой язык, так Марта посмотрела.

– Не кольцо. – Осторожно заметила она, и можно было почувствовать ту вибрацию, которая зарождалась в мощном, глубоком голосе. – К сожалению, много больше. Он украл у меня целую жизнь. А подобного я никому не готова простить.

– В этом вы его обвиняли тогда на кладбище? Неужели жизни не хватило?

– Откуда такие мысли? – Марта сдавленно рассмеялась. – Конечно, нет. Он был мне должен и долг свой обещал отдать. Но обманул. – Последнее слово она готова была произнести едва ли не по слогам. И горечь. В каждом звуке была горечь, которую женщина и не пыталась скрыть.

– Он был вашим любовником?

– Никогда! – Марта рассмеялась в голос и будто открестилась от странного разговора в полутонах. Расслабилась, расцвела. – Саша всю жизнь любил одну женщину.

– А она?

– Она? – Марта довольно облизнулась. – Она предпочла стабильность и уверенность в завтрашнем дне, которую великий и могучий предложить ей так и не смог.

– А теперь его нет. – Пробормотала Алёна.

– А теперь его нет. – Вторила Марта её фразе и развела руками. – Убили...

– И вы знаете, кто убил? – Встрепенулась Алёна, чем рассмешила Марту окончательно. – Бортновский. – Выговорила излишне эмоционально и на громкий смех обернулись гости из-за соседних столиков.

– Допустим, и что? – Насмеявшись вдоволь, выговорила Марта,. – Или нет, не отвечай, дай я угадаю. – Поспешила она перебить, когда Алёна уже приоткрыла губы, желая объясниться. – Это и есть то дело, которое тебя сюда привело, да?

Ответа и не требовалось. Яркая вспышка в глазах говорила сама за себя. И не менее яркий румянец. И гордо вздёрнутый подбородок...

– М-да... Дела... Зачем тебе это нужно?

– Я хочу всем рассказать правду!

– Нет, нет, не так. Зачем тебе, молодой и красивой, пока ещё беззаботной девушке это нужно? – Припёрла Марта вопросом, который, к слову, уже задавала. Правда, в этот раз она растеряла всю свою игривость.

– Я хочу всем рассказать правду. – Повторила Алёна увереннее и заметила, как Марта грустно улыбнулась. – Вы ведь всё знаете, да? Так, почему не расскажете правду?

– Какую правду? Где ты видишь её? В чём? – Резким и мощным порывом Марта буквально задушила огонь, пылающий в юной душе. – Правды нет, милая. Нигде нет. И всё, что ты видишь – это иллюзия. И люди, сидящие в этом зале, и звуки, которые ты ошибочно принимаешь за слова. Обман.

Один большой обман, который ничего не стоит.

– А вы? Вы тоже иллюзия? Тоже обман?

– И я. – Резко высказалась Марта, правда, тут же попыталась сгладить это мягкой улыбкой.

– Я не успеваю за вашей способностью перевоплощаться. – Призналась Алёна честно, чем заслужила ещё одну улыбку. И снова мягкую, щадящую.

– Вот об этом я и говорю. Оставь свои поиски правды на потом, а сейчас живи и радуйся.

– А я не могу радоваться, когда творится подобный беспредел!

На последнее заявление Марта отреагировала не сразу. Она взяла передышку и только потом продолжила. Осторожно и вкрадчиво.

– Всё дело в том, что Самохин и Бортновский... как бы тебе объяснить... они были непримиримыми врагами уже много лет. И подобный исход стал логическим завершением этой борьбы. К сожалению для Самохина, он в этой борьбе оказался не в самом выгодном положении и в итоге проиграл. И сказать, что кто-то виноват... – Марта едва заметно качнула головой. – Сказать этого я бы не смогла. Это жизнь. И нет ничего удивительного в том, что она всё расставила по своим местам.

– А Бортновский, он что? Так и будет пудрить мозги добропорядочным гражданам?!

– Верить или не верить – это их выбор. Или ты считаешь

себя вправе учить кого-то жизни? Боюсь, вышеупомянутые граждане твоему совету отнюдь не обрадуются. Что же, одна ты такая умная выискалась?

– Что вы имеете в виду?! – Нахмурилась Алёна, с подозрением покосившись на Марту.

– Ничего конкретного. Я только предугадываю события. В твоём случае всё будет именно так. Нечем себя занять? Найди любовника! Поверь, это будет наилучший выход из твоей непростой ситуации.

– Какой ещё ситуации?

– Как же? – Марта едва не поперхнулась удивлением. – Молодая и красивая девушка, которая ищет правду, явно испытывает определённые проблемы в своей сексуальной жизни. Я вот в твоём возрасте была занята решением совершенно иных проблем! – Умело перевела она тему, и Алёне даже удалось расслабиться, так её восхитил этот подход.

– И чем же вы были так заняты? Решением каких таких вопросов?

– Ну, как же... сколько тебе? Двадцать два? – На согласное склонённую голову, Марта и сама кивнула. – В двадцать два я как раз думала о том, как бы мне развестись с наименьшими потерями. Особенно интересовала городская квартира, что его родители подарили нам после свадьбы. Формально она была куплена до брака, но подарена нам уже, как на словах, так и по документам, как паре. Юрочка очень, ну, просто очень не хотел с ней расставаться. Всё же там было

на что посмотреть...

– Подождите, подождите... – Часто заморгала Алёна, пытаясь отфильтровать информацию и выделить из неё суть. – Разводились... В двадцать два года. А замуж-то во сколько вышли?

– В восемнадцать! Я, кстати, об этом уже говорила.

– Как же вас угораздило-то, а? – Фыркнула Алёна, припоминая свои восемнадцать.

– Алёнушка, милая, прекрати мне выкать, иначе я обижусь! И что в этом удивительного? Говорю же, у меня были совершенно иные мысли. И никаких глупостей о правде, честности и доброте. Я была рождена, чтобы блистать, дарить людям свои улыбки, а некоторым, особо отличившимся, ещё и внимание. По крайней мере, на тот момент я была в этом убеждена. – Вовремя добавила Марта, рассмеявшись собственной былой наивности.

– Развелись?.. – Алёна снова принялась смаковать это слово. – А выходили замуж тогда зачем? Разлюбили?

– Да ну тебя, Алёна, с твоей любовью! Откуда в этой милой головке столько пудры? – Марта выразительно округлила глаза и неодобрительно покачала головой. – Я всерьёз обеспокоена за эту нежную детскую психику. Сколько стереотипов тебе ещё предстоит разрушить?.. – Она всерьёз задумалась, но быстро отмахнулась от невесёлых мыслей. – Я вышла замуж, потому что хотела красивой жизни и точно знала, как желаемого добиться. – Пояснила она для отста-

лых и стерпела выражение лица с шокировано приоткрытым ртом. – А развестись захотела, потому что считала, что мой любовник достоин носить статус официального супруга. К счастью, он считал иначе и из этого союза ничего не вышло.

– Марта, ты ещё и любовника завела?

– А что в этом такого? Посмотри на меня! Я никогда не останавливаюсь перед трудностями. Никогда! И всегда выбирала стремительное движение, пренебрегая при этом унижительным для себя простым.

– Это называется стабильность. – С кривой усмешкой под- сказала Алёна.

– У тебя неправильные представления о стабильности. О стабильности говорит человек, который потерял мечту! – Затмила Марта её последнее высказывание своим. Громогласным и эмоциональным. Дополнила всё широким взмахом руки. – Любовник тоже необходим. Хотя бы для того, чтобы женщина продолжала чувствовать себя женщиной. Быть женой большого человека очень утомительно и тяжело морально. Нужно на что-то отвлекаться, чтобы, встречая его вечером, радовать супруга лицом без морщин, чудесным настроением и быть лёгкой на подъём. Во всех смыслах! – Подчеркнула она и с удовольствием посмотрела на то, как Алёна неодобрительно поморщилась. – У Фаины Раневской на этот случай есть замечательное выражение. Вот, послушай: «Если женщина идёт с опущенной головой – у неё есть любовник. Если женщина идёт с гордо поднятой головой – у неё

есть любовник. Если у женщины, вообще, есть голова – у неё есть любовник!»

– Знаешь, Марта, вот у меня отец тоже завёл любовницу и, скажу честно, хорошего в этом мало.

– Ну, деточка, здесь нужно смотреть в первоисточник проблем. Твой отец, в его конкретном случае, заводя любовницу, хотел сделать больно. Намерено. А я сейчас говорю о несколько других отношениях.

– А ты и про моего отца всё знаешь, да?

– Кажется, ответ на этот вопрос я оглашала ещё в начале вечера. Всё и обо всех, Алёнушка. Всё и обо всех.

Марта видела – Алёне есть, что добавить, но та всё же справилась с эмоциями и благоразумно промолчала. Именно благоразумно. Потому что почувствовала: женщине напротив действительно есть, что сказать. А готова ли Алёна к такой правде? К той, что идёт вразрез с её представлениями и тем, что такое хорошо и что такое плохо.

– А у тебя есть любовник? – Спросила она вместо того со здоровой порцией желчи.

– Даже два! – Гордо задрала Марта подбородок, как вдруг скривилась, нахмурилась, а сама Алёна подскочила на месте, как только услышала громкий оклик.

– Ты что здесь делаешь?!

Весьма невежливо Алёну дёрнул за предплечье мужчина, в котором Марта рассмотрела самого настоящего невежу, а сама Алёна бывшего коллегу по цеху Игнатова. Она отмах-

нулась от захвата и не торопилась ответить, зато Марта верно расценила силы и поторопилась отвлечь внимание на себя.

– Я так понимаю, молодой человек, правила приличия вы видели на пыльной полке в голубой обёртке?

– Что?! Это ещё кто... – Посмотрев на спутницу Алёны, тот усмирил нрав и с трудом проглотил поток брани, которая уже готовилась слететь с языка. – Марта Вениаминовна, вечер добрый. Приношу свои извинения, не узнал.

– Вот как? А мне показалось, что и не хотели узнавать. – Лениво предположила она. – Весьма непростительно для человека такого шаткого положения. – Добавила со значением, которое Игнатов уловил на раз.

– Ещё раз извините. Но, девушка, вероятно, заблудилась. Алёна, пойдём. – Игнатов погладил девушку по спине, а Марта вспыхнула, не пытаясь себя сдержать. Под слоем макияжа проявился яркий румянец, а на губах уже знакомый Алёне оскал.

– А вот руками трогать не советую. Алёна со мной. И вам я могла бы предложить двигаться в направлении выхода. Вернётесь только с документом об окончании курсов по этикету.

– Марта Вениаминовна, я вас понял. Не смею мешать и...

– Как жаль, что уже уходите. – Показательно вздохнула она и кивнула двоим ребятам из охраны, которые уже приблизились к столику важной гостьи и лишь ожидали окончания разговора.

– Марта, не нужно. Игнатов, он... он хороший. Только

волнуется за меня. И репортёр он от бога и...

– Детка, если ты продолжишь в том же духе, меня стошнит! Как можно быть столь неразборчивой в людях и их стремлениях? Поверь, отнюдь не желание защитить толкнуло его на эти громкие возгласы. Это ревность. И этот мужчина имеет на тебя виды.

– Да нет же. То есть раньше да, а сейчас...

– А сейчас его желание подкрепляется ещё и выдержкой, которую ты устроила. – Заключила Марта до того, как Алёна успела закончить.

– А пусть даже и так. В любом случае...

– Да, да, в любом случае, девушке со столь шаткой жизненной позицией общение с подобными индивидами чревато последствиями.

– Марта... – Умилилась Алёна подобной заботе. – Лучше расскажи мне ещё что-нибудь о себе.

– Что, например?

– Например, расскажи, кто ты. Почему все эти люди... – Алёна запнулась на полуслове, не зная, как правильнее выразиться. – Почему они все так смотрят на тебя, так с тобой разговаривают? Почему подходят к нам и едва ли не с трепетом ждут ответа на произнесённое приветствие?

– Нас связывает общее прошлое или общее настоящее. – Всего на мгновение задумавшись, ответила Марта. – Со всеми по-разному. Кто-то зависит от меня, от кого-то завишу я.

– А что с твоим бывшим мужем? Что с бывшим любов-

ником?

– С которым из них?

– Мне отчего-то кажется, что ты намерено делаешь подобные заявления. Как мыльные разводы на водной глади: только отвлекают внимание и не несут никакого смысла. – Язвительно улыбнулась Алёна. – Не думаю, что любовников было столько, что среди них можно заблудиться. Ты наверняка из тех женщин, что не растрачивают себя попусту. – Пояснила она замысловатое сравнение. – Что с твоим любовником, из-за которого ты ушла от мужа?

– И у него, и у мужа всё хорошо. Теперь они партнёры и вынуждены терпеть друг друга, несмотря на прежние раздоры и недовольства. Прежде они, лишь скрипя зубами могли находиться в одном ресторанном зале, подобном этому, да и то, при условии, что будут расположены в разных полюсах, а сейчас сидят за одним столом и с лёгкостью создают видимость комфорта.

– А ты?

– А я осталась не у дел. Не могу переносить ни одного, ни другого, но с удовольствием наблюдаю за тем, как они играют в дружбу, а на деле лишь выжидают момент, чтобы ткнуть друг другу ножом в спину.

– Допустим... А Самохин?

– Теперь его нет. В чём смысл пустых слов? – Жёстко осекла Марта и Алёна приняла правила игры.

– Но его помощник, Гарист, он ведь здесь. Почему, кста-

ти? Я не думала, что люди подобного образа жизни думают о ком-то кроме себя.

На это заявление Марте явно было, что сказать, но она переждала время, находясь в состоянии «за секунду до взрыва», успокоилась и только потом решилась на ответ.

– К твоему сведению, именно Самохин являлся организатором девяти из десяти благотворительных акций в нашем городе. За свою жизнь он успел столько нагрешить, что пора бы подумать и о душе. А именно сегодняшний вечер – заслуга как раз так нелюбимого тобой Гариста. После смерти мероприятие было под угрозой срыва. На самом деле, вечер можно было бы и пропустить, но обязательства, средства, которые хоть и не получены, но уже были распределены... Этих денег уже жидали, на них рассчитывали. Игорю удалось удержать в узде несколько стремящихся к самостоятельности групп людей, чиновников, бизнесменов и мы имеем то, что имеем.

– Игорь? А что значит «гарист»?

– Фамилия.

– Так просто?

– А зачем усложнять и что-то придумывать, если даже от этих звуков народ впадает в состояние трепета и нетерпения? На самом деле, он не так уж плох. Отлично справляется с порученными ему делами и не стремится к нарушению закона. Исключениями являются вынужденные меры, непредвиденные обстоятельства.

– А Самохин? Откуда пошло его прозвище? Бурый медведь...

– Ты всё ещё не оставила идею провести журналистское расследование? – Хмыкнула Марта, но не казалась особо этим озабоченной этим фактом. – Впрочем, я всё равно сумею тебя переубедить. Ещё в самом начале пути Саша попал под влияние крупного криминального авторитета Медведева. Ну, как авторитета... просто крупного деятеля с криминальными наклонностями. Леонид Сергеевич, несмотря на сорокалетний возраст, был совершенно седым. От фамилии Медведев пошло прозвище «медведь», а когда он поседел, окружение вдохновилось этим фактом и прозвище было трансформировано до «белый медведь». Шло время и люди заметили, что Самохин придерживается точно той же политики, что и его покровитель, тогда рядом с белым медведем появился бурый медведь. Пришло время, и Саша сменил Леонида Сергеевича на его условном посту. Вот так.

– Очень интересно. А Бортновский? – С затаённым дыханием Алёна пыталась сделать вид, будто это один из множества вопросов, а не главный, не основной.

– А что Бортновский?

– Ну... он подойдёт к нам?

– А должен?

– Не знаю, я у тебя хочу спросить. Эльзин же подходил! – Резонно заявила она. – А они товарищи. Ведь и с Бортновским ты знакома. – Попыталась Алёна уличить, а Марта это-

му только усмехнулась.

– Конечно, знакома.

– Значит, подойдёт?

– А разве он здесь? – Марта создала на лице видимость интереса и принялась оглядываться по сторонам.

– Да, пришёл. – Поспешила отрапортовать Алёна, наплевав на то, что с головой выдаст свою нервозность. – Вон там, рядом с Гаристом. За соседним столиком. – Она кивком указала верное направление и замерла в ожидании ответа. Видела, но не поняла, как расценить вялую улыбку.

– Нет. Не подойдёт. – Улыбнулась Марта шире, переведя взгляд на Алёну.

– Но почему?

– Бортновский с женой, а она меня терпеть не может.

– Быть такого не может! Анна Владимировна очень умная женщина. Я ей восхищаюсь! – Заявила Алёна и смолкла, уловив заинтересованный взгляд, что плавно перерастал в надменный, уничижающий.

– Думаю, ты поняла, что я хочу тебе сказать.

– То, что я совершенно не разбираюсь в людях. – Недовольно процедила Алёна сквозь зубы и отвернулась. – Я не обязана думать как ты! У меня есть своё мнение и оно...

– И оно неверное.

– У тебя очень интересная жизненная позиция, Марта, в которой есть только два мнения: твоё и неверное, так?

– Не совсем. Но судить о людях и их поступках очень

сложно, не владея информацией. А ты ей не владеешь.

– Анна Владимировна посещает детские дома, участвует в благоустройстве города, после её вмешательства прекратились нападки на приют для животных, который хотели снести. Она является активным участником программы...

– Да, да, разумеется. Но всё это в рамках предвыборной кампании мужа. – Насмешливо прервала Марта ярую заступницу. – Это её обязанность, если пожелаешь. Её роль.

– Хорошо, допустим, но с тобой-то что? Почему ты сказала, что Анна Владимировна тебя терпеть не может? Есть тому причины?

– Ревность. – Вдохновенно проронила Марта, показательно смутившись, и тут же расплылась в довольной улыбке.

– Марта... – Скривилась Алёна и перевела взгляд на столик, за которым сидел Бортновский с женой. – Он же старый. Ухоженный, подтянутый, выглядит на отлично, но ему почти шестьдесят! – Округлив глаза, Алёна тут же попыталась прогнать горький осадок во рту глотком вина.

– Даже интересно, мысли о том, что моим любовником мог быть Самохин, ты не противилась, а ведь они с Бортновским почти ровесники. Да и во внешнем виде Самохин проигрывал. И намного. Что так?

– В тот момент я как-то не думала о возрасте, а опиралась исключительно на увиденные эмоции: по посторонним так не убиваются. – Призналась Алёна, осторожно отступая в эмоциональном плане.

– К тому же, Бортновскому не всегда было шестьдесят. Было и сорок, а когда-то и того меньше. – Настояла на своём Марта и рассмеялась, глядя на то, как Алёна приценивается к мужчине. – В жизни он совершенно другой! – Заметила женщина, как только единолично завладела вниманием. – Взрывной, азартный, лёгкий на подъём. – Принялась она перечислять, и выглядела так, будто от каждого своего слова получает удовольствие. – А улыбка? Ты видела когда-нибудь его улыбку? Не ту скупую, которой одаривает избирателей, а настоящую... В момент, когда он уже чем-то увлёкся, когда загорелся идеей. О, эта улыбка до сих пор сводит многих с ума и, смею заметить, его последней любовнице было недалеко за двадцать и никого из двоих это не смущало. – Оставаясь собой предельно довольной, Марта закусила нижнюю губу и склонила голову набок, будто что-то припоминала. – Он необыкновенный. Кстати, когда-то... когда-то давно, мы вместе ограбили банк. – Осторожно и тихо, практически шёпотом заявила она. – Правда, на тот момент это не казалось мне забавным. – Прикидывая факы, Марта надула губы. – Я готова была умереть от страха, а он лишь посмеивался, глядя на всё это со стороны.

– Ограбили банк?

– Да. – Легко отозвалась она на удивлённый возглас. – В то время это называлось несколько иначе... сберегательная касса... – Устало выдохнула женщина и взмахнула рукой. – Бортновский очень непростой человек. – Сделала она упор

на последней фразе. – А его жена... за долгое время в браке она так и не смогла отделаться от мысли, что этот мужчина ей не принадлежит. Оттуда и все беды.

Марта перегнулась через стол с целью щёлкнуть Алёну по носу и очередной раз не смогла сдержать смех, осознавая, что девушка увлеклась её рассказом настолько, что успела позабыть, где и с кем находится.

– Ты удивительная. – Заявила Марта, сверкнув глазами. – Твоему избраннику невероятно повезёт.

– У этого комплимента есть подтекст, не так ли? – Скривив губы, Алёна опустила взгляд.

– Даже если и так, едва ли тебя должно это расстраивать. Наивность, особенно та, которую проносишь сквозь время, не растеряв, – это тоже дар. Я бы предпочла оставаться наивной, но мне судьба такого шанса не преподнесла.

– Ты не похожа на человека, который надеется на судьбу.

– Да. И за это она меня сурово наказала. Впрочем, я мало о чём могу сожалеть. – Вскинув голову от самодовольства и гордости, Марта неожиданно насторожилась, напряглась, а потом с каким-то сожалением опустила взгляд.

Повернув голову в ту сторону, Алёна покраснелась и поджала губы. Приближался Гарист.

Глава 5

– Вы позволите? – С учтиво склонённой головой мужчина предложил Алёне руку, а она только сейчас и заметила тягучую мелодию, что разливалась по залу и заставляла расслабиться, насладиться вечером.

– Здесь не танцуют. – Совершенно некстати заметила Марта, но и не пыталась оказать на мужчину давления, чем тот и воспользовался. И, вкупе с молчаливым согласием самой Алёны, на просьбе всё же настоял.

Аккуратно придерживая за талию, он вывел её на самый центр зала, и всего на мгновение, когда стали друг напротив друга, замер, глядя в глаза,.

От мужчины не исходило никакой явной угрозы и даже намёка на неё, но едва ли это спасало от тяжёлых мыслей, захвативших Алёну. Она чувствовала пульсацию в висках, учащённое сердцебиение и никак не могла справиться со сбившимся дыханием. Активно избегала прямого взгляда и с похвальным усердием пыталась удержать дистанцию. А Гарист между тем молчал. Разглядывал её, Алёна это знала, только вот не могла разгадать причин интереса. Зато теперь с уверенностью готова была заявить, что словосочетание «красивый и опасный» её явно не возбуждало.

– Ты напрасно ищешь угрозу там, где её не может быть априори. – Наконец, выдал мужчина налегке и ухмыльнулся

тому, что Алёна напряглась ещё сильнее. – Земля слухами полнится, но уверяю: я не заглатываю молоденьких девушек на завтрак обед и ужин.

– Что вам от меня нужно? – Набравшись смелости, она всё же заглянула в глаза напротив и дыхание пропало напрочь, таким явным был ответ в них.

– Вот и поговорили... – Выдохнул Гарист, как только разглядел в собственных объятиях мраморное изваяние. Поистине мраморное. Со слепым холодным взглядом и абсолютной обездвиженностью.

– Подвинься! – Послышалось со стороны, и Алёна успела только ахнуть, как её выбили из равновесия и тут же подхватили.

Спустя мгновение она посмотрела на стоящего в стороне Гариста, и принялась часто моргать, чтобы уловить суть происходящего. А получилось так, что пока она судорожно соображала, как стоит отказать и при этом не лишиться жизни и здоровья, уже кружилась в танце с другим. Даже и не пыталась выяснить, с кем именно, так разволновалась, а когда получилось отдышаться, опомниться, с силой вцепилась в мужские плечи.

– Андрей?.. – Выдохнула с облегчением и тут же насторожилась.

– А ты кого ждала? – Спросил он вроде и серьёзно, но глаза смеялись.

– Вообще никого. И подумать не могла, что кто-то осме-

лится противостоять ему.

– Ему – это кому? – Уточнил мужчина без особого интереса и оставался доволен произведённым эффектом. Алёна нервно сглотнула.

– Гаристу, конечно. Он так на меня смотрел, что и вздохнуть толком не получалось. Боже, я думала, что умру! Ты меня просто спас... Он был правой рукой Самохина. – Алёна посчитала нужным это пояснить и растерянно взглянула на Андрея. – Он с тобой ничего не сделает? – Обеспокоенно ахнула, на что тот беззаботно улыбнулся и играючи пожал плечами.

– В принципе, может. – Проговорил, на секунду задумавшись. – А ты будешь по мне страдать?

– Вот ещё! – Заявила Алёна, как только поняла, что тот издевается.

Она стиснула зубы, понимая, что в порыве радости совершенно забыла о правилах приличия, о дистанции, которую с Андреем стоит держать ещё больше, чем с тем же Гаристом, и о контроле. К слову, сам Андрей о тех же приличиях даже не вспоминал. Он жал Алёну к себе, насколько позволяла зашкаливающая по всем критериям наглость, и едва ли испытывал муки совести на этот счёт.

– Всё хорошо, Андрей, спасибо. Я стою на ногах. – Прошептала она ему на ухо, настолько близко оказалась. Мужчина самодовольно усмехнулся и усилил хватку. Провёл широкой ладонью по центру спины и задержал её nepoзвoли-

тельно низко.

– Что ты делаешь? – Вздохнула Алёна и несколько раз с опаской окинула зал в поисках знакомых лиц, но от нахлынувшего волнения рассмотреть что-либо в размытой картинке не представлялось возможным.

– А что? Ты мне нравишься. Приятно обнимать девушку, которая тебе нравится.

– Я тебе не давала повода... – Дёрнулась Алёна в его руках и замолчала на полуслове, так он нажал на грудную клетку, вдавливая в себя.

Андрей посмотрел сверху вниз, что-то внушая взглядом, и скрипнул зубами, осознавая, что в её глазах всё отчётливее вырисовывается протест.

– Прекрати извиваться! – Цыкнул он, когда сопротивление стало явным.

– А ты отпусти!

– Только представь, как ты выглядишь со стороны и успокойся. – Выдохнул мужчина, пытаясь сделать внушение. – Ты совершенно не умеешь держать себя в руках. – Заявил он в итоге и, пользуясь её временным замешательством, успокаивающе погладил по спине, приткнулся носом к волосам и будто бы издал вздох блаженства.

– Прекрати немедленно!

Алёна вцепилась ногтями в мужские плечи и совершенно потерялась в момент, когда Андрей её поцеловал. С напором, с подавляющим упорством. Даже успел запустить паль-

цы в пышные волосы, так увлёкся, и, расслабляя, понемногу массировал шею.

– Ты с ума сошёл? – Услышал он, как только открыл глаза и с готовностью кивнул потрясению, сквозящему в голосе.

– Да я вообще жениться на тебе думаю, так умом тронулся!

– В том смысле, что жениться на мне можно, только тронувшись умом? – Поперхнулась Алёна возмущением, а Андрей спокойно улыбнулся.

– В том смысле, что до встречи с тобой я об этом не помышлял.

– Я очень рада тому, что своим светлым образом поставила тебя на путь исправления, но мы увлеклись. – Деликатно кашлянула Алёна. – Уже и мелодия сменилась, а мы всё никак не остановимся. – Добавила она со значением, когда поняла, что предыдущая фраза на Андрея не подействовала. – К тому же, Марта, должно быть, скучает без компании. – Использовала девушка последний весомый аргумент, на что Андрей громко фыркнул.

– Не скучает. Она уже не одна. – Добавил тот с лёгким смешком и, открывая обзор, развернул Алёну на месте.

– Бортновский... – С явной растерянностью пробормотала она и закусила губу. – Всё бы отдала за то, чтобы услышать их разговор. – Озвучила она свои мысли и почувствовала, как Андрей сжал её пальчики в своей руке.

– Они не разговаривают. – Отстранённо заявил он, на что

Алёна грозно сдвинула брови.

– Я видела, как его губы шевелились!

– Его – может быть, а вот Марта молчит. Она никогда не разговаривает с Бортновским.

– В смысле?

– Считает беседы с ним чем-то недостойным внимания, пустой тратой времени.

Осторожно перебирал губами Андрей, всё пристальнее вглядываясь в светлое личико спутницы, и отдавал себе отчёт в том, что контроль уходит. Его собственный контроль.

– Это после убийства Самохина, да? – Алёна вскинула взгляд, но наткнулась им на что-то жёсткое, непробиваемое. – Я видела её на похоронах. – Поторопилась она пояснить свой интерес. – На самом деле жуткое зрелище... Марта сказала, что заказчиком был Бортновский.

– Я что-то не понял твоего интереса, детка. – Проговорил Андрей странной интонацией, которую Алёна имела неосторожность пропустить.

– Я журналист. – Призналась она негромко. – И это дело меня заинтересовало, я им занялась. Изучила факты, рассмотрела последние события, но как только интерес стал явным, меня уволили.

– Уволили и ладно. – Вдохнул Андрей будто с облегчением и попытался вернуть нужный темп, но Алёна мешала, всё время оглядываясь на свой столик.

– Я пришла сюда с целью узнать больше. – Поторопилась

она заверить в серьёзности своих намерений и Андрей нервно хмыкнул. – Марта что-то знает, но не хочет говорить. Посоветовала заняться собой. – Недовольно пропыхтела та.

– А ты?

– А что я? Я не собираюсь отступать. Я выбрала непростую профессию наперекор всем и перестану себя уважать, если сейчас отступлюсь. – Заверила Алёна с эмоциями, переполняющими сознание.

– Так даже?

– По крайней мере, не знаю, что заставит меня передумать. – Уверенно кивнула она и сглянула надеждой на Андрея. Надеялась на то, что он в неё поверит.

Она смотрела и не дышала, а он странно хмурился, точно что-то прикидывал в уме, и выводами явно оставался недоволен. А в результате погладил Алёну по плечам обеими руками, останавливаясь в танце, сделал несколько неудачных попыток улыбнуться, после чего развернул её спиной к себе и обхватил поперёк груди, не позволяя вырваться. Губами прижался к тонкой шее, но не поцеловал.

– Я хочу тебе кое-что показать. – Завораживающе прошептал он. Обещал что-то неведомое, манящее, то, что обязательно принесёт удовольствие, потому, сбрасывая его захват Алёна, повела плечами, явно демонстрируя настрой.

– Спасибо, не стоит. – Вяло отмахнулась она от предложения, но в принципе поддавалась движению и делала аккуратные шажки один за другим, направляясь в сторону выхода.

– А я всё же уверен, что смогу тебя удивить. – Пророкотал Андрей и как только оказались в зоне недосягаемости для посторонних взглядов, напряжённо сжал её бёдра.

Он позволил Алёне отбиться от навязчивых прикосновений, отпустил и с поволокой во взгляде наблюдал за её нервозностью. А потом за тем, как она собралась с мыслями и что-то для себя решила. Мужчина склонил голову набок, глядя, как девушка скрестила руки на груди. Скрестила и даже не подозревала, как соблазнительно сейчас выглядела. Именно сейчас, когда подготовила речь для того, чтобы его отшить. Облизнулся бы, но ситуация не позволяла вольностей, потому Андрей лишь понимающе улыбался.

– Мы, наверно, неправильно друг друга поняли. – Уверенно проговорила Алёна, но увильнула от прямого взгляда. – Ты делаешь определённые намёки, но я не собираюсь на них отвечать. И на самом деле терпеть не могу наглых мужчин, считающих, что им всё позволено.

– Я тоже! Тоже терпеть не могу наглецов! – С готовностью поддакнул Андрей и сделал шаг вперёд, сокращая расстояние между ними.

Он мысленно усмехнулся тому, как стойко Алёна выдержала этот его шаг. Стойко и забавно. Её зрачки расширились, глаза округлились, рот приоткрылся в полной готовности вынести свой протест, но надежда на лучший исход не позволила торопить события.

– Ещё раз спасибо, что спас меня от Гариста...

– А спас ли?.. – Наступая, вкрадчиво проговорил Андрей. – Стоит тебе вернуться, и он возобновит попытки наладить контакт. Личный. – Многозначительно добавил тот и опустил взгляд, чтобы не выдать свою игру.

– Но Марта...

– А что Марта? Что может Марта? – Андрей, примеряясь к словам, вытянул губы вперёд. – Это покойный Александр Владимирович слушал очаровательную мадам и внимал её советам, а Игорёк подобной слабости к Марте не питает. Выслушает, а сделает так, как захочет сам. Поехали со мной. – Сделал он предложение. Намерено громко и чётко, чтобы на фоне других слов, сказанных полутонем, именно его выделила, запомнила, услышала. Чтобы не смогла почувствовать интонации и не заметила подводных камней.

– Я уже сказала «нет». – Нахмурилась Алёна, но не могла противостоять явному превосходству в тактике ведения переговоров, в силе убеждения.

– Алёнушка... Алёнка... Сладкая девочка. Порадуй меня другим ответом. Ты же знаешь, что я хочу услышать.

Андрей уже приблизился вплотную, когда она выставила руки перед собой, упираясь ладонками в его грудь. Успел почувствовать вкус победы и её манящий аромат... что-то с нотками жасмина. И что она чувствует, тоже знал. Удары сердца. Его. Уверенные и сильные. Уверенность привлекает, заставляет поддаться. А девушка смотрит и дрожит. Сейчас схвати, прижми к себе – и слова не скажет, но так неинтерес-

но.

– Поехали со мной. – Вместо того продолжил настаивать Андрей. А она млеет, она теряется в его присутствии.

– Зачем?

– Покатаемся. Подружимся. Помнишь, ты мне обещала? – Склонился он, чтобы чувствовать её дыхание на своих губах.

– Я ничего тебе не обещала.

– А я запомнил другое. Поехали. – Прижался он губами к уху, чтобы что-то шепнуть, чтобы убедить, как вдруг напрягся, совсем близко ощущая чужое присутствие.

Тут же дёрнулась и Алёна, глядя куда-то за его спину. Андрей обернулся, а там Гарист прислонился плечом к дверному косяку и зажал в зубах сигарету. Он демонстративно громко щёлкнул колпачком зажигалки, неспешно прикурил, выпустил дым из лёгких.

– Соглашайся, красавица, не тяни. – Со смешком Алёне тот подсказал. – Соглашайся, а то ведь прямо здесь трахнет. С него станется...

Гарист время выждал, давая паузу для раздумий, и сделал шаг вперёд, когда не увидел в её глазах чёткого решения.

– А если нет – милости просим. – Склонился он в шутовском жесте, предлагая вернуться в зал. А сам наградил взглядом исподлобья. Тяжёлым взглядом. – Говорят, у тебя имеются вопросы ... – Проронил он как бы невзначай и улыбнулся тому, как Андрей оттянул Алёну от стены и, не позволяя ответить на заманчивое предложение, прижал её к себе

и дёрнул в сторону выхода.

А она, точно марионетка, вышагивала следом, но один раз всё же обернулась на Гариста. Всего раз... и тут же мелко задрожала, поспешила покинуть просторный холл следом за Андреем. Уже на улице, пытаясь спрятаться от ветра, она обхватила себя обеими руками за плечи себя.

– Я забыла пальто. Нужно вернуться. – Проронила, оглядываясь на высокую входную дверь, а Андрей дёрнул её за руку на себя и обхватил сбоку так, что в какой-то момент даже дыхание перекрыл.

– Со мной ещё ни одна не замёрзла. – Прошептал он на ухо и действительно стало жарко. А ладонь, что сползала на её боку всё ниже, жадно сминая всё под собой, только усиливала этот жар.

– Но моё пальто! – Воскликнула Алёна как только остановились перед машиной, на что Андрей скрипнул зубами, с силой сжимая её плечо, окинул долгим нечитаемым взглядом и нервно сплюнул.

– Завтра заберёшь! – Недовольно рыкнул он и бесцеремонно затолкал девушку в машину.

Ехали быстро. Молча. Андрей с силой сжимал руль, устроив на нём две ладони сразу, изредка поглядывал на Алёну, но как только она пыталась ответить на этот взгляд, отворачивался с кривой ухмылкой на губах.

– Зачем так гнать? Ты куда-то торопишься? – Уточнила она, наконец, желая разрушить гнетущую тишину.

– Нет. – Качнул он головой и вдавил педаль газа в пол, ускоряясь.

– Андрей, дорога скользкая, я боюсь... – Попыталась объяснить Алёна, а он опасно скалился и в такт её словам покачивал головой.

– А ты не бойся. Ты сейчас со мной. – Выдавал он резкие фразы.

– Куда мы едем?

– Покатаемся. Ты же любишь кататься?

– Раньше как-то не задумывалась, а теперь понимаю, что не очень. Останови машину. – Осторожно проговорила она и попыталась дотронуться до плеча мужчины.

– Говори. – Вместо того чтобы исполнить просьбу, пригрозил Андрей и свернул в направлении объездной дороги.

– Что? Ты о чём? – Опешила она, поглядывая на Андрея с подозрением.

Он метров сто проехал и снова свернул. Теперь под мост. Там и остановился

– Ты хотела поговорить про убийство Самохина. – Вызывающе улыбнулся мужчина. Какой-то неоправданно довольной улыбкой. – Что уже знаешь? – Добавил он, понизив тон и, верно, чтобы не испепелить Алёну взглядом, отвёл его в сторону, всматриваясь в темноту дороги.

– В каком смысле? Зачем тебе? – Насторожилась Алёна и, осторожно отведя глаза от напряжённого Андрея, огляделась по сторонам, нервно сглотнула.

– Помогу. – С готовностью заверил тот, но едва ли внушал доверие.

Стало особенно страшно, когда Андрей развернулся всем корпусом и устроил правую руку на её сидении, когда с демонстративной небрежностью стал поигрывать её волосами. Алёна отвела от себя его руку, волосы заправила за ухо. Она настроилась на нужный лад, и, уравнивая дыхание, высоко задрала подбородок. Намеренно не смотрела в его глаза. Боялась увидеть в них отражение собственного страха, который подкрадывался, наступал на пятки и готовился вот-вот наброситься и задушить в своих ледяных объятиях.

– Я не собираюсь тебе ничего рассказывать. Отвези меня домой.

– Что так? – Спокойно отозвался Андрей на взволнованный тон.

– Андрей, послушай, это плохая идея, я...

– Выходи из машины. – Жёстко перебил он и Алёна поперхнулась собственными словами, так и не высказав их.

– Что?

– Выходи из машины. – Тихо и плавно прозвучал его голос, только вот что-то тяжёлое будто пригвоздило к месту. – Давай. Вперёд.

Кивком головы он будто подтолкнул, направил. Только внушение не удалось: Алёна впала в ступор и только моргала, глядя на него, но при этом не могла воспроизвести ни слов, ни действий.

– Вышла из машины! – Взорвался криком Андрей и Алёну будто подхватили сторонние силы, с такой скоростью она выскочила. Выскочила, а куда идти, что делать – не знает. Хватает ртом холодный осенний воздух, а не может понять, почему по-прежнему задыхается.

Она не смогла сдвинуться с места и когда Андрей пошёл в её направлении. Резко, порывисто, разрезая воздух и пространство. Он схватил её за локоть и отшвырнул от себя. Так, что остановилась аккуратно перед фарами грозного с виду автомобиля. Отшвырнул, а у самого на лице плавная, тягучая полуулыбка.

– Говори. – Тихо напомнил он, и от вкрадчивого голоса волна неконтролируемой дрожи прошла по телу и задержалась где-то на уровне груди.

Колотило Алёну знатно, а Андрей будто и не замечал этого вовсе. Он посмеивался в сторону и смотрел, с завидным терпением ожидая признательной речи. Волна ужаса захлестнула и она, наконец-то, поняла, в какой неприятной ситуации оказалась. Пытаясь справиться с нарастающей паникой, Алёна прикрыла лицо дрожащими руками. Свет фар слепил, противный мелкий дождь медленно, но уверенно пропитывал одежду невыносимым холодом, заставляя тело биться в ознобе, а Андрей всё смотрел и смотрел, нагнетая, не давая сосредоточиться.

– Я не знаю... – Отрицательно покачивая головой, прошептала Алёна, а он рассмеялся в голос.

– Что?! Я не слышу! – Прокричал, пытаюсь пересилить звук её бешено бьющегося сердца. Намеренно издеваясь, он даже отгородил ухо одной ладонью, склонился ближе.

– Я не знаю, что говорить! – Прокричала Алёна в ответ, видимо, слетев с какой-то своей оси. Прокричала, хотя и знала, что сейчас требуется внимание и подход. Внимание и подход...

Андрей в ответ на её заявление пожал плечами и принялся на месте топтаться. Будто в раздумье, он завёл руку за спину, а когда повернулся к ней лицом, сжимал пистолет и в тот момент затвор предохранителя прозвучал оглушающим щелчком.

– Говори. – Оскалился он и замер в ожидании, а Алёна перехватила воздух и принялась бормотать что-то невнятное. – Не глупи, малыш... – Мягко улыбнулся мужчина. – Ещё есть вариант всё разрулить. – Принялся он уговаривать, а Алёна качала головой, отрицая что-то неведомое. Не слышала ничего и не видела. И только пистолет в его руках перед глазами маячил, концентрировать заставляя внимание.

– Алёнушка... – Потянул Андрей с нарастающим удовольствием. – Сладкая, как конфетка. – Прищёлкнул он языком и сделал шаг вперёд. Алёна на тот же шаг отступила. А потом ещё на шаг и ещё. Пока не оступилась и не ступила в протекающую под мостом речушку.

Она дёрнулась, взмахнула руками, чтобы не упасть, и вскрикнула, когда Андрей, удерживая, прижал её к себе.

Взвыла, когда сжал волосы на затылке в кулак и заставил запрокинуть голову. Жалобно заскулила, чувствуя, как он ведёт языком по шее, как прикусил кожу по линии нижней челюсти.

– Говори, сладкая, говори. – Пророкотал Андрей, широко оскалившись.

Прижался губами к уголку рта и так на какое-то время замер, впитывая исходящую от неё вибрацию. Глухо прорычал, так и не дождавшись ничего, кроме всхлипов, волосы, что сжимал в кулаке, потянул ниже, лишь на уровне подсознания отмечая, что девочка-то не сопротивляется. Уже на всё готова, но он знает, что мало, что не дойдёт... Удовлетворяя свои личные потребности, Андрей посмотрел на открытую шею, на грудь, что вздымалась на бурном вздохе. Чувствовал свою власть, силу не контролировал. Желая продемонстрировать намерения, протиснул колено между её ног и тут же прошёлся им по внутренней стороне бёдер, попутно отмечая, как она замерла, как затихла, как в ужасе зажмурилась глаза.

Тут же отпустил и отступил. Отдышался.

– Всё, что знаешь, маленькая. Всё, что могла узнать. – Лениво проронил он, отступая, и видел, прочувствовал момент, когда что-то в ней надломилось.

Её губы задрожали, затряслись, зрачки практически перекрыли радужку.

– Гостиничный комплекс. Гостиничный комплекс в запад-

ном лесу. В этот раз всё началось с него.

– В этот раз?

– Все знают, что Самохин с Бортновским давно не могут территорию поделить. А тут этот комплекс. Международный уровень, туристическая зона. И реальный шанс шагнуть на европейский уровень оказания услуг. Территория Самохина, а идея, средства – всё принадлежит Борновскому. Это всё.

– Что всё?

– Всё, что знаю. – Заверила она, пытаясь найти его глаза, но сквозь слепящий свет фар разглядеть ничего не удалось.

– Не пойдёт так. – Покачал он головой.

– Я больше ничего не знаю. Правда. – Судорожно вздохнула Алёна, впитывая в себя воцарившуюся тишину. – Понятно, что Бортновскому смерть Самохина была выгодна. Я пришла к нему с вопросом и тут же лишилась работы.

И только она успела это проговорить, как раздался звук выстрела и пуля ушла прямо под ноги. Кричать не получилось – горло сдавило спазмом. Только взгляд стал бешеный и пульсация в голове, в горле – во всём теле. И тепло. То, что шевелило землю под ногами.

– Следующая будет в тебе. – Пробормотал Андрей едва ли не шёпотом, но Алёна услышала. Услышала и всем телом напряглась, чтобы различить тихий голос. – Как ты вышла на Марту?

– Что? – От испуга Алёна не уловила суть вопроса и отступила на шаг, ожидая расправы. Она даже закрыла глаза,

но вместо выстрела прозвучал следующий вопрос.

– Как ты оказалась в том доме?

– Я ни на кого не выходила и нигде не оказывалась! – Голос вибрировал и не поддавался. Самой казалось, что отвечает вообще не по теме, но Андрей молчал, значит, позволял продолжить. – Я рассталась с парнем. Разругались, рассорились. Дома мать принялась за это отчитывать, вот я и ушла в дедовскую квартиру. Там увидела тебя. Случайно. Я бы и не заметила, но конверт... Пригласительный на благотворительный вечер – там должен был появиться Бортновский. Не знаю... не знаю, как так вышло, что я напросилась с Мартой, почему она не отказала, тоже не знаю. Это всё. Всё. – Алёна задержала дыхание и почувствовала, как силы уходят. Тошнотворный привкус во рту и полное отсутствие ощущения реальности. Она смотрела на происходящее как сквозь призму. Поднесла ладони к лицу и поняла, что даже их не видит перед собой. – Всё... – Прошептала она и пошатнулась от дуновения ветра.

Не чувствуя силы в ногах, Алёна присела на корточки и, чтобы отгородиться, прикрыла голову руками. Чтобы забыться и ничего вокруг себя не видеть! Она сжалась изнутри, понимая, что внушение не удалось и отгородиться не получилось. Слышала каждый звук, улавливала каждый шорох и едва сдерживалась, чтобы не взвыть в голос, чтобы себя не выдать.

Когда она увидела испачканные в осеннюю грязь ботин-

ки возле самого носа, уже была готова проститься с жизнью. Наверно, проститься и успела, потому и пропустила грозный приказ.

– Встать! – Скомандовал Андрей с нескрываемым отвращением, с демонстрацией своей власти, силы.

Он скомандовал, а Алёна услышала... но не отозвалась.

– Встать! – Взвыл он на всю мощь голоса, перекрикивая очередной выстрел, и за волосы потянул её вверх.

Поставил перед собой на цыпочки, перехватил рукой её горло и ощутило сдавил. Некоторое время так и стоял, глядя на потёки туши на лице, слушая стучащие зубы. Он закрыл глаза и ровно выдохнул.

– Что же ты делаешь... – Андрей втянул в себя воздух сквозь сжатые зубы и скривился, будто от боли. Он неодобительно качнул головой и, словно переступая через себя, прижался щекой к её щеке, с шумом вытолкнул из себя воздух, сжал зубы. – Что же ты, идиотка чёртова, вытворяешь?! – Оттолкнул он её и тут же схватил за грудки, притягивая обратно к себе и напрочь уничтожая платье. – Ты хоть понимаешь, куда могла вляпаться, куда влезть? Что?! Что в твоей голове твориться, чтобы до такого додуматься, а?!

Он толкнул Алёну на землю и тут же опустился рядом, присел на корточки, выслушивая уже не сдерживаемые подвывания. Схватил её за подбородок и задрал его вверх, чтобы видеть эти глаза, чтобы прочувствовать боль, страх. Нервно облизал пересохшие губы и зажмурился, чтобы отгородить-

ся, чтобы не идти на поводу чужих эмоций, женских слёз.

– Своими руками могилу роешь, Алёнка. – Едва не по словам цедил он, пытаясь достучаться. – Собственную могилу! В бандитское логово за правдой пришла... В логово, где каждый если не сам, то чужими руками точно уничтожит! Рас топчет, сломает, унизит... Не думаешь... головой не думаешь, с кем и какие речи ведёшь!

Он сплюнул, глядя, как она пытается отбиться, как глаза, рот, уши закрывает, чтобы спрятаться, скрыться.

– Что ты обо мне знаешь, а? Что?! Может, я вот этими вот руками Самохина завалил!

Андрей потрянул мощными ладонями перед её носом и тут же махнул рукой, понимая, что не слышит. Поняла, дошло, но сейчас не слышит.

– Идём.

Он подцепил скользкую от влаги и грязи ладошку, но потянуть не получилось – Алёна выдернула её из захвата.

– Поехали, говорю. – Рыкнул Андрей, а она пятится, она пытается уползти, ведь сил на то, чтобы встать и бежать нет. – Алёна! – Прикрикнул он с целью привести её в чувства, а она только быстрее перебирает руками и ногами, то и дело съезжая с покато́й обочины вниз.

Тогда Андрей подошёл, подхватил её, как котёнка, и поставил перед собой.

– Ты меня поняла? – Он повернул на себя её лицо, рассчитывая прочесть в глазах ответ. – Алёна, ты меня услы-

шала?! – Выкрикнул он прямо в лицо, а она дрожит и молчит. Пальцами, ногтями цепляется за его запястья, и молчит.

Андрей тогда собрался с силами и всю её тряханул. Так, чтобы опомнилась, чтобы пришла в себя.

– И только попробуй... Только попробуй ещё раз сунуться во всё это дерьмо! Только приблизиться попробуй. – Пригрозил он, добившись вменяемого взгляда. – Лично в нём утоплю! – Прорычал в самые губы. И был уверен, знал, что так и поступит. Если не услышит его сейчас – так и сделает. Не пожалеет...

Он закрыл от усталости глаза и прижался лицом к её лицу. Вдыхая запах кожи, запах возбуждения, страха, эйфории от облегчения. Не контролируя себя, простонал, и запустил пальцы в мокрые волосы, фиксируя её голову с обеих сторон.

– Я хочу тебя. – Прошептал он и, выдержав секунду, осторожно прижался к её губам своими.

Не поцелуй даже – прикосновение. Отстранился и ждал первую реакцию. То, как Алёна подалась к нему, истолковал верно, и с громким рыком рванул за подол длинного платья. С силой зашвырнул мокрую тряпку в протекающую канаву и сжал холодную ягодицу, сходя с ума от того, что она позволяет с собой делать.

А она позволяла. Не понимала, что происходит, когда спрашивал, отказывалась осознавать, когда стрелял, пыталась закрыться, когда кричал, что-то выпытывая, а вот теперь понимала. Теперь хотела понять и принимала всё, что

он готов был ей дать.

Наверно, только с его подачи и прочувствовала, как оно быть может. Вот она, журналистская правда. Не та, которую печатают на центральном развороте, не та, за которую поощряют государственной наградой, красивыми словами и громкими отзывами. А вот она! Здесь! В вонючей канаве... Когда один на один с собой. Когда только от тебя и твоих слов зависит, чем закончится этот день. И Алёна испугалась. По-настоящему. Поверила в то, что он может убить, что может навредить. Глазам его, что обещали все круги ада— поверила. А сейчас не получалось выдохнуть от облегчения. Всё внутри сжималось и страх никак не мог найти выхода. Блуждал по телу, по голове, застревал в мыслях, в горле застревал, не желая выходить с громким стоном, что срывался с губ.

Она чувствовала грубые прикосновения и подставлялась под них. Губы его ловила, пыталась задержать взгляд. И подстраивалась. Подстраивалась под неужёмный нрав, под резкие, порывистые движения. Он весь таким был... и сейчас демонстрировал себя во всей красе. А потом остановился. Так же неожиданно, как и начал. Просто оттолкнул Алёну от себя и отвернулся.

— Садись в машину. — Выдохнул он с тяжестью прожитого дня и первым пошёл в нужном направлении.

Алёна знала, как объяснить себе произошедшее, если рассуждать логически. Но если смотреть на всё происходящее как женщина... Унизительно. Он хотел привести её в чув-

ства – он этого добился. И совершенно неважно, что переступил, что тем самым цену... её невысокую цену подчеркнул.

– О чём ты думаешь? – Единственное, что спросил Андрей, понимая, что на его долгий взгляд Алёна не ответит.

К тому моменту они уже сидели в её квартире. Алёна отмокала в горячей ванной, а Андрей на полу, рядом.

– О том, что никогда тебе этого не прощу, – зло процедила она.

– Глупая ты! – Весело заметил он и протянул руку, чтобы коснуться острого подбородка, но что-то остановило и Андрей руку убрал. – Неправильно это всё было, Алён... Ты не хотела.

На резко вскинутый взгляд Андрей ответил неохотно.

– Не того хотела. – Попытался пояснить он, но понимал, что нужных слов ещё не подобрал. – И я не хочу, чтобы ты запомнила тот момент, как я воспользовался твоей слабостью. А ничего другого в памяти бы и не осталось. У меня на тебя другие планы. – Уверенно и громко заявил он, на что Алёна вызывающе рассмеялась.

– А не пошёл бы ты со своими планами, а! – Вызверилась она, но на большее не хватило. В жесте бессилия опустила руки и устроила подбородок на подтянутых к груди коленях. – Андрей? – Тихо позвала, когда уже и не ждал.

– Что?

– И всё-таки почему ты меня... оттолкнул? – Алёна дол-

го не могла подобрать правильное слово, но как только высказалась, посмотрела прямо в глаза и видела мучительный процесс его борьбы с самим собой.

Спустя несколько секунд мужчина подобрался, криво усмехнулся, вскинул голову, чтобы смотреть на неё сверху вниз, а потом медленно встал, намереваясь уйти. И ушёл бы – она не пустила, схватила за руку и удержала, когда почувствовала несильный рывок. Только тогда Андрей пожевал губами и всё же сдался.

– А потому, дорогая моя, – склонился он, чтобы не только слова уловила, но и эмоции, – что маленьких принцесс не трахают на заднем сидении автомобиля. Только лишь оттого, что на большее в тот момент и не способен. А я могу и хочу!.. дать тебе больше... Не остановись я, на этой ночи всё бы и закончилось. А так... так на ней всё началось.

Андрей бесцеремонно сбросил её захват.

– Считаешь, у тебя будет второй шанс? – Бросила Алёна в спину, когда он уже стоял в дверях, на что Андрей резко развернулся, сверкнул глазами ... точно как Марта... и многообещающая улыбка задержалась на его губах.

– А я мальчик невоспитанный. Спрашивать разрешение не приучен. Считаю, что этот вечер был последним предупреждением.

– Предупреждением? Что это значит? – Алёна подтянулась в ванной и раздосадовано толкнула рукой по воде, понимая, что не может встать. Голой перед ним показаться уже

не готова!

– Считай, что я объявил тебе войну: или ты моя, или ничья. – Выдал Андрей будто под внутренним давлением и тут же легко усмехнулся, бросив на прощание несколько тяжёлых взглядов. Обещал, что с ним будет так же тяжело. Он так сказал.

На мгновение мужчина вернулся, когда уже не ждала, и широко улыбнулся.

– Ты сладкая, Алёнка. – Подмигнул он. – Теперь я знаю это наверняка.

Не дожидаясь ответа, вышел и захлопнул за собой входную дверь. Он не был готов показать Алёне всё и молча перетерпел странную ломку в естественном желании вернуться.

С нехорошим предчувствием Андрей зашёл в квартиру напротив и с облегчением выдохнул, глядя, как Марта сидит в уже привычной позе на подоконнике, согнув в колене одну ногу и низко свесив другую. Сидит и курит. Как и всю последнюю неделю.

– Что ты с ней сделал? – Тихо спросила она, так и не повернувшись в сторону мужчины. Глубоко затянулась и медленно выпустила дым изо рта.

– Ничего. Объяснил, что такое хорошо и что такое плохо. Кажется, она поняла.

– Я прошу тебя: оставь её.

– Это не твоё дело.

Марта опустила голову на притянутое к груди колено и в

немом отрицании покачала головой.

– Ты знаешь, чья она дочь? – Прошептала, на что Андрей вызывающе выпятил грудь и сделал шаг вперёд.

– А это имеет какое-то значение?

Андрей нервно жевал губами, в ожидании ответа, и глянул исподлобья, когда на повёрнутом в его сторону лице разглядел улыбку.

– Судя по твоей интонации, никакого...

– Что с тобой происходит? Это ревность? – Попытался Андрей приблизиться, но почувствовал, что не нужно, что Марта не хочет и, сцепив зубы, он прижался спиной к стене, признаваясь в своём бессилии перед ней.

– Просто я хочу, чтобы у тебя всё было хорошо. – Проговорила она с надрывом в голосе и судорожно выдохнула.

Вот-вот готова была заплакать, но не заплакала. Как всегда сдержалась. Как всегда остановилась на последнем шаге. А Андрей слишком хорошо её знал, чтобы не уловить, не понять это состояние. Он сполз вниз по стене и присел на корточки, глядя прямо перед собой.

– Почему ты начала курить? Ведь не курила, я точно помню.

Марта сначала улыбнулась, потом пожала плечами, а после растёрла напряжённой ладонью лоб и зажмурилась, сдерживая себя.

– Мне тогда сделали очень больно. – Сдавленно проговорила она, не желая возвращаться в то время, в то место.

Андрей долго смотрел на то, как она мучается, а потом поднялся, выпрямился, расправил плечи.

– Он того не стоит. – Андрей махнул рукой, а Марта улыбнулась, всё так же не глядя на него.

– Наверно, так и есть.

– Бросай. Ты достойна лучшего.

– Сложно всё, Андрюш. – Покачала она головой, что-то отрицая. – Непросто. А ещё фраза такая есть: по-настоящему сильные люди навсегда остаются одинокими, потому что от них веет холодом. В чём смысл перемен, если результат останется неизменным?..

– Красиво. Сама придумала?

– Как-то считала, что сама, а оказалось, что изобрела велосипед.

– Марта, так нельзя... всю жизнь одной...

– Ну что ты... я тебя люблю. У меня ты есть. Разве этого мало?

Наконец, распрямилась она и прижалась спиной к оконному косяку. Запрокинула голову чуть выше, чтобы затяжка получилась максимально глубокой.

– Неужели ничего нельзя изменить?! – Повысив тон, почувствовав эмоциональный всплеск, Андрей вскинул на Марту взгляд, а она вяло улыбнулась его решимости.

– Можно, мой хороший, всё можно. Только мы теперь не умеем по-другому. И ты иди... я хочу побыть одна.

– Опять одна?

– Поверь, я сумею себя развлечь.

– Мне иногда кажется, что твой последний муж, умирая, не по праву забрал с собой добрую часть тебя. Ты очень изменилась с тех пор.

– Наверно... Знаешь, что он сказал мне, умирая?

Андрей заинтересованно глянул, а Марта неконтролируемо высоко задрала подбородок, поджала губы.

– Он сказал, что в этой партии я выбрала неверную роль. Мне следовало оставаться незаметной пешкой, а я так хотела создать свой собственный мир, что и не заметила, как давно стала на защиту чужого. Старик Левит предвещал мне грандиозный проигрыш. Как думаешь, ошибался?

Марта скосила на племянника глаза, а тот будто растерялся, так замер.

– Ошибался. – Бросил Андрей слишком резко и бросился из квартиры едва не бегом, а Марта склонила голову, наблюдая за бурной реакцией, и расчётливо улыбнулась.

– А вот и нет, Андрюшенька, – посмотрела она в пустоту и властно оскалилась, – Левит никогда не ошибался!

Марта прищурилась, будто пыталась что-то рассмотреть в темноте, а соскочила потом с подоконника, медленно прошлась по комнате, затушила сигарету о пепельницу, извечно стоящую на кофейном столике, и остановилась напротив старинных напольных часов.

Она долго смотрела на циферблат, не решаясь на действие, а потом всё же потянула на себя длинную дверцу,

в плавном жесте вскинула руку и, касаясь часовой стрелки указательным пальчиком, отвела её ровно на один оборот назад. Склонила голову, вслушиваясь в первые звуки. Тик-так, тик-так... Она помнила их с детства. Тогда всё казалось ярче, красочнее, и мир был добрее, но вот этот звук... он остался неизменен. Он возвращал в прошлое.

Глава 6

С раннего детства Марта запомнила эти часы. Их семья жила в большом и уютном доме. Менялась мебель, картины на стенах, сносили и возводили даже сами эти стены, но часы... Они всегда оставались неизменны. Завораживали и будто хранили в себе все семейные тайны. Однажды пришло время и Марте поделиться с величественными часами уже собственными тайнами. Тогда ещё маленькими и детскими, но сам процесс... он заставлял восторженно вглядываться в циферблат, в ожидании чуда. И чудо происходило.

Она помнила свою самую первую, и, пожалуй, самую главную за всю жизнь тайну, ведь та была невинна и чиста... Цветы. Их дом был наполнен цветами. Мама обожала розы и могла часами любоваться на ровные бутоны, периодически поправляя их, направляя к свету. И Марта, повторяя за ней, пыталась проделывать тот же фокус. Под чутким маминым руководством всё выходило ловко и правильно, но милая девчушка была уверена: это врождённая тяга к прекрасному и никак иначе. И вот однажды, оказавшись с цветами наедине, она вновь попыталась выровнять композицию, убрать подсохшие лепестки и удалить лишние листья, как вдруг споткнулась, зацепилась и разбила вазу вдребезги. Слез тогда было много: ведь мама расстроится. Нужно было срочно что-то делать, и Марта не придумала ничего лучше, чем вы-

играть время, запустить его вспять.

Тогда девочка забралась на самый высокий стул и отвела стрелку часов буквально на несколько минут назад. За это время она успела убрать осколки, сломанные цветы и заменить их на новые. Розы достать не удалось – мама заперла оранжерею на ключ, но вот садовые ромашки идеально вписались в интерьер светлой комнаты и ничуть не уступали по красоте. В тот день мать ничего не заметила. Она так же, как и обычно, подошла к цветам, расправила букет по своему вкусу, улыбнулась результату и направилась дальше, а Марта навсегда запомнила волнительный момент и тот первый эксперимент со временем, который закончился волшебством.

Подобный фокус позже она проделывала не однажды, и каждый раз удачно. Потом повзрослела, улыбалась своей наивности, но глубоко в душе верила, что эти часы всё же обладают неведомой другим силой. Но растрачивать её попусту не стоит. Её необходимо беречь.

В результате громоздкие напольные часы стали единственной вещью, что Марта забрала из родительского дома после смерти отца. Она в принципе не имела привязанности к предметам, но оставить их там просто не смогла... Даже зная, что со смертью родителя часы остановились и больше никогда не шли. Ни один мастер так и не смог разгадать этой тайны, потому старинная вещь стала обычным украшением. Но иногда... очень редко... оставшись одна, она всё же окуналась в это волшебство. Точно как в детстве, переводила

стрелку и слушала, слушала, погружаясь в далёкое прошлое.

Она соврала. Милейшей Алёнушке. Совершенно бессовестно соврала, освещая события из детства. Оно было идеальным. Таким, каким и должно быть. И едва ли что-то могло омрачить её задорную улыбку, ведь Марту любили. Любили беззаветной любовью. Особенно отец. Матери не стало и он вдруг оказался единственным, кто мог позаботиться о милейшем создании. Светочка к тому времени достигла определённого уровня самостоятельности и в опеке не нуждалась. Только изредка в подсказках, но не в опеке. А, глядя на заводную неугомонную Марту, сердце обливалось кровью. Девочка требовала постоянного контроля. Постоянно-го! Отец каждым своим действием, каждым словом будто просил прощения за то, что она не родная, а Марта... она просто наслаждалась жизнью и наполняла душу отца безмерной отдачей за его внимание, доброту, ласку.

Переломным моментом для девочки стало известие об отсутствии родственных связей между ней и любимым папочкой. Но в то же время, облегчение от понимания того, что со злобной старшей сестрой её практически ничего не связывало, стало своеобразной воздушной подушкой при падении с небес. Мать не в счёт – от матери Светочка не унаследовала ровным счётом ничего, а вот мерзкая бабушка-еврейка, к тому моменту уже покойная, о-о, пусть она перевернётся в могиле, зная о том, что именно Марта стала любимой и незаменимой опорой для старика.

У Марты всегда были свои представления о счастье. С самого детства. И главным пунктом в них стало отсутствие негатива, приходящего извне: Светочку стоило вычеркнуть из своей жизни. Но если сестру выгнать из дома не представлялось возможным... то можно уйти самой! Эта чудесная идея посетила Марту, когда ей исполнилось восемь. И очень быстро заботливая наследница решила проблему, ведь сеять в доме раздор – это плохо! Нужно избегать конфликтов. «Мне очень сложно далось это решение, папочка, но жить всем нам в одном доме будет непросто, потому я должна уехать» – именно с таким заявлением она вошла в кабинет отца уже на следующий день. Старик схватился за сердце и готов был рвать на себе волосы, но любимица как всегда обняла мужчину, поцеловала в колючую щёку и удобно устроилась на его коленях. «Заграничная школа для девочек станет идеальным вариантом решения проблемы» – выдала она фразу, заученную ещё в ночи, и хитро улыбнулась, когда отец не мог видеть её лица.

Долгие уговоры ни к чему не привели и родитель, скрипя сердцем, и недобро поглядывая на злодейку-сестрицу Светочку, всё же сопроводил младшенькую в дальнейшее зарубежье. Чувствовать свою вину за подобное отношение с того дня он стал ещё глубже, потому старался приезжать как можно чаще и задаривал всевозможными подарками, даже не догадываясь о том, как легко Марте стало дышать вдали от многуважаемой родни. И это была далеко не первая победа в

неравной схватке с судьбой за истинное счастье.

Шли годы, и пришло время возвращаться в родное гнездо. Светочка к тому времени уже давно и безвозвратно пребывала замужем и семейная идиллия не была омрачена её присутствием. Марта, отец и огромный дом в их полном распоряжении. За тот год, что провели вместе, не возникло ни единого конфликта. Всё же отца она любила и уважала, поэтому готова была уступать. Во всём.

Сегодня вечером она сказала Алёнушке, что вышла замуж по расчёту... Боже, какая глупость, какой абсурд! Она никогда не думала о деньгах, ведь думать о благосостоянии удел тех, кто им не владеет, а беззаботная Марта, проведя детство, отрочество и юность в стенах зарытой школы, и не знавала другой жизни, жизни за чертой бедности... Она и слово-то такое читала лишь в книжках. Словно бабочка, порхала с цветка на цветок и, однажды, услышав предложение старика-отца о замужестве, лишь заинтересованно на него взглянула.

– Папочка, зачем мне выходить замуж? – Спросила тогда Марта и присела, ведь решать подобные вопросы на ходу – дурной тон.

Марта расправила свою широченную юбку, выпрямила спину и мило улыбнулась, извещая о готовности продолжить разговор. Было видно, что отец чувствовал себя неловко, и тогда она задорно рассмеялась, давая понять, что перед ним сидит всё та же девочка, которую, скрипя сердцем, отправ-

лял в заморские страны. Та же... только чуть выше ростом и чуточку умнее, красивее, чуточку самостоятельнее.

— Марта, солнышко, я уже в том возрасте, когда решения нужно принимать, предварительно их обдумав.

— Папочка, я уверена, что ты неспроста завёл этот разговор и готова тебя выслушать. Я тоже буду обдумывать свои решения и обязательно сообщу тебе о результате этих раздумий.

— Ты стала такая взрослая... — Пустил он скупую мужскую слезу. — Никогда не смогу простить себе того, что пропустил этот момент.

— У нас не было другого выхода, папочка, и я безмерно благодарна тебе за то, что понял меня тогда. А то, что далеко... так, это не беда. Я всё так же люблю тебя. Но давай поговорим о замужестве.

— Да, да, конечно. Марта, тебе ещё нет восемнадцати и это слишком мало, чтобы узнать жизнь, но я не вечен и душа моя будет беспокойна, если ты вдруг останешься одна.

Проронил он заветные слова и Марта взглянула с пониманием.

— Мой отцовский долг найти того, кто позаботится о тебе. Кроме прочего, я бы хотел убедиться, что выбор этот будет правильным, а на это тоже нужно время, потому принять решение стоит уже сейчас.

— Д-да... наверно...

— У меня есть на примете несколько молодых людей, но

я не хочу повторять ошибки своих родителей и родителей твоей матери... — На этом он на мгновение смолк, но быстро справился с эмоциями. — У нас с Агнией не было времени и возможности узнать друг друга. Для тебя я хочу лучшего будущего, потому позволю выбирать. Ты будешь знакомиться, общаться, возможно, возникнет симпатия... — Проговорил отец с надеждой в голосе. — А что будет дальше, мы увидим. — Растерянно взмахнул он рукой, а Марта с готовностью закивала.

— Конечно, конечно! Ты абсолютно прав, папочка. — Застенчиво улыбнулась она, как и подобает юной особе при подобных разговорах. — Ты сказал, что у тебя есть кто-то на примете, так вот, можно пригласить их всех вместе, чтобы я имела возможность сравнить. А чтобы этот вечер не выглядел как откровенное сватовство, я могла бы пригласить своих подруг и их родителей. Получится отличный приём! — Просияла Марта улыбкой, а старик вздохнул с облегчением.

Он боялся, что дочь переняла некоторые черты характера от матери, например, вздорность, чрезмерную самостоятельность, и старался оттянуть этот разговор до лучших времён, но время шло и его здоровье не позволяло разыгрывать долгие партии. Он был безмерно рад, что дочка поняла и приняла его решение. Всё же когда много отдаёшь, дети это чувствуют...

Марта же восприняла новость по-своему. Конечно же, к подобному повороту она готова не была. Но с другой сторо-

ны... отец прав! Ей нужен защитник, ей необходим надёжный тыл и опора в любых жизненных ситуациях. И, какая прелесть: папочка дал право выбора, так, почему бы и нет?.. Потому уже в ближайшие выходные был организован званый ужин, на котором ей и предстояло познакомиться с будущим мужем.

Марта выбрала своё лучшее платье, сделала причёску, и с приветливой улыбкой встречала каждого гостя. Кандидатов было три. Все достойные – как выразился отец. Что это означало, Марта не особо-то и задумывалась, но отцу было виднее. Старшему из женихов было уже тридцать. Высокий и статный. Очень красивый. Он пришёл, как и полагается, с родителями, но его мать так напоминала Марте старую бабушку-еврейку, что шансов у парня просто не осталось. Уже к середине вечера стало понятно, что этот жених на всю жизнь останется маменькиным сынком, а делить свой дом со свекровью Марта намерена не была и лишь подчеркнула первые выводы.

Вторым был молодой и перспективный студент Московского ВУЗа. Данила Ильин. Марте он приглянулся, но бегающий взгляд избранника каждый раз напоминал, что он фигура ещё не устоявшаяся, а, значит, ветреная. Ждать, пока молодой человек определится, Марте не хотелось – она ждала результата сразу, потому и этот вариант не оценила по достоинству.

Третьим и последним стал сын старого папиного друга

Мойши. Данный индивид был интересен в беседе, завлекал своими жизненными позициями, смотрел на Марту вождённым взглядом и демонстративно замолкал всякий раз, как она начинала говорить. Но отталкивающая внешность никак не позволяла склонить выбор в его сторону. Всё же Марта слишком отчётливо запомнила мамино брезгливое выражение лица всякий раз, как стоило поцеловать папочку. Нет! Она этого не потерпит. В результате девушка быстро заскучала и лишь со стороны наблюдала за тем, как её же подруги принялись окруживать папиных «достойных» женихов.

Ближе к концу вечера, домработница оповестила о вновь прибывших, но явно запоздавших гостях. Марта наспех прикинула, кого не хватает, вычислила отсутствующую подружку по школе Гелю и радостно взвизгнула, будучи наверняка уверенной в том, что теперь-то уж вечер не пропадёт в безмерной тоске. К тому же ещё не подавали десерт...

– Зовите! – Уверенно кивнула Марта женщине и для приветствия встала из-за стола.

Геля обещалась прийти с матерью, милейшей женщиной, но появилась в компании молодого человека, при виде которого Марта растерялась, покраснела и застенчиво опустила взгляд.

– Здравствуйте. – Кивнула она.

– Ну, привет. – Округлила глаза Геля, видимо, осознав, на какое мероприятие была приглашена. – Ты помнишь Юру,

моего брата? Мама, к сожалению, пойти не смогла, а одной было как-то скучно... Ты же не против?

На подобное заявление Марта лишь глубже вздохнула. Так ничего и не ответив, она развернулась к уже заждавшимся её гостям.

– Папа, познакомься, это Ангелина, ты должен её помнить. Мы жили в одной комнате. Геля не раз выручала меня в сложных ситуациях и была настоящей подругой, которую и «товарищем» назвать не стыдно.

– Здравствуйте. – Раскраснелась Ангелина и неловко рассмееялась.

– А это брат Гелечки, Юрий. – Набравшись смелости, Марта приблизилась к молодому человеку и придержала его за локоть. – Проходите к столу. – Вежливо предложила она вновь прибывшим, но ладошку, которой придерживала гостя, разжать не пожелала.

– Марта, это вам. – Скромно улыбнулся молодой человек и предложил букет, который до этого сжимал в руке.

– Спасибо. Проходите. – Повторилась она и лично сопровождала гостя.

Марта его помнила. Ещё в школе, будучи ребёнком, видела его и втайне млела по красоте, по обходительности. Он был старше на восемь лет и сестрёнку навещал нечасто, но каждый, без исключения, раз, Марта старалась не пропустить долгожданную встречу. Шло время, идеалы красоты для неё изменились и подобного стремления не стало. Геля

рассказывала, что Юрочка учится в Москве и по окончании института будет большим человеком, но едва ли Марту интересовала подобная информация.

Теперь же молодой человек от студенчества ушёл далеко. По подсчётам, ему должно быть двадцать шесть – отличный возраст для того, чтобы, наконец, занять предначертанный высокий пост и призадуматься о будущем. Внешние несовершенства были умело заштрихованы общим лоском интеллигентного человека и Юра смело выходил на передний план в любых сравнениях. Вечер пошёл шумно и весело. Веселилась, само собой, Марта, Юрочка же избрал роль наблюдателя. Он изредка отвлекался на разговоры о политике партии, о великом будущем Союза, но на неё смотрел с интересом, который, к слову, стал приметен и старику-отцу. Тот проявил к гостю больше внимания, а в итоге предложил продолжить вечер за рюмочкой чего-нибудь покрепче. Вечер плавно перешёл в ночь, гости стали понемногу расходиться, Геле же Марта предложила остаться на ночь, чтобы припомнить недавние посиделки в школьном пансионате.

– Если, конечно, вы, Юрий, не против. – Благоразумно понизив тон, проронила Марта и замерла в ожидании ответа.

– Да с чего ему быть против! – Довольно подвела итог Геля. – В лице Вениамина Семёновича Юра себе нашёл отличного собеседника. Тут и ночи будет мало! – Засмеялась подружка, намекая на внезапно возникший взаимный интерес этих двоих.

– Действительно. – Скромно опустил взгляд молодой человек. – Спокойной ночи, Геля, спокойной ночи, Марта.

– Вы, должно быть, шутите? После такого насыщенного вечера ночь спокойной не может быть априори. – Озорно заметила Марта и вихрем поднялась по высокой лестнице, оставляя после себя лишь аромат дорогих духов и тёплое напоминание об озорной девчонке.

Юра некоторое время так и стоял, глядя на опустевшую комнату, а потом повернулся к хозяину дома, деловито прищурился.

– Вениамин Семёнович, я бы хотел с вами серьёзно поговорить. – Решительно заявил он и уверенно направился в сторону кабинета, что был предложен хозяином как наиболее удобный переговорный пункт.

Беседа длилась по меньшей мере до утра. У Вениамина Семёновича к гостю было много вопросов, Юра же старался дать на эти вопросы как можно более точные ответы.

– В любом случае последнее слово будет за Мартой. – В итоге заключил довольный исходом беседы отец и взглянул на будущего зятя с надеждой. В просторном холле дома уже слышались звонкие девичьи голоса.

– Доброе утро. – Сделал Юра решительный шаг вперёд и позволил Марте смущённо улыбнуться, прежде чем она ответит на приветствие.

– Доброе. – Внимательно осматривая вчерашнего гостя, Марта кивнула. – Вы, должно быть, ещё не ложились. Папа!

Это, по крайней мере, невежливо! Что Юра о нас подумает! – Повысила она голос. – Юра, вы его извините. Папочка всю жизнь мечтал о наследнике, а получилось то, что получилось. – Имея в виду себя, она опустила взгляд и как по заказу раскраснелась. – Если вы не торопитесь, то можете отдохнуть в гостевой спальне наверху. Геля рассказала, что совсем скоро уезжает, и я вдруг поняла, как много мы должны друг другу сказать... Прошу вас оставить её погостить у нас ещё немного.

– Спасибо за предложение, но, увы, не могу. Служба. – Предельно кратко, жёстко отказался гость, немного охлаждая пыл. – Геля, если хочет, может остаться, а мне пора. Вениамин Семёнович, Марта. – Он кивнул головой на прощание, и Марта отступилась, пропуская его.

– Всего хорошего. – Бросила вслед и, уверенно улыбнувшись, глянула на отца. – Кажется, ты предлагал мне выбор, папочка... Что ты думаешь об этом молодом человеке?

– Ну... раз ты сама завела эту тему, скажу тебе так: я думаю, что вопрос вашей свадьбы решён. Нужно только время для подготовки и соблюдение некоторых формальностей. Таких как знакомство родителей. Ты, как я понял, с ними хорошо знакома.

– Да, особенно с будущей свекровью. – Марта склонила голову набок, не пытаясь скрыть предвкушение от бушующих событий.

Свадьба была скорой, шумной, многолюдной. Только ле-

нивый не пришёл, чтобы порадоваться за молодых. Юра был счастлив, а Марта непозволительно красива. Он не мог отвести взгляд от молодой, а она от старинного перстня, преподнесённого ей в честь торжества. Прежде украшение с редким камнем принадлежало матери, а теперь было передано ей в качестве семейной реликвии. Именно Марте. Так завещала её мать. Марте – перстень, что необходимо подарить именно в день свадьбы, а старшей дочери Свете – родительскую усадьбу. К перстню прилагалось письмо – послание, пережившее время. В нём мать желала счастья и велела быть благодарной. А камень... камень судьбы... он поможет сделать выбор в сложной ситуации.

– А я уже счастлива. – Заверила Марта, аккуратно складывая тонкую бумагу по старым швам, и вернулась к гостям.

Потом было событие более интимное – брачная ночь. Юрочка стал у неё первым, и, как была уверена сама Марта – единственным мужчиной. Всё оказалось предсказуемо и понятно. Впрочем, едва ли она ожидала от в меру скромного и запредельно чопорного мужчины эмоций, пожара, страсти. Да, он был нежен. Да, он был к ней внимателен. Да, ему льстило завидное положение первого мужчины прелестной Марты. И на этом всё. На этом всё...

Жизнь с Юрочкой оказалась скучна и однообразна, держалась на его честном слове и нездоровом энтузиазме самой Марты. Она, как истинная хозяйка большого дома, подаренного родителями жениха, создавала уют, красоту, превраща-

ла пресное существование в изысканный десерт.

Марта изучала секреты приготовления пищи днём и секреты интимных ласк ночью. В помощь ей была выделена домработница свекрови, замечательная женщина, которая и выполняла большую часть рутинной работы. Но, несмотря на все, безусловно, тепличные условия, она всё же потерялась в бесконечном ритме жизни домохозяйки и очень скоро выдохлась. Юра, выполняя свою роль главы семьи, горел на работе, впрочем, там же и пропадал, создавая благоприятные условия для молодой супруги, а Марта всё сидела и сидела одна. И все её труды так и оставались не востребованы. Ни дневные, ни ночные.

– Юрочка, как ты думаешь, может, мне пойти работать? – Однажды спросила она, всё же дождавшись его со службы в начале первого ночи.

– Зачем? Тебе чего-то не хватает? – Нахмурился оскорблённый подобным заявлением супруг.

– Мне не хватает общения. Мне не хватает внимания. В конце концов, я хочу чувствовать себя нужной.

Юра стёр с лица следы усталости, сменив их на мягкую улыбку, приобнял супругу, поцеловал кончики её пальцев.

– Марта, однажды я дал себе слово, что моя жена никогда не будет работать. Именно для этого я день и ночь пропадаю на службе, именно для этого готов недосыпать и недоедать.

– Юра, ты впадаешь в крайности. Ну, что значит недоедать? – Марта погладила его по голове и тепло улыбну-

лась. – С завтраком и ужином я буду справляться в срок, а чем я занята днём... какая разница, чем я буду занята днём?! Главное ведь, чтобы оставалась довольна, правда? – Она прижала его лицо к собственному животу и запустила пальцы в светлые волосы. – К тому же есть разные женщины. Кто-то находит себя в домашней работе, а кто-то реализует на общественно полезных началах. Роль домохозяйки, судя по всему, не моё. – Наигранно тяжело вздохнула молодая супруга и принялась рассуждать. – Я люблю цветы, но совершенно не умею за ними ухаживать, они меня не слушаются. Кстати, нам не мешало бы нанять хорошего садовника. – Капризно пожаловалась она и надула губы. – Я терпеть не могу заниматься уборкой, но с этим легко справляется наша домработница. Сколько раз я созваниваюсь с твоей матерью, столько же и благодарю её за Елену Дмитриевну. – Поторопилась Марта упомянуть о святом и тут же получила от мужа благодарственную улыбку.

– Марта, но работа... – Не понимая и не принимая ни одного из предложенных доводов, Юра пожимал плечами. – Ты не будешь высыпаться и станешь раздражённой, нервной. Это отразится на наших отношениях в семье. И, кстати, в какой сфере ты видишь себя? Без образования, без опыта...

– Да, мы с тобой этого пока не обсуждали, но я планирую поступать на экономический в будущем году. А работа... Я могла бы пока поработать кассиром в сберегательной кассе. Или консультантом по вкладам.

– Милая моя, дорогая, тебя и саму стоит консультировать по этому вопросу. – По-доброму усмехнулся Юра, видимо, не распознав в нежном голосе настойчивости и отнюдь не женской хватки. – Не торопись. – Накрыл он её ладони своими. Тёплыми и мягкими. – К тому же у нас пока нет детей. Ты могла бы направить свою энергию в данном направлении. – Осторожно проговорил Юра, боясь задеть, но Марта и не думала обижаться. Наоборот, холодно усмехнулась.

– В гордом одиночестве я с этой задачей не справлюсь, дорогой. – Непрозрачно намекнула она на его частое отсутствие. – И как раз пока детей у нас нет, а время для того, чтобы познать себя есть... Как раз этим и стоит воспользоваться. Юра, устрой меня на работу. – Перешла Марта к сути. Склонила голову, намерено демонстрируя плавные изгибы желанного тела. – Я же знаю, это в твоих силах. – Откровенно улыбнулась она, опускаясь к мужу на колени.

Марта ловко потянула за узел галстука, размяла напряжённые плечи, убрала в сторону его очки. А Юра... Ну что Юра... он был бессилен перед её женской властью. И уже в следующий понедельник подвёз Марту к месту её работы.

– Желаю удачи. – Шепнул он на прощание и улыбнулся, глядя, как любимая вприпрыжку несётся по тротуару. На водителя он перевёл уже строгий, целенаправленный взгляд. – Езжай. – Тихо скомандовал, но в голосе было достаточно силы, чтобы не питать иллюзий по поводу молодого служителя партии.

Он был суров и страшен в гневе. Никогда не шёл на компромиссы и среди своих славился как серьёзный противник. И единственной слабостью мужчины оставалась его молоденькая супруга. Она вила из него верёвки, а он ей позволял это делать. Пока.

Год семейной жизни пролетел как один день и не только потому, что ничто не омрачало счастье молодых. Они были далеки друг от друга каждый день этого года. И если прежде Марта старалась создать семью, то теперь создавала уют лишь для себя. Нет, она по-прежнему оставалась слабостью своего мужчины, по-прежнему владела его сознанием и управляла действиями, но теперь имела определённую цель: любить себя и делать себя счастливой. Ведь Юра и без её участия оставался счастлив и будто не замечал того, как они отдалились друг от друга, как отношения перешли в разряд дружеских.

Глупой Марта никогда не была и благоразумно обижалась на мужа всякий раз, как он был вынужден уехать в очередную командировку. Периодически навещалась к свекрови и просила у неё совета, как вести себя в той или иной ситуации, поддерживала отношения с суетливой Гелей. В общем, заручалась мощнейшей поддержкой со всех фронтов. Так... на всякий случай. А ещё она хотела детей. В этом видела свою роль как женщины, в этом видела своё спасение, ведь и работа с её постоянными встрясками успела наскучить.

Что тут сказать... работу в сберкассе можно было смело

отнести к сфере обслуживания. Безликая толпа, которая не заканчивалась даже перед самым закрытием. И каждый со своей претензией, каждый считает, что Марта должна уделить им своё драгоценное внимание, выслушать, посоветовать. Не было отдушины и в обеденный перерыв при общении с коллегами.

К «блатной» сначала долго присматривались, потом приценивались и в итоге сочли вражеским элементом. Причины раздора были самые разные. Тут ей припомнили и французские духи, и чулки из тончайшего капрона и шёлковые блузки. Приняли во внимание и тот факт, что на службу Марта приходила не с целью заработать деньги, получить заработную плату, а лишь для того, чтобы выгулять очередной наряд, коих было несметное количество. А ещё работа уверенно окунула Марту во все социальные слои и подробности их существования. И теперь было разделение не на стильных, модных и безразличных к нарядам, а на тех, кто может себе позволить и тех, кто не может. На тех, кто имеет возможности и тех, кто об этих возможностях только мечтает.

Узнала она и понятие «нищета». Таких клиентов, кстати, было немало. Они тряслись над последней копеей, гадая над неразрешимой дилеммой: отложить деньги на сберкнижку или всё же купить сыновьям-школьникам новые брюки, ведь прежние совсем износились. Спустя время, таких Марта отличала ещё до начала беседы, до их первого вопроса. Жалко этих людей не было. Тут, скорее, на первый план вы-

ходило непонимание и непринятие такой жизни, таких условий существования. А ещё чужое нежелание что-то в своей жизни менять. Хотя о кардинальных переменах Марта тогда могла только рассуждать, ведь у самой светлое безбедное будущее было ясным и предельно понятным. Нет, она бы ни за что не отказалась от спокойной жизни с Юрочкой. Ни за что и ни при каких условиях. И подобным мыслям оставалось лишь загадочно улыбаться, в то время, как окружающие выкручивались, занимали и перезанимали, налаживали «нужные» знакомства.

Выходные Марта любила больше всего. Ведь такие дни, особенно если Юрочка не уезжал на службу, можно было посвятить покупкам. И не имело ни малейшего значения, что именно покупать, ведь удовольствие доставлял сам процесс траты денег. Тех самых, которых практически ни у кого нет. А они в то время могли себе позволить заняться благоустройством сада, дворовой территории, и не задумываться при этом, что приготовить на ужин. Ведь поужинать всегда можно в ресторане...

В один из таких дней и прозвенел где-то на уровне подсознания первый колокольчик. Но звенел он настолько тихо, что его звук был едва различим и Марта с лёгкостью отмахнулась от раздражителя. Они с Юрой как раз присматривали кустовые розы. Марта хотела чайные, Юрочка же настаивал на ярких, алых, уверяя, что именно этот оттенок красного сможет украсить их и без того цветущий сад.

— Юра, это будет выглядеть слишком вызывающе. — Марта капризно отворачивалась от созерцания бутонов и обиженно кривила губы всякий раз, как муж пытался наладить контакт, схватив её за ладонь. Она отмахивалась и периодически отступала.

— Солнышко, а мне кажется, что этот цвет очень тебе идёт. — Податливо улыбался Юра и хмурил брови, переводя взгляд на продавца, обещая тем самым разобраться как можно скорее.

— В каком смысле? Мне что, стоять рядом с этими кустами всякий раз, когда мы приглашаем гостей? Ну, так, чтобы никто не усомнился, зачем мы выбрали именно эти цветы. Юра, мы пришли за чайными розами. Это очень красиво. Мы возьмём вот эти два. — Обращаясь к продавцу, требовательно ткнула Марта указательным пальчиком и удовлетворённо выдохнула, отметив, что сопротивляться благоверный перестал и уже отсчитывает кругленькую сумму за дефицитный товар.

А пока наметилась суeta и возня вокруг той самой покупки, она позволила себе отвлечься и окинуть придирчивым взглядом и остальные выставочные экземпляры. В их город флористы из разных республик и близлежащих областей приехали всего на два дня, стоило потратить своё время с максимальной пользой. Марта прошла на несколько метров вперёд, потом назад, примеряясь и прицениваясь к очередной покупке, как вдруг заметила навязчивое внимание со

стороны. Она не имела привычки молча уходить в сторону, потому резко вскинула взгляд на немолодого мужчину и выразительно нахмурила брови.

– В чём дело?! – Строгостью голоса она сразу выделила своё предвзятое отношение, и удивлённо склонила голову, отмечая, что мужчина ничуть не смутился подобной её реакции, а, казалось, даже обрадовался оказанному вниманию.

– Приношу свои глубочайшие извинения, о, юная престелница, за то, что посмел нарушить ваш покой. – Заговорил мужчина будто сказочник из древней Персии и склонил голову в учтивом поклоне. – Всё дело в том перстне, что украшает ваши изящные пальчики, – старательно улыбнулся он, – продайте его мне, я заплачу очень щедро. – Тут же заверил странный товарищ и потемнел с лица, когда Марта надменно хмыкнула и руку, на которой носила украшение, отвела за спину.

– Вот ещё! – Фыркнула она и задрала подбородок вверх, чувствуя своё явное преимущество.

– Я коллекционер. Историк. Изучаю древние миры, средневековье и времена царской эпохи в России. Вы ведь даже представить себе не можете, сколько лет истории каждое мгновение жизни носите за собой. Сколько судеб связано именно с этим камнем. Александрит... – Мечтательно потянул незнакомец. – Вы ведь знаете, что это «александрит»? – Тут же нахмурился он, после чего понимающе кивнул головой. – Разумеется, вы знаете... Тридцать карат. Изумитель-

ный экземпляр. Между прочим, один из первых камней, добытых на Урале. Только там! И ни в каком другом месте нет камней подобной чистоты и подобной цветовой палитры! Каким... каким он становится после захода солнца? Хотя нет, не отвечайте, – поспешил старик сбить с мысли, приметив, что Марта намеревается ответить. – Он становится малиновым. Непременно малиновым, иного и быть не может. На этом перстне лежит страшное проклятье. – Тут же принялся страшать он, понимая, что уговоры должного результата не возымеют. – Но я готов избавить вас от этой ноши, от опасности, что подстерегает всякого из владельцев.

– Спасибо, я как-нибудь справлюсь сама. – Съязвила Марта и попросту насмеялась над мужчиной напротив. – Это мой перстень и я не готова расстаться с ним ни за какие деньги, ни за какие мирские блага.

– Отдайте мне кольцо! – Заколотился мужчина в каком-то необъяснимом припадке злости и негодования, на что Марта отступила, громко ахнула и воскликнула, намерено привлекая внимание:

– Да вы сумасшедший!

Получив время для манёвра, она отступила ещё на шаг, не позволяя незнакомцу наброситься, и попросту отобрать украшение.

– Что захотите, прелестное создание, всё, что захотите! – Принялся тот едва не умолять, на что Марта властно усмехнулась, сверкнула ядовитым взглядом.

— Ну... если только за любовь... — Проронила она настолько тихо, что едва ли кто из проходящих мимо мог услышать. Она и сама смаковала эти слова, сама пыталась распробовать. — Если только за любовь. — Повторила увереннее и растянула губы в убийственно красивой улыбке.

Марта тут же опомнилась, прищурилась и принялась растерянно моргать.

— Юра, разберись! — Взвизгнула она, как только уловила в его взгляде поддержку и внимание. Хотя знала наверняка, что муж не из тех, кто в принципе может с чем-то разобраться.

Все, без исключения, вопросы, супруг решал путём дипломатических переговоров, а она требовала поступка. Решительного и, возможно, безумного, опрометчивого. Даже губы поджала, глядя, как муж покачал головой, не принимая её возгласа, осуждая порыв. На мужчину, что посмел нарушить покой любимой жены, Юрочка глянул и в дружеском жесте широко развёл руки.

— Эдуард Васильевич, дорогой. — Воскликнул он. — Как вы, как здоровье, как ваша коллекция? — Принялся перечислять. — Познакомьтесь с моей женой. — Юра приобнял её, притягивая к себе. — Марта, это Эдуард Васильевич Решетов, старый друг нашей семьи. Мама как раз на днях вас вспоминала. — Снова перескочил он на личности.

— Жена? — Растерялся Решетов на какое-то мгновение, а потом хитро улыбнулся. — Наверно, счастье иметь такую кра-

савицу в собственной клетке. – Понимающе кивнул он. – Как? Поёт ваш соловушка? – Старик приблизился к Марте на полусогнутых и с молчаливого согласия Юры коснулся её руки, едва ощутимо провёл дрожащим пальцем по заветному камню.

– Марта замечательная жена! Самая лучшая. – Беззастенчиво хвастался Юра, глядя на неё свысока. Тут же поцеловал в щёку, хотя обычно старался не демонстрировать чувства.

– Ну да, разумеется, самая лучшая... – Задумчиво пробормотал мужчина. – Тогда уговорите её продать мне вот это кольцо! – Не растерялся Решетов и в его глазах что-то вспыхнуло.

На подобное заявление Юра вежливо рассмеялся и прижал Марту к себе ещё крепче.

– Не думаю, что существует человек, способный заставить Марту расстаться с этим украшением. В конце концов, это едва ли не единственная стоящая вещь из её приданого.

– Как скромно ты оценил вклад моего отца в развитие своей карьеры. – Не преминула уколоть Мата в ответ на опрометчивое заявление мужа и сверкнула недобрый взглядом. Правда, тот предпочёл оставить это её замечание без комментария.

– И с чего вы взяли, что мой дом для неё клетка?! – В азарте улыбался Юра, поглаживая жену по плечу.

– Э-э, нет, Юрочка, этой птице суждено высоко лететь. – Замысловато выразился Решетов и так же странно прищу-

рился. — Захочешь поймать — сделаешь только хуже. В ней бушует непокорное пламя. Ты по молодости лет этого не видишь, но время всё по местам расставит. Всё и всех. Не по силам она тебе, не по власти...

— Вы бессовестный интриган. — Безразлично отозвалась Марта, усмехнувшись с вызовом. — Пойдём, Юра. — Придержала она мужа за локоть и потянула в сторону. — Юра! — В удивлении приподняла Марта брови и опустила взгляд, как только добилась желаемого. При этом скрывала в глазах триумф, пыталась утаить от посторонних глаз победную улыбку.

— Эдуард Васильевич. — Склонил Юра голову в прощальном жесте.

— Время всё расставит по местам. — Проговорил тот вслед и так застыл, глядя на удаляющиеся фигуры.

После Марта ещё не раз припоминала странную встречу, странное знакомство. Порой даже казалось, что старческий голос, озвучивающий незамысловатую просьбу, мерещиться ей во сне, а иногда и наяву. Только правильно оценить эти видения в силу молодых лет и буйного нрава не представлялось возможным. Она жила, цвела, любовалась собой и бьющей ключом жизнью. Она просыпалась с мыслями о светлом будущем и засыпала с неизменной верой в лучшее. Часто саму себя ассоциировала с бабочкой, порхающей по цветам и пьющей сладчайший нектар, о котором повествуют старые сказки. И всё было хорошо. И всё радовало. Вот только иногда, совсем-совсем редко, накатывало чувство одиночества.

Странное, необъяснимое. Но признаваться себе в том, что вся жизнь, точно как всё у той же бабочки, пуста и бессмысленна, не хотелось. В конце концов, всегда можно родить ребёнка и в корне изменить свою судьбу!

Глава 7

– Юра, ты меня совершенно не замечаешь! – Ворвалась Марта в кабинет мужа поздним вечером после очередной мысли о своей нереализованности как женщины.

На некоторое время она застыла в пороге, потом многообещающе улыбнулась, сделала несколько шагов вглубь комнаты и рухнула на кресло, стоящее едва не по центру кабинета. Оно всегда стояло на этом месте. Марта догадывалась, что и поставил его Юра именно для этих её выходов. Ведь любоваться супругой со стороны ему нравилось даже больше, чем видеть её рядом с собой. Она опала, чувствуя упадок сил, который всегда накатывал, как только Марта пыталась добиться должного внимания, и будто нехотя взглянула на мужа.

– Ну, что ты молчишь?! – Упрекнула она и отвернулась в сторону, не собираясь созерцать его всё понимающую улыбку.

– Марта, солнышко, тебе снова стало скучно? – Любя прокотал тот и вернулся к своим делам.

– Вовсе нет! Но иногда складывается такое впечатление, что ты женился на мне только лишь ради разнообразия. Ты мог бы хоть иногда заглядывать в нашу общую спальную комнату и радовать любимую жену своим присутствием в постели.

– Я работаю, дорогая. – С улыбкой отозвался Юра, не отрывая взгляд от бумаг.

– А я не могу без тебя уснуть... Ты же знаешь...

Ловким движением Марта оголила одно плечико, сбрасывая с него шёлковый халат, чуть ослабила узелок пояса, позволяя полам соблазнительно разойтись на груди. Голос на последней фразе сделался медовым, а взгляд умиротворённо нежным. Осознавая, что так и не дожждётся ответного внимания, Марта изящно соскользнула с кресла и неуловимо быстрыми шагами пересекла кабинет, чтобы устроиться на коленях мужа.

– Юра, ты бессердечный чурбан!

– У чурбана сердца не может быть априори, дорогая. И... давай поговорим об этом за завтраком. – Мученически скрипел он, но Марта страданий супруга не оценила и повела себя лишь настойчивее.

Она удержала его лицо обеими ладонями, не позволяя отвести взгляд в сторону бумаг, которые он так и удерживал в руках.

– И о чём ты собираешься разговаривать со мной за завтраком? – Изогнула она бровь, зная наверняка, что для мужа это давно стало сигналом тревоги. – Я тебя спрашиваю! – Настойчиво проговорила Марта. – Юра, ты меня даже не слушал! – Обиженно засопела она и капризно надула губы.

– Марта, я прошу тебя, давай отложим твои претензии на неопределённый срок. Завтра вечером я отправляюсь на оче-

редной съезд и...

– Опять?! – Воскликнула она, понимая, что сделала это уже не играя. Марта взволнованно задышала, почувствовав, как гневный румянец заливает половину лица. – Ты обещал, что эти выходные мы проведём вместе. Мы собирались в театр... или... или, на крайний случай, в кино.

Она вскочила с колен мужа и несколько раз метнулась по комнате.

– Юра, ты стал просто невозможен! И это при условии, что я работаю, а что, если бы пошла у тебя на поводу и сидела дома? Что тогда?!

– Марта, милая, но ведь остальные знают, чем себя занять, почему ты не можешь найти выход?

– Какие ещё остальные?! Не знаю таких! Кого? Ну, кого ты собираешься поставить мне в пример?!

– Хотя бы свою мать. Посмею напомнить, что она посвятила себя семье и никогда даже не помышляла о работе в общественно полезных местах.

– Да, но у неё были дети, Юра. Она рассказывала, что ты родился точно после свадьбы. По истечении ровно девяти месяцев!

– Я люблю детей. Почему бы нам не подумать об этом? – Вздохнул Юра и поджал губы, понимая, что Марта после очередного замечания просто рассвирепела.

Он даже примерно представил, каких сил ей стоило промолчать в этот момент. Представил, прочувствовал вину и

покаянно опустил голову.

– Ну, прости, солнышко. Я свинья. Поверь, просто поверь, что я всё делаю для твоего же блага.

Он прочувствовал тот момент, когда следует встать из-за стола и обнять Марту. Нервно выдохнул, оглядываясь на рабочий стол, заваленный документами и папками.

– Давай договоримся так: эти выходные я работаю, а на следующих мы обязательно побудем вдвоём. Можем съездить на пикник... или покататься на лошадях. Я говорил, что мой хороший знакомый занимается лошадьми?

– Так не пойдёт. – Марта решительно качнула головой в ответ на, казалось бы, заманчивое предложение. – Ты вот уже несколько месяцев произносишь один и тот же текст, даже не задумываясь над его смыслом.

– Марта...

– Давай! – Оттолкнувшись от мужа, сбросив его объятия, Марта вскинула голову, чтобы смотреть точно в глаза. – Езжай на свой съезд! Отправляйся на заседание! – Обессилено взмахнула она рукой. – А я буду сидеть одна в четырёх стенах и ждать очередных выходных. Не побеспокою тебя более со своими истеричными порывами. А ещё через несколько месяцев, случайно столкнувшись в этом огромном доме, ты сделаешь попытку со мной познакомиться, ведь к тому моменту попросту забудешь, как я выгляжу!

– Ты утрируешь. – Строго заметил Юра.

– Даже так? Ну, тогда, может, напомнишь, сколько раз за

последнее время ты сам изъявил желание меня увидеть?

Она горько усмехнулась, когда вместо ответа получила лишь многообещающий прищур его глаз. Подошла к возвышающемуся стенному шкафу и с силой дёрнула нижний ящик, демонстрируя содержимое.

– У тебя здесь комплект постельного белья. – Пояснила она в ответ на недоумённый взгляд. – Здесь сменное бельё, сорочки и костюмы. – Отворила самую массивную дверцу. – В конце коридора находится ванная комната со всеми необходимыми принадлежностями. Поужинать всегда можно на кухне, ведь столовая в нашем доме по назначению не используется тобой в принципе. В конце концов, ты даже не видишь смысла подниматься на второй этаж, где тебя жду я! Ах, да, конечно. Как я могла забыть, что в нашей спальне находится сейф с ценными бумагами и документами. Вот к сейфу ты однозначно подходишь чаще, чем ко мне и к семейному ложу! Неужели я совершенно тебя не интересую, Юра? О каких детях ты вообще говоришь, знаешь ведь, что сама я с этим не справлюсь даже при всём желании. Я год замужем, а чувство такое, что опостылела тебе!

– Марта, сейчас не самое удачное время для подобного разговора. – Строго заметил Юра, чем заставил натурально ахнуть.

Он выдержал её разгневанный взгляд, стерпел саркастическую усмешку, только вот из кабинета выскочить не позволил – больно сжал запястье, когда Марта рванула в сторону

двери и удержал в момент, как посмела проявить вольность и дёрнула руку на себя.

– Успокойся. – Сдержанно процедил он сквозь зубы. – Успокойся и сядь. – Толкнул её в сторону дивана и навис сверху, когда супруга всё же восприняла отнюдь не вежливую просьбу.

Долгий взгляд глаза в глаза вышел каким-то недобрым и неприятным. По крайней мере, Марта почувствовала странный холодок, бегущий по позвоночнику. Наверно, что-то сродни страху мелькнуло на её лице, потому как Юра тут же успокоился, уравновешено выдохнул и сделал слабую попытку улыбнуться.

– Ты моё сокровище. – Прошептал он, придержав Марту за подбородок пальцами. – Моя самая дорогая, самая любимая. Всё, что я делаю, я делаю для тебя и для нашей семьи. Сейчас очень напряжённый момент. Новая должность, требующая внимания и отдачи. Я должен проявить себя, если не хочу надолго задержаться в нижних чинах. А для этого нужно чем-то жертвовать. Прости, но в данном случае мне пришлось пожертвовать твоим доверием. Я исправлюсь, обещаю. Только не сейчас. Дай мне время. Совсем немного времени, а потом я буду в силах исполнить любое твоё желание.

Проговорив это, Юра осторожно коснулся её губ и отстранился.

– Ты меня напугал. – Тихо призналась Марта и поёжилась от холода, который всё же охватил тело.

Она тут же растёрла озябшие руки, поправила сбившиеся волосы. Снова почувствовала свою силу и власть, расправила плечи.

– И... куда ты едешь?

– В Адлер.

Получила Марта сухой ответ. Мысленно Юра был уже далеко отсюда и не смотрел на неё.

– В Адлер?

– Да. На шесть дней. Как раз к выходным вернусь.

– Тогда я еду с тобой. – Решительно заявила Марта и всё же поднялась с дивана. Юра обернулся, осознав последнее заявление, но противостоять отчего-то не смог. – В конце концов, ты уже год обещаешь мне медовый месяц, который задолжал сразу же после свадьбы! Пришло время исполнить данные обещания.

– Но я буду занят и у меня совершенно...

– Ничего! Зато я смогу отвлечься. Сейчас середина июля, самый сезон.

– И буду поздно возвращаться...

– Ничего нового. – Категорично качнула Марта головой.

– И не смогу уделять достаточно времени...

– Да не волнуйся! Уж как-нибудь я смогу себя развлечь.

– Не знаю... Это деловая командировка...

– Я тебе совершенно не помешаю!

– И отпустят ли тебя с работы?

– Неужели за полгода этого ада я не заработала и недели

отдыха?! – Мученически скривившись, Марта застонала. – Юра, ты должен повлиять на моё руководство. Ты же знаешь, как тебя уважает Зинаида Анатольевна. – Довольно заключила она, радуясь собственной идее. – Бронируй номер! Я не собираюсь ютиться на одноместной койке класса эконом.

– В разгар сезона? Марта, ты, наверно, шутишь...

– Так, сделай что-нибудь! Ты же представитель власти!

– Марта...

– В конце концов, я могу попросить об этой услуге отца. Уж для него наверняка найдётся местечко в любом пансионате страны. – Намерено задела она мужа и удовлетворённо кивнула, как только тот раздражённо рыкнул что-то вроде согласия.

Ох, как она любила подобные разговоры... Наверно, смотреть со стороны на подобный диалог было бы просто замечательно, но посмотреть не удавалось, приходилось участвовать. Особенно сильно Юру задевало положение в обществе, точнее, его отсутствие. Он мог бы руководить целой страной. Мог бы... да кто же ему позволит?.. Вот и приходится довольствоваться малым, пробиваться, доказывать, выслуживаться. Подстраиваться пусть и под глупцов, но глупцов вышестоящих. И любое, практически любое упоминания о полномочиях отца Марты выводило его из себя. Правда, тут стоит отдать должное, держать себя в руках Юра умел идеально. Только что желваки выступали на скулах и недобрый взгляд, то и дело, был направлен на собеседника... Но что Марте

до его взглядов и желваков?! Она бессовестно пользовалась своим положением и своим влиянием, как женщины.

Один лишь момент не давал покоя. Те самые приступы тихого бешенства мужчины. О-о... это было далеко не в первый раз. Этот его угрожающий оскал, стальная хватка и не озвученное обещание уничтожить. Почему-то именно это она видела в глазах мужа и неизменно робела. Не должна была, не хотела показывать ему свой страх, свою слабость, но совершенно не контролировала чувства и каждый раз уступала. А потом не придумала ничего лучшего, чем озвучивать и выставлять напоказ то, что могла бы скрывать. «Ты меня напугал». Да, именно эта фраза всё чаще для Юры была ударом под дых. Всё чаще заставляла его задуматься и следующий раз быть более осмотрительным. И, что важно, произнести её следовало, именно когда муж приходил в себя. Ничуть не раньше, ведь тогда он мог бы воспринять подобное признание как вызов... Марта даже мысленно не желала представить себе, на что способен мужчина, которого так долго держат в узде правил, установок и условий. А к тому моменту, как это узда будет ослаблена, она должна закрепиться в сознании мужчины, как любимая жена и мать его ребёнка. На это она и тратила все свои силы. На этом и акцентировала внимание. А что касается любви... его любовь Марте была совершенно не нужна. Главное быть уверенной в завтрашнем дне, а любовь приносит в жизнь человека лишь смуту и сомнения, коих и без того предостаточно. По крайней мере,

так утверждал её отец, а верить отцу Марта считала своей святой обязанностью.

Солнечный Адлер встретил толпой отдыхающих, невозможной духотой и предсказуемой давкой привокзальной площади. Юра торопился на заседание и, то и дело переключал портфель с документами из правой руки в левую и обратно. Он протирал лоб подготовленным заранее носовым платком и строго поглядывал на носильщика,двигающего тележку с чемоданами Марты. Очередное напоминание о том, что едут они всего на шесть дней, было пресечено на корню строгим взглядом зелёных глаз и с количеством вещей пришлось просто-напросто смириться.

– Я не успеваю заселиться в гостинице. – Выдал Юра уже у машины такси и взглянул на Марту с беспокойством.

– Я доберусь. – Отмахнулась она.

– Я прошу тебя сегодня никуда без меня не ходить.

– Разумеется, мне ведь совершенно ни к чему купаться в море и загорать. Я буду скучать у окна и слушать шум прибоя... – Скорчила она смешную рожицу и щёлкнула мужа по носу.

– Марта... – Проговорил тот с укором, на что она обворожительно улыбнулась и неодобрительно покачала головой.

– Юра, я тебя слышала, а что мне делать дальше, решу сама. Дорога была очень утомительна, возможно, я немного посплю, но ничего не обещаю. Ты будешь поздно? – Обер-

нулась она в момент, когда уже почти села в машину такси, и улыбнулась наиприветливеем образом. – Я буду скучать. – Спешно добавила, не дожидаясь ответа, и махнула на прощание рукой.

Она закатила глаза, самой себе демонстрируя усталость от бесконечных упрёков, ведь за всё время в пути супруг так и не смог заставить себя замолчать и всё зудел, зудел... Да она в один момент поняла, насколько благодарна судьбе за постоянную занятость супруга, ведь выдержать подобную атаку ежедневно под силу не многим!

– Гостиница «Чайка». – Припомнила Марта известить водителя о конечной точке маршрута. – И если можно, побыстрее. – Игриво увела она взгляд в сторону, отметив заинтересованность со стороны мужчины. – Пока законный супруг не опомнился, нужно успеть посетить все значные места вашего замечательного города.

– Может, нужна помощь? – Усмехнулся усач, а Марта безразлично сморщила носик.

– Боже упаси! – Закатила она глаза. – С виду не скажешь, а на деле он очень ревнив. Очень! – Выделила тоном дополнительно и заливисто рассмеялась, как только мужчина разочарованно надул губы.

Марта любила море. И солнце любила, и крики чаек в ночной тиши. Каждый год отдыхала на побережье и только сейчас поняла, насколько соскучилась по этому ощущению мимолётного счастья, что посещает только в таких городках.

И даже постоянно кислый вид администратора гостиницы не портил общее впечатление непрекращающегося веселья, азарта, скорого удовольствия.

В этот раз её встречала женщина. Конечно же, грузная, конечно же, уставшая от жизни. Она нехотя поднялась из-за стойки регистрации, чтобы выдать формуляр для заполнения. Краем глаза заметив, что посетительница наметилась на номер с удобствами, женщина незначительно, но подобрела, разговаривать стала вежливее и периодически выдавала неплохую улыбку, очень похожую на естественную.

– Ваш номер триста девятнадцатый.

– Большое спасибо. – Марта не поскупилась на эмоции и с чувством полного удовлетворения направилась к лифту.

Наспех ополоснувшись, она разобрала чемоданы и с видом доцента кафедры приступила к выбору купальника на этот выход.

Марта себя баловала. Она любила выделяться. Она любила, когда её замечают и, к слову, частенько добивалась своего. Имела вкус и могла похвастаться собственным стилем в одежде. А вкупе с допуском к выезду за границу, горячая смесь грозилась стать взрывоопасной. У неё было всё, чтобы добиваться неизменного успеха у мужчин, но строгое воспитание отца не позволяло даже думать в подобном направлении. Она была рождена, чтобы стать идеальной супругой выдающегося человека. И она уже идеальна. Осталось только донести эту мысль до окружающих...

Звонок телефона застал Марту в дверях.

– Я слушаю. – Торопливо проговорила она, поглядывая на море, распластавшееся по горизонту.

– Марта, ты уже устроилась? Мы приглашены на ужин. Будь готова к шести. – Кратко оповестил Юра о своих планах на вечер. Марта на это лениво потянулась и невольно скривилась.

– Да, конечно. – Улыбнулась она, втянув в себя неповторимый запах моря.

– Ты должна быть на высоте, я хочу, чтобы нас запомнили.

– Да, конечно. – Слащаво пропела красавица, стараясь отделаться от звонка как можно скорее.

– Нам нельзя опаздывать, потому будь готова заранее.

– Да, конечно. – Нахмурила она брови, понимая, что беседа «ни о чём» затянулась, а море сверкает слишком призывно, чтобы отложить отдых ещё хотя бы на минуту.

– Что «конечно», Марта? Ты меня услышала?

– Ну, разумеется. – Недовольно рыкнула она, но вскоре опомнилась и поторопилась пояснить. – Не хотела говорить, но ты меня разбудил. До того как вошла в номер, я даже не подозревала, насколько сильно устала. Обязательно попрошу администратора поднять меня в четыре, чтобы к шести быть при полном параде и ни в коем случае не опоздать, ведь нас должны запомнить. – Повторила она сказанное слово в слово и с чувством выполненного долга повесила трубку.

– Вот зануда! – Марта недовольно передёрнула плечами.

Только после этого настроилась на нужный лад, и с мечтательной улыбкой на лице отправилась на пляж.

Море было тёплым, солнце жарким, а люди доброжелательными. И лишь мысль о том, что пора уходить, заставляла кривить губы и недовольно щуриться. Время неумолимо стремилось к пяти часам, когда Марта окунулась в воду последний раз. Наспех собрав вещи, она направилась в гостиницу, где её и поджидали первые неприятности.

– Ключ от номера уже забрали. – Улыбнулась на удивление приятная девушка, заменяющая грузную тётку-администратора. – Видимо, ваш спутник уже вернулся. – Не преминула заметить она, глянув в журнал.

– Да, это мой супруг. – Будто для самой себя пробормотала Марта и с предчувствием скорой встряски, нехотя побрела к лифту.

Юра был очень исполнительный. Слишком. Чрезмерно. Чересчур. И того же требовал от окружающих. От Марты в частности. А она осмелилась ослушаться. Единственным вариантом, при котором их встреча пройдёт гладко, стало бы её опоздание. Да. Юре было бы просто некогда читать жене морали, но она слишком поздно об этом задумалась. Слишком поздно, ведь дверцы лифта отворились, а Юра стоял напротив и будто ожидал её.

Он был красив. Да. Наверно, его можно считать красивым. Чуть худоват, но это, скорее, излишняя нервозность на службе. Его светлые, уложенные в плавильную причёску волосы с

косым пробором, идеально сочетались с небесно-голубыми глазами. Тонкие блеклые губы и прямой нос. Глаза с постоянным прищуром. Если бы Юра стал следователем, только благодаря этому прищуру удалось бы раскрыть по меньшей мере половину преступлений. Очень уж угрожающе он выглядел в такие моменты. Высокий и жилистый. Общая рахитичность, наоборот, только вводила возможного противника в заблуждение. Он был силён. Он был агрессивен. Вот, собственно, и всё, что Марта могла сказать о супруге по истечении года совместной жизни. А вот сейчас, в этот конкретный момент, Марта могла узнать о нём гораздо больше, ведь прищур он уже активировал, длинные руки подпирали бока, а тонкие губы стали практически незаметными, так плотно были сжаты. Сейчас её спасёт только импровизация и природное обаяние. А возможен вариант при котором именно обаяние станет на лидирующую позицию...

– Юрочка, ты меня встречаешь?.. – Максимально широко и предельно доброжелательно улыбнулась Марта и стала на цыпочки, чтобы поцеловать мужа в щёку. Он же не сдвинулся с места и не произнёс при этом ни звука. – Погода просто чудо. Мне кажется, или сегодня ожидается полнолуние? – Озорно оглянулась она. – Я никогда не купалась при полной луне. И не против попробовать сделать это именно сегодня. Как ты смотришь на столь дерзкое предложение?

Марта втянула его за руку в номер и на ходу захлопнула дверь, притягивая мужа к себе максимально близко.

– Нет? – Удивлённо приподняла брови, словно в обиде за неоценённый порыв. – А если купаться голышом? Как тебе такое предложение? Интригует? – Прошептала она в самые губы и снова проиграла, ведь муж уже вынес обвинительный вердикт и его требовалось только огласить...

– Где ты была? – Вместо откровенных признаний, задал он ожидаемый вопрос и скрестил руки на груди, демонстративно отдаляясь от Марты.

– На пляже. – Взмахнула она руками с пляжным инвентарём. Тут же сняла с головы широкополую шляпу и отбросила её в сторону. – Я просто в восторге от местного солнца. Такого чудесного загара не найти даже на Лазурном берегу Франции. – Распахнула она лёгкий пляжный халатик и покружилась, демонстрируя пока ещё не совсем заметный, но всё же результат.

– А ты и там была?

– Была. И есть ещё один секрет красивого загара. Если не будешь таким букой, я им даже поделюсь. – Марта прошлась по комнате, стараясь избежать требовательного взгляда. – Что? Не знаешь? Липовое масло! Только оно даёт такой чудный медовый оттенок. – Провела она кончиками пальцев по бедру, показавшемуся из выреза.

– Я просил куда без меня не выходить. – В ответ на весёлое щебетание пробасил муж и выдвинул нижнюю челюсть вперёд. Марта невинно пожала плечами.

– Ты просил, но не сказал, что это непримиримое усло-

вие. – На этот раз плечи Марта расправила и максимально вытянула тонкую шею. Удивление она сыграла искренне и очень правдоподобно. Сама бы себе поверила. А вот Юра не верил...

– Когда я позвонил, ты сказал, что уже спишь. – Продолжил он атаку, которая заставила Марту непонимающе, но нервно усмехнуться.

– Ты меня разбудил, да. А потом сон всё не шёл и не шёл... Мне стало скучно! – Сказала она так, будто в чём-то обвинила. Бросила скорый взгляд на идеально заправленную постель и недовольно поджала губы. Юра этому факту мстительно усмехнулся. – И, вообще, я никак не уловлю суть твоей претензии. Что-то не пойму, ты привёз меня на море или в заточение?

– Я приехал по делам и просил тебя быть предельно собранной. И не хочу, чтобы уже завтра в управлении говорили о том, будто я всюду таскаю за собой жену!

– Юра, что за глупости? Позволь напомнить, что это ты в моём номере, а не я в твоём! И путёвку я приобрела на заработанные деньги, а не украла. В чём ты меня сейчас обвиняешь? В желании быть с тобой рядом? Вот уж не думала, что это предосудительно. Мы женаты всего год и быть вместе как можно чаще вполне естественное желание.

– Я просил тебя никуда не выходить. – Сухо процедил муж, будто заводной, и сверкнул не в меру злым взглядом.

– А я твоей просьбы не выполнила, ну и что?! – Так же

стала в позу Марта и тут же оказалась прижатой к стене.

Длинные мужские пальцы с силой сжимали её шею, а нетерпеливое дыхание врзалось в лицо и будто обжигало нежную кожу.

Юра ничего не сказал, но смотрел так, что любые комментарии были бы излишни. Когда наваждение отхлынуло, а в его глазах мелькнул и пропал испуг, Марте оставалось только опасть по стене вниз, а на то, чтобы отдышаться, сил уже не хватило.

Муж помог ей подняться и в жесте неоправданной нежности прижался губами к изящной шее. Он удерживал Марту со спины. Видимо, посмотреть в глаза не хватило смелости.

– Мы должны быть к шести. – Осторожно напомнил Юра, шепча слова на ухо, и аккуратно подтолкнул Марту в сторону ванной, за дверь которой она тут же заперлась, не желая ни видеть, ни слышать бессмысленные оправдания, которых, к слову, не последовало.

Юра не стал объяснять эту вспышку гнева, а Марта не решилась акцентировать внимание на подобном случае. Удобнее и проще было бы забыть. Забыть...

– Что это? – Воскликнул Юра слишком громко и тут же вцепился в неё новой хваткой. Больно сжал плечо и, сотрясая, потянул вверх.

Марта даже не поняла, что произошло, а он уже отшвырнул её в сторону и схватился за голову, что-то тихо причитая.

Она успела сделать укладку и макияж, надела лучшее ве-

чернее платье, из тех, что были с собой. Оно было изумрудного оттенка, что так удачно подчёркивал глаза. Открытые плечи, грудь и пышная юбка, доходящая до середины колена. Марта как раз справилась с застёжкой на серьгах, как вдруг снова его крик, его претензия, голословное обвинение.

– Что это, я тебя спрашиваю?! – Молниеносно приблизился мужчина и тряхнул Марту со всей силы, разворачивая к зеркалу спиной. – Ты же как дешёвая шлюха выглядишь! Как пляжная подстилка!

Только тогда она аккуратно над платьем с открытыми плечами разглядела небольшую временную татуировку. Мастер обещала, что та смоется всего через две недели и Марте в голову не пришло отказываться от заманчивого предложения. Бабочка. Скромная бабочка, сложившая крылья. И голубые глаза мужа в зеркальном отражении. Глаза, потемневшие до цвета штормового неба.

Как Марта выдала ему пощёчину, она не видела и не запомнила, ведь от страха закрыла глаза. Только слышала звук соприкосновения кожи с кожей и короткое, но громкое шипение – Мгновенно опомнившись, Юра схватился за щёку.

– Да ты с ума сошёл! – Взревела она и выбежала из номера, и не пытаясь выслушать, понять, дать шанс. Заскочила в лифт и спустилась на первый этаж, а там улица и спасительный воздух, со всё ещё не явной, но наметившейся вечерней прохладой.

Бежала Марта без оглядки – боялась, что муж догонит.

Ещё у гостиницы она пару раз слышала, как тот окликнул её и потребовал остановиться, а потом от всего открестилась и видела только дорогу, ведущую вперёд. Она остановилась, как заметила какую-то ярмарку. Отдыхалась, осмотрелась, с недовольством отмечая, что понятия не имеет, где сейчас находится. Недалеко от гостиницы тоже была ярмарка по распродаже бесконечных памятных безделушек для гостей городка, но это не она. И знакомых зданий, что своей выдающейся архитектурой буквально бросались в глаза, не разглядела... Гостиница «Чайка» осталась где-то далеко за пределами видимости. В какой-то момент, оказавшись в незнакомом месте одна, Марта испугалась, но быстро заглушила этот испуг, расправила плечи, улыбнулась, как подобает девушке её положения, и пошла вперёд. В конце концов, здесь недалеко должен быть очень красивый парк.

Прохожая порекомендовала Марте проехать пару остановок по четвёртому маршруту. Это она и сделала, вот только опомнилась слишком поздно и вместо двух остановок проехала все пять. Казалось бы, всего на мгновение закрыла глаза, задумавшись, а на деле заблудилась ещё больше. Всё на том же четвёртом маршруте Марта хотела отправиться назад, но автобус, вопреки ожиданиям, сделал круг и повёз её в совершенно другую сторону. И буквально через пару остановок мощным потоком рабочей молодёжи она была оттеснена в самый дальний угол. Всё с тем же потоком минут через десять езды Марту вынесло на незнакомую остановку, прав-

да, на просторе толпа разбрелась и она осталась совсем одна. Изящные наручные часики показывали половину седьмого, а недобрые серые тучи настолько затянули небо, будто время давно перевалило за девять часов. Случайных прохожих не было, а движение транспорта, казалось бы, и вовсе вымерло, настолько тихо стало вокруг. Редкие проезжающие машины такси останавливаться не желали, да и денег не было от слова «совсем». И комичная с любой стороны ситуация таковой уже давно не казалась.

– Вы не подскажете, который час? – Вынырнул из-за остановки невысокий паренёк в кепке и пристально посмотрел Марте в глаза.

Подсказать она явно не желала, что и дала понять не менее прямым и не менее настойчивым взглядом.

– Извините. – Прощемила она сквозь зубы, потрянула рукой, на которой и были часики, и отступила на один шаг.

С первого раза паренёк явно намёка не понял и ещё некоторое время продолжал стоять, будто в ожидании ответа, а потом надвинул козырёк на глаза и скрылся за рекламной тумбой, насвистывая неприятную, наводящую дрожь, мелодию. Что-то заводное и весёлое, мотив Марта узнавала. Что-то похожее на «Мурку», но сказать наверняка было сложно, всё же дующий в сторону тумбы ветер уносил звуки от Марты в сторону, а прислушиваться желания не было.

Спустя минуту она начала нервно притопывать, а потом и вовсе раздражённо оглядываться в поисках автобусного рас-

писания, но табличка висела слишком высоко, а фонарь светил в противоположную от неё сторону. Ветер усиливался, сгоняя тучи, и теперь приносил заметные неудобства, заставляя ёжиться от холода и, то и дело, растирать озябшие плечи. Поддаваясь порывам, волосы беспорядочно разлетались в стороны, выбиваясь из некогда идеальной укладки, в глаза летела пыль, а в декольте платья мелкие веточки и высохшая листва с возвышающихся деревьев.

Глава 8

От бессилия и собственной беспомощности очень захотелось расплакаться и, вероятно, именно так бы Марта и поступила, но спасительный автобус вывернул из переулка и неторопливо двигался в сторону остановки. Оттуда же, из темноты, в её сторону быстро приближалась одинокая мужская фигура. О том, что мужская, говорили, скорее, габариты, нежели какие-то чёткие очертания, а о том, что мужчина приближался, и говорить было не нужно, совсем скоро Марта уже отчётливо услышала спешные увесистые шаги. Автобус ускорился, а мужчина резко махнул рукой и что-то крикнул с угрожающей интонацией. Оглянувшись в поисках защиты, она была вынуждена поджать губы и мысленно поторапливала колымагу двигаться быстрее. Автобус остановился и двери автоматически раскрылись, разливая по остановке спасительный свет. Марта тут же юркнула в проход и уже с места относительной безопасности смотрела за тем, как двери закрылись, а бежавший в её сторону мужчина так и остался стоять на остановке, что-то отчаянно выкрикивая им вслед. И он смотрел на Марту. Только на неё.

– Эй, водитель, обожди, не всех забрал! – Крикнул из хвоста кто-то больно жалостливый, заставляя едва не взвыть от досады.

В раскрытую заднюю дверь влетел всё тот же мужчина и,

глядя на Марту, странно улыбнулся. Ловко скользя между людьми, переполнявшими хвостовую часть, он спешно приближался, а как остановился напротив, уставился на неё с демонстративной наглостью. Высокий и опасный, возвышался над ней, намерено нависая, и будто чего-то ждал.

– Глухая, что ли? – Выплюнул он в итоге слова и склонился, заглядывая в глаза.

От резкого выкрика Марта подпрыгнула на месте и уставилась на мужчину, не моргая.

– Что?..

– Я говорю, в падлу было автобус подержать, да?! – Рыкнул тот с откровенной неприязнью и разве что не сплюнул, так скривилось его лицо.

– В каком смысле подержать? – Отступила она, выигрывая время и расстояние, но мужчина с показательным упрямством снова придавил её своим присутствием, приблизившись точно на этот шаг.

– А как автобус обычно держат? – Нетерпеливо рыкнул он и посмотрел как на недалёкую, резко сменив тональность на саркастическую, мягкую, податливую. – Одну ножку на ступень, а вторую на тротуар. И ждём, пока люди зайдут.

– Какие ещё люди, вы о чём?

– Я люди! Я! – Откровенно крикнул незнакомец и тут же опомнился, глянул на Марту как-то иначе и расплылся в довольной улыбке. – Хотя, действительно, о чём это я...

Он принялся показательно осматривать её с ног до голо-

вы. Жадно впился взглядом в лицо, придал заметное чувство дискомфорта, когда с довольным видом окидывал грудь, талию, ножки. Вот только уступать Марта намерена не была, а по сути, и не умела, потому оставалось только подставиться под взгляд и стерпеть его в полной мере.

– Какой автобус, какое «подержи», – довольно пророкотал мужчина, склонившись, и тем самым нарушив зону комфорта. Марта отпрянула, но отойти в сторону незнакомец не позволил, удерживал её за талию крепкой хваткой. – Мадам наверняка передвигается только на личном авто. – Озвучил он свои выводы и презрительно скривил губы.

– Руки убери! – Прощемила Марта в ответ и скривилась не менее презрительно.

Таких, как этот мужчина, она видела и прежде. Босьяк. Волосы в творческом беспорядке, на плечах выцветшая растянутая майка, ниже оборванные на уровне колен, облезлые трикотажные шорты. пляжная обувь со шлейкой через большой палец. Стоящего в нём было только самомнение. Запредельное.

– Уже убрал! – Расплылся тот в довольной улыбке, приняв пусть и не высказанную, но явно низкую оценку и будто подстегнула его этим, так облизнулся. Он тут же продемонстрировал ладони, но не отошёл, не отодвинулся. А в глазах огонь, азарт. Марта лишь напряжённо задрала подбородок повыше.

– А что такая красивая мадам делает среди простых

смертных? Заблудилась?

– Твоё какое дело?

– Это так хамить пытаешься, да? – Усмехнулся он и принялся оглядываться по сторонам, будто призывая окружающих принять его сторону.

Стоит отметить, что особого интереса к парочке пока ещё никто не проявлял, но трудовое рвение в народе чувствовалось даже по запаху, который отчего-то намерено остро ударил по тонкому обонянию.

– Я вообще тебя не трогаю.

– Ну да. Я понял. Брезгуешь.

– Да что вы от меня хотите?!

– О! Теперь мы на «вы». Как быстро ты меняешь роли, красивая, глядишь, а проснись уже женатым.

– Больно надо. – Фыркнула Марта и пристально глянула на мужчину, правда, что-то неведомое заставило быстро взгляд отвести. Мужчина был будто сильнее её. Сильнее по духу. И весь из себя такой уверенный, правильный. А по сути наглый и хамоватый тип, которого следовало послать куда подальше. Жаль воспитание не позволяет, хотя в некоторых отдельных случаях и от воспитания можно было бы отступить.

– Да вообще не надо, только вот... – Мужчина похабно усмехнулся и неожиданно смолк, заставляя додумывать невысказанное предостережение, а в том, что предостерегал, запугивал, сомневаться не приходилось, так он смотрел.

– Что? – Не сдержалась Марта и поддалась на провокацию, даже стерпела паршивую ухмылку, идущую следом.

– Да так... – Присмотрелся он, прицениваясь к словам и мыслям. – Девочка ты видная, сразу понятно – нездешняя. Едешь одна, с опаской оглядываешься по сторонам, а если говорить проще, то заблудилась, оттого и вертишь головой как мигалкой на патрульной машине. Ты не знаешь, куда едешь, не знаешь, где выйти. А на улице-то темно, вот-вот начнётся гроза. Тушь потечёт, платье обвиснет, обмякнет, глянешь – рука приглубить не поднимется. – Он тут же провёл ладонью по её волосам и рассмеялся тому, как Марта брезгливо отмахнулась. – И район-то у нас такой... мутный район, полно тёмных переулков. А бриллиантики-то блестят, – шепнул он, наклонившись максимально близко, и взглядом провёл волну дрожи, что прокатилась по бархатной коже, – такие и с ушами оторвать не грех.

Встретились взгляды, скрестились, Марта, как осознала, что тот произнёс, тут же схватилась за уши с дорогими серьгами и бурно задышала, улавливая в голосе ощутимую угрозу. А потом посмотрела за свою спину, развернувшись туда, куда смотрел незнакомец, и внутренне сжалась, признав в человеке сзади парнишку с остановки. А мужчина её мысли будто прочёл по лицу, так усмехнулся.

– Да, детка. – Простонал он как в экстазе. – Он уже успел познакомиться с содержимым твоих чудных ушек. Ещё там, на остановке. – Облизываясь, нащёптывал нахал, и громко-

гласно рассмеялся, как только Марта с силой оттолкнула его от себя. Ведь почувствовала, что он коснулся носом её щеки, оттого и дрогнула, оттого и посмотрела с неприкрытым возмущением.

– Что вы себе позволяете?!

– А что?! Не нравится – вон он, выход, – мужчина кивнул на автобусную дверь и в каждом действии вызов, агрессия и точная уверенность в том, что она не сдвинется с места.

Он тут же стал вплотную и, обхватив Марту за талию, прижал её к себе собственническим жестом.

– Но пока ты со мной, ни одна тварь не тронет. – Уверенно, без тени игривости проговорил он, пытаясь сделать внушение.

– Это ещё почему? Предводитель своры благородных бандитов собственной персоны? – Предположила Марта, презрительно скривив губы, а мужчина безразлично пожал плечами.

– Да нет. Просто каждый шакал будет обходить волчару за километр. И этот чует, где сила и, поверь, в случае со мной, она не на его стороне.

Незнакомец наслаждался близостью, покорностью, и опустил своё лицо в мягкие волосы, вдыхая их аромат.

– Шакал обитает в саванне, а волк?..

– А волк? – Задорно подмигнув, вторил ей незнакомец, на что Марта смешливо фыркнула, не поддаваясь чужим эмоциям.

– Ты много на себя берёшь. – Зло процедила она и попыталась оттолкнуть мужчину, но силы были несоизмеримы, а желания прямо противоположны. – Пусти!

– Вот ещё. – Безразлично хмыкнул наглец и вроде бы свободно прошёлся ладонью по её спине, но как только Марта дёрнулась, снова почувствовала стальную хватку и взвыла в голос.

– Пусти! – Рыкнула она, повторив неудачную попытку вырваться.

– Обычно своего спасителя благодарят иначе. – Как бы невзначай заметил незнакомец, любуясь её жалкими потугами будто со стороны. И казалось, что все эти трепыхания не приносят мужчине и мимолётного неудобства. Стоит себе, посвистывает.

– Так, значит? – Мстительно прищурившись, Марта ловкими движениями сняла серьги с ушей и оглянулась на парнишку в кепке. – Лови! – Прикрикнула она и с призрачным чувством триумфа наблюдала за тем, как тот на выскочил ближайшей остановке, будто для него и предназначенной. – Ещё вопросы? – Язвительно улыбнулась она и тут же почувствовала свободу, только вдруг поняла, что едва ли её хотела.

Стоит отметить, что, отпустив физически, мужчина продолжал сверлить Марту взглядом и ни на шаг не отступился, напоминая о своём присутствии.

– Все с билетами? Зайцев не допущу. У вас, женщина, есть билетик?

Обернувшись на оклик, Марта заметила грузную тётку с лентой тех самых билетов на шее и звучно чертыхнулась, тут же боковым зрением она отметила насмешливую улыбку на лице недавнего собеседника. Тётка меж тем неумолимо приближалась и в итоге зависла над Мартой.

– Мне один. – Зазвенела мелочь в кармане незнакомца, а Марта внутренне подобралась.

– Вот ваш один. – Глухо отозвалась тётка и протянула мужчине билет. – А вы девушка? Вы оплачивали проезд?

Марта растянула губы в улыбке и неловко оглянулась по сторонам.

– Девушка, что вы молчите? Ведь не оплачивали, я точно знаю! – Напирала сварливая, как Марта подозревала, баба, и не оставалось ничего, кроме как напасть первой.

– Конечно, не оплачивала! – Огрызнулась она и поджала губы, продемонстрировав пустые руки. – Где я, по-вашему, могу хранить этот билет? – Тётка между тем набычилась, подбоченилась и сдвинула густые брови. Мужчина выразительным взглядом указал на глубокое, неуместно смотрящееся в подобной обстановке, декольте, заставляя добавить к возгласу ещё и гневный румянец.

– Так, оплатите! – Повела тётка выдающейся грудью, точно кормой ледокола, и так застыла.

Ситуация, несмотря на свою абсурдность, не казалась безвыходной. Марта пристально глянула на незнакомца, набрала в грудь побольше воздуха и, мысленно зажмурившись от-

того, как эта самая грудь может сейчас выглядеть, примири-тельно выдохнула.

– Ну что ты стоишь? – Обратилась она к нему и вырази-тельно округлила глаза. – Оплати!

Но в ответ удостоилась только безразличного смешка и не менее выразительного, чем у неё самой, взгляда.

– Я сейчас что-то не понял, это был приказ или всё же просьба?

– Это был приказ. – Язвительно процедила Марта и вдруг ощутила, что едва ли не весь автобус наблюдает за нараста-ющим напряжением.

Чувствовал это и незнакомец, оттого и выдерживал ин-тригу, оттого и тянул с финалом.

– Слушаюсь, белая госпожа. – Выдавил он из себя в итоге и ещё раз забарабанил мелочью в неглубоком кармане. – Ещё один билетик, будьте так любезны. – Очаровательно улыб-нулся он тётке-билетёру и с благодарственным кивком при-нял от неё сдачу.

– Ох и намучаешься же ты с ней. – С жалостью в голосе потянула та и окинула Марту недобрым взглядом. – И где только таких находят?..

– Любовь зла! – Со смехом в голосе отозвался мужчина и устоял на Марту в ожидании, видимо, благодарности.

– Не дождёшься! – Цыкнула она языком, когда молчание затянулось, а взгляд так и не потерял былую хватку.

– Ты о чём сейчас?

– Благодарности не дождёшься. – Выдавила она из себя и мстительно сощурилась.

– Даже интересно, с чего ты взяла, что я её жду?

– А если нет, тогда зачем смотришь?

– Понравилась! – Дерзко заявил мужчина и странно сдвинул челюсти, тем самым продемонстрировав желваки.

Сейчас показалось, что он был чем-то изрядно недоволен и Марта, остерегаясь, отступила на шаг. И секунды не прошло, как мужчина стоял к ней вплотную, казалось, ещё ближе чем прежде. А спустя две, Марта ощутила на боку горячую ладонь. Значительно выше талии. Так, что кончики длинных грубых пальцев задевали грудь, а большой, так и вовсе, уверенно поглаживал открытый участок кожи в проеме не случившегося рукава.

– Руки убери. – Судорожно прошептала она, не на шутку испугавшись негласной угрозы.

– Вот ещё!

Собственнический захват стал увереннее, а, помедлив с решением ещё немного, Марта уловила на коже лица чужое дыхание. Подсказки были не нужны, чтобы понять о намерениях незнакомца и Марта взбрыкнула, с силой оттолкнула его от себя и с паникой во взгляде отметила, что незнакомец не шелохнулся и лишь из вежливости убрал руку с её бока. Он хотел что-то сказать, явно не в оправдание, да не успел: автобус резко дёрнулся и затормозил, заставляя Марту по инерции двигаться вперёд. Причём только Марту,

ведь остальные пассажиры предусмотрительно придерживались за поручни, а вот она летела, грозясь сбить с ног не одну партию стоящих в проходе.

От страха она даже глаза закрыла и жалобно пискнула, ощутив на себе крепкий захват, а когда её бережно поставили на ноги, только осторожно всхлипнула.

– Ну? И как тебя можно отпустить, если не стоишь на ногах? – Услышала насмешливый шёпот и неловко рассмеялась в ответ.

– А тебе всё на руку, да?

Марта выдохнула с облегчением, признаваясь самой себе, что руки незнакомца приятны и не вызывают обычной в подобных ситуациях брезгливости. Ведь чужих прикосновений Марта не любила и стремилась их не допускать, сейчас же не отказалась бы трюк повторить. Вот только признаться в подобном вслух ни за что бы не рискнула, а позволить лапать себя постороннему мужчине без видимых причин кажется более чем странным.

– Ты очень плохо обо мне думаешь. Но если что, я понял: больше тебя спасать не стоит, всё равно не оценишь.

– Ну, прямо жертвенный агнец!

– Да. А ты перестала делать вид, что моё присутствие тебе неприятно.

– Скорее, призналась самой себе, что ты можешь выручить меня ещё разок, проводив к пансионату.

– Очередной приказ? – Криво улыбнулся мужчина и по-

нимающе кивнул, на что Марта виновато улыбнулась и стала на цыпочки, завоёвывая больше внимания.

Теперь она была и сама не прочь дотронуться до незнакомца и весьма уверенно обхватила его за плечи, удерживая равновесие.

– На этот раз просьба. Проводи меня. – Заглянула она в глаза, а он отвернулся, не поддаваясь на обаяние.

– Допустим. И что мне за это будет?

– По крайней мере, я рассчитаюсь с тобой за этот билет. – Вытянула она из рук почти прозрачную бумажку и призывно улыбнулась. – Чем не повод?

– Вот сейчас просто убила... – Скривился мужчина и мученически выдохнул. – У меня на этот вечер другие планы. – Заявил он уже не игривым, а категоричным тоном и отпустил Марту, на что она часто заморгала, умело играя растерянность.

– Да, наверно, планы... Но на улице темно и вот-вот начнётся дождь, а я заблудилась и совершенно не ориентируюсь в городе. И ты как настоящий мужчина просто не можешь оставить меня в беде. Ты ведь настоящий мужчина? – Закусила она нижнюю губу, точно зная, как отработанный не одним поколением женщин приём действует на мужчин, но незнакомец отчего-то нахмурился, потемнел с лица и неприветливо улыбнулся.

– Ещё раз так сделаешь и прямо здесь убедишься в том, что я настоящий мужчина.

– Проводи меня. – Марта дерзко улыбнулась, демонстрируя полное осознание ситуации, и незнакомцу не оставалось ничего иного, как покорно склонить голову, согласно кивая в так её словам.

Он несколько раз неуверенно осмотрелся по сторонам, скривился как от зубной боли и сильно дёрнул Марту за руку, как только автобус остановился в очередной раз – так стремился к выходу. Уже стоя на улице, он осмотрелся снова.

– Я так понимаю, нужно тебе совсем в другую сторону, да? – Прищурился он, примерно прикидывая маршрут, на что Марта внимательно всмотрелась в его лицо.

Жёсткие черты в странной игре света и тени показались какими-то опасными и мысль, которую она уже успела озвучить в самом начале знакомства, ярким образом мелькнула в сознании. Но никаких угрожающих жестов мужчина не демонстрировал и повторять эти слова вновь Марта не спешила. Определившись с направлением, он осторожно сжал её ладонь и потянул за собой.

– Ты где остановилась? – Оглянулся он и повысил тон, пытаясь перекричать усиливающийся ветер.

– В Чайке.

Услышав ответ, мужчина нервно усмехнулся и неодобрительно покачал головой.

– Можно было бы догадаться. – Пробормотал, не сдерживая сарказм, а Марта нахмурилась.

– В каком смысле?

– Идти, говорю, далеко. – Пакостно улыбнулся он. – Но ты не волнуйся, на этих шпильках к утру будем. – Добавил, предварительно окинув её вечерний наряд оценивающим взглядом.

– Но я к утру не могу! У меня муж... – Встала Марта посреди дороги и стряхнула мужскую руку со своей ладони.

– Тоже мне новость! И я не планировал ночные прогулки, но ведь как мужчина... – Припомнил он недавний упрёк и подмигнул, издевательски ухмыляясь.

– Нет, ты не понял: мне нужно быть в номере до ночи и это не обсуждается. Придумай что-нибудь.

– Ух, какая ты интересная... придумай... – Фыркнул он и ускорил шаг.

– Можно, к примеру, вызвать такси.

– Можно. – Покорно согласился. – У тебя, кстати, деньги есть? – На красноречиво поджатые губы, незнакомец понимающе кивнул. – И у меня нет. В обратную сторону автобус не пойдёт – по расписанию он был последним. Так что единственно верным способом будет сменить походку от бедра на более подходящую. Ту, что с семимильными шагами.

– Но как же... Можно ведь... Муж заплатит! – Встрепнулась Марта, но тут же дотронулась до губ кончиками пальцев, демонстрируя неуверенность в словах. – Если он, конечно же, в пансионате. Мы были приглашены на ужин... – Захотела она пояснить, но, разглядев в спокойном прежде лице намёк на игривость, неожиданно смолкла.

– А даже если он и на месте... Как ты объяснишь ему тот факт, что провела этот вечер со мной?

– Какой вечер, ты о чём?! – Отмахнулась Марта от прикосновения и возмущённо засопела.

– А что? Считаешь, у него не возникнет подобный вопрос при виде меня? Как он, кстати, ревнив?

– Да откуда я знаю, ревнив он или нет?! – Вспылила было Марта, но быстро опомнилась. – В конце концов, я никогда прежде не попадала в такую нелепую ситуацию. – Скрестила она на груди руки, погружаясь в раздумья. – И, вообще, Юра, он интеллигентный, образованный человек, о каких подозрениях ты вообще говоришь?

– А я необразованный, наглый и беспринципный. И мне ничего не стоит прямо здесь задрать твою прелестную юбку и провести время с пользой для самого себя.

Глядя на то, как Марта попятилась, удерживая подол платья сжатыми кулачками, он добродушно улыбнулся и не пожелал что-то комментировать. Пошёл вперёд, отмечая боковым зрением, что и она сдвинулась с места.

– А даже если ты и поедешь в машине такси одна, то что? Серьёзно надеешься на то, будто он не спросит у таксиста, где тот тебя подобрал? Или прикажешь мне спрятаться за угол в момент, когда будешь садиться в авто? Хотя я бы тебе не советовал поступать так опрометчиво. Всё же садиться в машину к незнакомому мужику будучи настолько возбуждённой, не самая лучшая идея.

– Что ты такое говоришь? Он ведь на службе!

– Ну да. А каждая вторая одинокая девушка в городе является отдыхающей и шанс встретиться снова стремиться к нулю. Не говоря уже о том, что жертвы насилия обычно не спешат в милицию, чтобы написать заявление. По разным, заметь, причинам, но на первом месте остаётся страх огласки собственного унижения.

– Ты специально меня запугиваешь. – Нахмурилась Марта, глядя на мужчину с нескрываемой опаской.

– Ну конечно, а ты ни разу не заглядывала в статистику криминальных новостей. Курортные городки, смею заметить, по количеству преступлений всегда стоят на первом месте.

– А ты, как я понимаю, спешишь эту статистику пополнить.

– Да с чего ты взяла?! – Громко возмущился он, едва сдерживая смех.

– Ты подозрительно выглядишь. – Вдобавок к обидным словам Марта ещё и развела руками, выгораживая себя.

– Но заметь, помочь тебе вызвался только подозрительно выглядевший я, а все приличные в это же время приняли нейтральное решение не вмешиваться и благополучно отвернули свои носы к окошку.

– Наверно, у тебя были на это какие-то свои причины.

– Ну да. Проблем на задницу искал! – Резко кивнул он. – А кто ищет, тот, как говорится, найдёт! – Мужчина обтёр

губы, сбивая с них азарт. – А ты ещё и замужем... – Странно потянул он, искоса поглядывая. – И когда только успела?.. Может, у вас ещё и медовый месяц?

– Скорее, его компенсация. А вообще, муж приехал по долгу службы, а я, как бы правильнее сказать... навязалась. Он не хотел меня брать.

– Да ладно! Импотент, что ли?

На то, как Марта задохнулась от возмущения, он внимания не обратил и лишь лениво отмахнулся.

– Тогда дурак. Таких женщин, как ты, нельзя оставлять одних надолго.

– Даже не спрашиваю, почему. А ещё ты сейчас так заманчиво рассуждаешь, что вскоре я успею усомниться в том, что Юра меня любит.

– На твоём месте я бы серьёзно об этом задумался уже сейчас. Сколько тебе?

– Девятнадцать.

– Горе луковое... – Неодобрительно качнул он головой. – Куда только родители смотрели...

– Папа сказал, что женщине не к лицу болтаться без статуса, что женщина должна быть или, как минимум, обручена, или замужем.

– Хотел бы я посмотреть на этого папу ... – Незнакомец в задумчивости потёр подбородок с едва проклюнувшейся щетиной. – Хотя в какой-то степени он прав. На востоке девочек отдают замуж задолго до достижения ими совершен-

нолетия. Потому что с возрастом у свободных женщин появляются мозги, справиться с которыми под силу не каждому.

– А ты, конечно же, выберешь себе зрелую особу. – Язвительно потянула Марта, обидевшись на его слова.

– Я знаю только одно дело, которым можно заняться с тобой и тебе подобными и это, поверь, не женитьба. Озвучить?

– Не стоит. Я тебя поняла. И всё же ты ко мне несправедлив. Я личность, а не только милое дополнение к успешному мужчине.

– Ты красивая и от тебя больше ничего не требуется. Запомни этот факт и пользуйся им в любом удобном и неудобном случае.

– Считаешь, что я ничего из себя не представляю? – Вдруг воскликнула Марта и в два шага нагнала лениво бредущего мужчину. Она дёрнула его за руку, но выдернуть ладонь из кармана растянутых шорт так и не получилось.

– Я считаю, что женщина в принципе не должна об этом задумываться. – С ленцой проронил он. – Наслаждайся жизнью, получай удовольствие, радуй окружающих своим присутствием.

– А если я не хочу?!

– Тогда тебе не стоило слушать папу, выходить замуж и идти за своим мужчиной, скромно потупив взгляд.

– Ты говоришь очень обидные слова.

– Так, докажи, что я неправ. – Самодовольно усмехнулся мужчина и испытующе изогнул брови.

– Вот ещё! Кто ты такой?! – Марта надменно фыркнула и нетерпеливо отвела взгляд.

– Ну, это уже другой разговор. – Понимающе кивнул он и качнулся на пятках, явно проворачивая в голове сказанные слова.

И на этом замолчал. Молчала и Марта, а потом она вдруг резко дёрнулась, словно в предвкушении, в ожидании чего-то, и так замерла, словно со стороны наблюдая за тем, как мужская рука медленно и плавно поднялась, как к ней потянулась, как в собственническом захвате твёрдые пальцы удержали шею. Она стиснула зубы, когда его ладонь скользнула выше, и пальцы запутались в волосах. Выдержала прямой взгляд глаза в глаза в момент, как он выдернул шпильку, фиксирующую укладку, и расправил длинные волосы, подставляя их порывам всё усиливающегося ветра. И сказать наверняка, от чего по телу прошла вполне ощутимая дрожь, Марта не могла, но с сожалением готова была признать, что ветер здесь вовсе ни при чём.

– Ты много себе позволяешь. – Осторожно высказалась она, как только почувствовала свободу.

Слишком явную свободу от его физически ощущаемого давления, а ведь мужчина уже давно только смотрел, любясь на плоды творения своих рук. И не успела Марта замолчать, как задрожала вновь. Теперь от пристального взгляда, который, казалось, прожигает насквозь.

– Не смотри на меня так.

– Как? – Ухмыльнулся мужчина и подался вперёд, а выставленная ладошка не показалась серьёзным препятствием, которому следует поддаться. – Ты ведь личность. Самостоятельная. Цельная. Делает то, что хочешь. Следуешь за мечтой. – Принялся он шептать, искушая. И остановился только когда губы были в сантиметре от её губ. Манящих... Доверчиво приоткрытых.

– А разве в этом проявляется личность?

– А разве нет? Зачем иметь характер, если ты не можешь с его помощью распорядиться своей судьбой?

– И всё же измена остаётся для меня за гранью понимания. Я уважаю своего мужа и не стану...

– Уважаешь?! – Резко перебил мужчина. – Не любишь, я ведь правильно понял?

– Ты услышал то, что хотел услышать.

– А как тогда? Как ты вышла замуж? Дай угадаю, – он мстительно прищурился, – папа указал на правильного в его понимании человека, а ты, как умная девочка, последовала этому совету. И теперь живёшь, не зная бед и забот, и это в вашем понимании лучшая судьба. Правильно. Так и нужно. Плыть по течению, это ведь надёжнее всего. Так и из сил не выбьешься, и причёску не испортишь.

– А ты считаешь, что мне следовало пойти наперекор всем, в том числе и собственным представлениям о счастье, броситься в омут с головой, пойти за голодранцем-мужем на край света и уже оттуда наблюдать за тем, как припеваючи

поживают те, с кем я провела детство, юность?

– А что плохого в голодранцах?

– А что в них хорошего? Сами жить не умеют и других сбивают с верного пути. Ну вот что, что привлекательного в твоей жизни? Куда хочу, туда лечу? В этом смысл, в этом суть? Ни от чего не зависеть и ни к чему не стремиться, а потом с высоты нажитого опыта тому же учить и своих детей? В этом вся прелесть?

– Вся прелесть в том, чтобы не зависеть от общественного мнения и не идти у него на поводу.

– Босаяцкое представление о жизни! В том, чтобы придерживаться мнения большинства, нет ничего зазорного. Выйти замуж за человека своего круга – это нормально. Это естественно. У нас общие интересы, общие темы для разговоров и общие цели в жизни, а что у нас общего с тобой?

– Хотя бы эта ночь... – Пакостно ухмыльнулся незнакомец, осуждающе покачивая головой, и резко вскинул руку. Марта отшатнулась, а он с громким свистом двинулся в сторону дороги, останавливая попутку.

О чём-то быстро переговорив с водителем, мужчина махнул Марте рукой в зазывающем действии и приоткрыл заднюю дверь со стороны тротуара, но сесть не позволил. Огородил её барьером собственных рук и прижался к узкой спине своей грудью.

– И посмотрим, как ты запоёшь, когда это общество от тебя отвернётся. – На резко вскинутый взгляд он злорадно

оскалил зубы. — Если отвернётся. — Шепнул на ухо, бессовестно прижимаясь к ней всем телом. — Ведь стоит оступиться всего раз... — Напряжённо втянул воздух, смешанный с тонким ароматом её духов. — И они втопчут тебя в грязь, прикрываясь всё теми же принципами.

Мужчина опустил руку, которой перекрывал вход в салон автомобиля, и помог устроиться на сидении, сам же сел рядом с водителем и даже изредка не поглядывал на Марту. А вот она наблюдала. И была уверена в том, что он этот её взгляд чувствует и пытается ему противостоять. Была... была в его словах истина, только вот признать это Марта не могла. Если только в тихом диалоге с самой собой...

Ехали они долго, какими-то витиеватыми путями. За это время Марта успела свыкнуться не только с присутствием этого грубоватого, хамоватого типа рядом с собой, но и усомниться в том, что в планах мужчины на вечер всё же входит пансионат «Чайка».

— А мы точно движемся в ту сторону? — Подала она голос, когда устала бороться с нарастающим внутренним сомнением. — Нам нужен пансионат «Чайка». — Пояснила на тот случай, если мужчины договаривались о каком-то другом месте, но на лице водителя не мелькнуло и тени сомнения.

— Если знаешь другую дорогу, можешь порулить. — Весело отозвался незнакомец и подмигнул водителю, а уже совсем скоро пожал руку, прощаясь, а обзору представился тот самый парк, который Марта увидеть так и не смогла.

– Идём сюда.

Мужчина махнул в сторону широкой парковой аллеи и рассмеялся над ответной нерешительностью.

– Ты просто чудо! Бояться меня после целого вечера, проведённого вместе...

Замечание Марта оставила без внимания, хотя мысленно согласилась и именно страх заставил усомниться в предложенном пути.

– Так короче? – Уточнила она строгим тоном, пытаясь хоть что-нибудь рассмотреть в кромешной темноте, и даже не заметила, как мужчина оказался к ней слишком близко, а голос его стал слишком сладким.

– Так интереснее. – Довольно шепнул он ей на ухо и, не дожидаясь и малейших знаков согласия, с силой потянул Марту на себя, удаляясь вглубь дубовой рощи, теряясь в зарослях.

Они прошли совсем немного, а темнота успела полностью поглотить и только взгляд, отражающий лунный свет, напоминал о том, что Марта не одна. Серьёзный взгляд. Тяжёлый. Мужчина стоял напротив и удерживал её обеими ладонями за плечи. Слегка поглаживал, вроде как пытаясь согреть, но было в этих прикосновениях нечто большее. Намного большее. Не соблазнение, не разврат, а внушение собственной силы, чувства защищённости. Не такое, которое возникает наедине с мужем, ведь он обязан защитить, а здесь, как безусловный рефлекс: он мужчина и он защищает. Дыхание

выравнивалось, уравнивалось, поглаживания становились едва уловимыми, а, может, это вырабатывалось привыкание?..

– Так, почему ты вышла замуж?

Снова затронул он интересующую тему, будто почувствовав, что Марта готова к подобному разговору. В теле наметилось расслабление, необоснованный страх ушёл, а приятный трепет где-то глубоко внутри стал более явным, призывным. И мужчина совершенно не удивился тому, что она вздохнула, словно в попытке сдаться.

– Обо мне всегда кто-то заботился. Всегда. – Выделила она это слово особой интонацией и затаилась, чувствуя, что сейчас не столько незнакомцу, сколько самой себе пытается объяснить странный поступок, перечеркнувший и изменивший планы, задумки, целую жизнь. – Чуть больше года назад отец с особой настойчивостью стал вести разговоры о том, что он не вечен, что нужно думать о будущем. Так подводил к теме свадьбы и в итоге признался, что не готов пустить мою жизнь на самотёк, просто не позволит мне сделать этого, а, значит, нужно найти того, кому он мою жизнь сможет доверить без оглядки. Замуж по расчёту... это казалось несусветной дикостью, но появился Юра и всё как-то сложилось. Просто и понятно. Мы и прежде были знакомы. Пересекались несколько раз, но брошенные в порыве вежливости фразы едва ли говорили нам тогда об общем будущем, там не было намёков и на дружбу. Непересекающи-

еся параллели. Сейчас даже сложно сказать, что было главенствующим в момент принятия решения. Наверно, правильное будет сказать, что Юра стал идеальным вариантом. Не просто среди остальных, а идеальным вариантом в принципе. Стабильность, уверенность, исходящая от него, выгодный фон... не что-то отдельное, а всё вкупе легло на чашу весов и сомнений не осталось. Я не люблю его! – Проговорила Марта уверенно и чётко. Чрезмерно уверенно и чрезмерно чётко. – Уже тогда это знала, но разве дело в любви, если мы вдвоём живём одной идеей?

– Или тебе только кажется, что одной...

– Ты намекаешь на мою наивность?

– Хотя бы.

– Всё не так плохо, как ты успел себе представить. Я получила жизнь, к которой привыкла, а Юра серьёзную протекцию от отца. Взаимовыгодное сотрудничество, взаимовыгодный брак.

– А через год-другой на свет появятся взаимовыгодные дети. – Выдал мужчина со вздохом и Марте было впору закусить губу от горечи, которая сквозила в правдивых словах.

– Многие так живут и я смогу. В этом нет ничего сверхъестественного, нет ничего постыдного. В семье в первую очередь должно быть уважение, принятие чужих ценностей, а остальное приложится. В конце концов, кто может вспомнить о любви через пять, десять лет брака? О каком счастье можно будет тогда говорить? Твои родители, например...

Они были счастливы?

– Быть счастливым рядом с моим отцом невозможно в принципе, но мать его любила. Я, вообще, не представляю, что, если не любовь, могло удерживать её рядом столько лет.

– Он пьёт? – Прониклась откровениями Марта, а вот мужчина странно хмыкнул и подавился смешком.

– Что-то вроде того. Так, к чему ты завела эту шарманку?

– К тому, что измену считаю унижением для себя самой в первую очередь. Уничтожением личности.

– Много громких слов, красавица, в жизни всё гораздо проще. Желание двоих совпало, вот и всё.

– Желание не возникает ниоткуда.

– Хочешь сказать, что способна управлять чувствами?

– Я способна трезво оценивать причины и следствия.

– Так ведь дело же не в этом...

– Именно в этом. В понимании того, что одно простое «хочу» разрушает жизни, ломает судьбы.

– Может быть ты и права, но хочешь открою секрет?

Она кивнула, а мужчина задержал дыхание.

– Оно того стоит. – Жарко прошептал он и напряжённо выдохнул, заражая каким-то предвкушением, обещая неизвестное.

В азарте мужчина облизал губы, а Марта рассмеялась. Рассмеялась тому, что в темноте, когда слух обострился, она могла слышать всё это, чувствовать эмоции, что привели к тем или иным действиям и будто бы было позволено читать

чужие мысли. Сейчас он соблазнял. Не агрессивно и не явно. Заигрывал, приучал к своему обществу, а она поддавалась. Или только делала вид, но уже сейчас могла смело признать, что ей это нравится. Внимание, в первую очередь. Лыстил тот факт, что она вызывает такие чувства, ведь супруг подобной демонстрацией не баловал и чаще оставался холоден и предельно сосредоточен. Внутри зарождалось странное тепло. И оно, это тепло, возбуждало интерес, завораживало, заставляло сделать очередной шаг, чтобы узнать, а что же будет дальше.

В какой-то момент под своими ладонями Марта услышала удары сердца. Твёрдые, напряжённые, размеренные. А в то же самое время её сердечко жалко трепетало и обещало вот-вот сорваться в пропасть. В голове поселился приятный дурман, а вместо слов хотелось выкрикивать какие-то невразумительные, ничего не значащие звуки.

– Даже не представляю, что может заставить меня изменить свою точку зрения. – Прикинула она варианты, но ни одна мысль не могла противостоять физическому теплу, кружащему голову запаху.

– Хочешь, чтобы я провёл наглядную демонстрацию? – Игриво потянул слова мужчина, а Марта, закусив губу, попыталась скрыть улыбку.

– Неужто попытаешься меня соблазнить? – Отвечая на заигрывания, зашептала она ему в такт. – Да брось! У тебя просто нет шансов.

Марта зарокотала, а мужчину игры утомили и он с силой сжал её с боков, заставляя охнуть. Тут же отпустил, видимо, припомнив о каком-то необходимом в подобных случаях контроле, а вот она отступать не хотела, обмякла в его объятиях, обещая быть нежной и ранимой, лицом прижалась к изгибу шеи и втянула аромат загорелой кожи.

– М-м-м, – лениво выпустила из себя стон, – как вкусно пахнет, – потянула, мечтательно закрыв глаза. – Что это?

– Да не французские духи, так уж точно. – Недовольный подобной демонстрацией, оскалился мужчина. – Мужчина пахнет силой. – Прорычал он, проведя костяшками пальцев по её скуле. – Мужчина пахнет властью. – Выдохнул, касаясь нежной шеи. – Мужчина пахнет сексом. – Простонал, с силой сжав в ладонях ягодицы, прижимая податливое тело к возбуждённому паху, и рассмеялся вслух, как только Марта принялась трепыхаться, отбиваясь.

Он отпустил. Сразу же. И не было мысли удержать, заставить. А потом и она рассмеялась, понимая это. Смеялась и долго не могла заставить себя успокоиться, а он смотрел. Любовался, иначе и не скажешь. Только осознав это, Марта опомнилась и тут же осеклась, нахмурилась.

– Кажется, ты обещал отвести меня к пансионату. Пришло время сдержать своё слово, не так ли? – Строго проговорила она, но внутри что-то дрогнуло прежде, чем мужчина решил ответить.

Это было сомнение. В его намерениях и в своих силах в

первую очередь. Что тут скрывать, Марте льстило это внимание. Она любила ловить на себе чужие вожаделенные взгляды и любила отсекаль от себя их обладателей, не давая и малейшей надежды на успех и какое-либо продолжение. А сейчас... ловила призрачное удовольствие, хотя не считала победой подобный успех. Ведь, чего стоит покорить мужчину подобного типа? Он только за ту мысль, что Марта обратила на него внимание, готов продать душу дьяволу, а тут... А тут вот она, только руку протяни, и вся твоя. По крайней мере, ему могло так показаться. А что же на самом деле? А на самом деле оказалось, что статус человека не так уж и важен. Именно это Марта поняла. Важно содержание его души, мыслей. Её же супруг куда слабее морально, нежели этот незнакомец. Потому зародившееся внимание и дорого, потому и желанно.

– А ведь тебе нравится то, что ты сейчас чувствуешь. – Неожиданно прошептал мужчина и отчего-то усмехнулся.

– Я люблю внимание. Я его достойна. – Не уступила Марта.

– Ну да... Красивая. Всем на зависть! – Поджал он тонкие губы. – И этим пользуешься.– Проговорил на выдохе и будто осудил. – Продолжай в том же духе!

– Ты снова пытаешься навязать мне своё мнение. – Будто пожаловалась Марта и в порыве чувств отступила, отворачиваясь.

– Наоборот, поддерживаю.

– С чего бы?! – Хмыкнула. – Не так давно ты осудил мой подход к жизни.

– Это я погорячился, а вот сейчас смотрю и понимаю, что был неправ. – По-доброму усмехнулся он, а Марте отчего-то показалось, что издевается. – Нельзя тебе в шалаше, красавица. Ты маленькая звёздочка. Ты должна блистать.

– В каком ещё шалаше?!

– В том, в котором с любимым рай. Ведь звезда не может принадлежать кому-то одному...

– Это ты сейчас так пытаешься меня оскорбить?

– Это я рассуждаю вслух.

– Послушай... – Вспыхнула Марта, но договорить мужчине не дал, потянул за руку на себя и направился в сторону одиноко стоящего фонаря.

До того Марта его и не видела, а сейчас раздражённо шурилась, отгораживаясь от яркого света.

– Куда мы идём? – Уточнила она, оглядываясь по сторонам, а незнакомец обернулся и нахмурился.

– Замёрзла? – Странно так спросил, будто с заботой, с беспокойством, а Марта только тогда и ощутила озноб, пробирающий тело. Прежде было не до того – возмущение кипело, а сейчас она опомнилась, продрогла, но расправила плечи, отказываясь отвечать на вопрос.

– Согреть не предлагаю. – Оглянулся незнакомец снова. – Подумаешь ещё чего...

– И вовсе я не замёрзла. С чего ты взял?! Да и ветер стих. –

Добавила она уже не так уверенно, прислушиваясь.

– Стих. – Глухо отозвался мужчина, ускоряя шаг. – Сейчас дождь начнётся.

– Мы потому так бежим? – Попыталась догнать мужчину Марта, но в итоге только сбила дыхание, а идти продолжала всё так же, следом, удерживаемая за руку в надёжном захвате.

– Не только. – Успел проговорить он до того, как секанул дождь и тугие холодные капли ударили по расслабленному телу.

Мужчина рванул бегом и тянул Марту за собой, а потом толкнул её в телефонную будку, стоящую посреди аллеи, и посмотрел глазами голодного зверя.

– Это я влюбиться в тебя боюсь. – Прошептал он в каком-то странном напряжении и навис над Мартой, прижимаясь всё теснее. – Чем меньше времени, проведённого вместе, тем меньше вероятность подобной ошибки.

– Ну и шуточки у тебя. – Пробормотала она в ответ, стараясь не показать, как на самом деле сжалась, испугавшись подобного заявления.

А сосредоточиться на ощущениях, к счастью, не получилось: пыл охлаждали упругие дождевые капли, что попадали в разбитое стекло. На Марту попадали лишь редкие, которые миновали мощную спину, обошли широкие плечи, а вот сам мужчина от дождя спрятался едва ли – всё принимал на себя. И молчал. Напряжённо и демонстративно. Вряд ли чего-то

боялся, скорее, не позволял почувствовать страх Марте. Но внутри неё был уже не страх, а лёгкая эйфория. Эффект запретного плода, наложенный на первый подобный опыт, давали в итоге взрывоопасную смесь и сейчас, казалось, только от мужчины зависело, приблизить её к огню или уберечь.

Сильный и красивый. Он всего лишь загораживал Марту от дождя, а, казалось, мог уберечь от всех опасностей в мире. Длинноватые тёмные волосы, смоченные дождём, прятали лоб, делая акцент на глазах. Таких же тёмных. Широкие брови и лёгкий прищур под ними. Губы тонкие. Сейчас они были плотно сжаты, выстраивались в единую линию. И нос. Помужски красивый, заострённый на кончике. И общие чрезмерно резкие черты лица довершали картину, оставляя после себя какую-то горечь, что будет ещё долго раздражать кончик языка. И эти простые, на первый взгляд, черты, яркой вспышкой с лёгкостью затмили аристократическую красоту её мужа. А ещё было тело. Мощное. Поджарое. Разглядеть что-либо наверняка под растянутой футболкой не представлялось возможным, но едва ли та могла скрыть стальные мышцы, пусть и чуть худощавого мужчины. Едва ли претендовала на то, чтобы спрятать мощнейшую энергетику, сквозящую изнутри.

А она сама рядом с ним была похожа на фарфоровую куколку. Хрупкую и непозволительно красивую. Ту самую, силуэт которой так часто воплощали в жизнь поэты в своих стихах. С длинной тонкой шеей, прямой спиной, изящными

ручками и обязательно тонкими щиколотками. А лицо, так и вовсе, будто уверенные мазки талантливого художника с изумрудной радужкой глаз, малиновыми губками и чёрными, как угольки, бровями.

Она стояла практически недвижимо, предупреждая любые необдуманные действия. Свои и чужие. Но не смогла сдержаться, когда ветер стих, крупные капли стали мельче, а вскоре и вовсе пропали. Марта попыталась оттолкнуть мужчину от себя, а он лишь ухмыльнулся в ответ на вялую попытку освободиться. Ухмыльнулся, а у Марты живот поджался от странного предвкушающего чувства. Сейчас она не пыталась себе этого объяснить и, уж тем более, не пыталась посмотреть в его глаза – точно знала, что это станет последней ошибкой в её приключении. Потому осторожно отступила и прокашлялась, почувствовав, как горло сдавило спазмом.

– Дождь закончился. – Прошептала она, бессознательно понимая, что даже этот шёпот может подействовать на мужчину как-то неправильно, потому наспех вздохнула и продолжила более уверенно. – Можно идти дальше.

– Не хочу. – Со смешком выдавил он из себя и неторопливо облизал губы. – Знала бы ты, что делаешь с мужиками, что творишь... – Втянул он в себя воздух сквозь сжатые зубы. – Маленькая ещё, не понимаешь, какой силой обладаешь. Не завидую я тем, кто станет на твоём пути лет через пять, семь. Но возбуждаешь. Будоражишь желание и этим бессовестно

пользуешься. Шепчешь сейчас и буквально балдеешь от того, как меня колбасит, как наизнанку выворачивает.

– Я не... – Она попыталась откреститься от обвинений, а мужчина навалился, вдавливая Марту в угол, и опасно зашипел, переживая особенно напряжённый момент от ощущения податливого тела под собой.

– Всё правильно, ты молодец. Ты имеешь на это право. Только ты, пожалуй, и имеешь.

– Мне не нужны твои признания. Хватит! – Марта упёрлась ладошками в его грудь и почувствовала, как мужчина поддался, а потом и вовсе отпрянул, упираясь спиной в противоположный угол.

– А я не могу, веришь, нет... просто так на тебя смотреть. Всё нутро в узел скручивается от грешных мыслей. Гореть мне в аду за эти желания. Чужую женщину хотеть – смертный грех.

– Твои проблемы! Не нужно перекладывать их на мои плечи.

– Да, да, на эти хрупкие оголённые плечи. – Склонив голову набок, мужчина улыбнулся. На этот раз безо всяких подтекстов.

Он толкнул дверь правой рукой, и проводил Марту жадным взглядом, когда она всё же решилась выйти. Сам вывалился следом и жестом указал верное направление. Теперь по большей части молчал, криво ухмыляясь. А Марта, получив необходимое для маневров пространство, принялась

подглядывать за ним исподтишка. Он шёл, спрятав кулаки... кулаки! в карманах, и лениво пинал попавшиеся под ноги камушки. Мужчина насвистывал какую-то знакомую мелодию из известного фильма и смотрел строго перед собой. И казался непробиваемым, как скала, чем покорял. Ведь мог воспользоваться своей силой и её слабостью, своей уверенностью и её нерешительностью, но предпочёл сдержать данное мужское слово, не отступаясь от первоначального плана.

Невольно получалось сравнивать незнакомца с мужем и, как Марта осознала твёрдо: не в пользу последнего. Простые, казалось бы поступки, на которые, порой, бывает крайне сложно решиться. Закрыть собой от дождя или вызваться провожать, не имея и надежды на желанную благодарность — чем не подвиг современного мужчины! И тот же Юра никогда бы не навязался к незнакомке, будь она хоть тысячу раз красива, при условии, что пути не совпадают и вообще не понятно, кто стоит перед тобой. Он бы прошёл мимо, не будь Марта собой или, если точнее, дочерью своего отца. Уже на свадебной церемонии сестра Юрочки сболтнула, что тот не просто так сопровождал её в тот самый вечер, на котором решалось, кто же станет обладателем шикарного приза длиною в жизнь.

Марта сравнивала, примерялась, но ни разу не пожалела о сделанном выборе. Потому что с Юрочкой они пара, а с незнакомцем, увы, нет. Пусть он хоть двенадцать подвигов Геракла повторит и спасёт Марту от хулиганов... И не успела

она об этом подумать, как шумная компания показалась на противоположном конце парковой аллеи. Марта и отреагировать не смогла, а незнакомец уже притянул её к себе, уверенно обхватив рукой вокруг талии. Аж выгнулся, так ровнял плечи, разминая. И походка изменилась, и выражение лица. Оно стало жёстким, решительным.

Шесть явно подвыпивших молодых людей с интересом поглядывали на парочку, но прошли мимо, не издав и одного подозрительного звука.

– Что ты вцепилась, как клещ, сейчас руку мне свернёшь! – Цыкнул незнакомец, как только они вышли из парка, и недовольно стряхнул хватку Марты, а та посмотрела на свои вспотевшие ладони.

– Извини, просто я очень испугалась.

– Мы об этом уже говорили. – Незнакомец перевёл на Марту ленивый взгляд, невольно почесал затылок и мягко улыбнулся.

– Да, да, волки, шакалы, я помню, но всё равно страшно. – Отмахнулась она от попыток разрядить обстановку, и невольно вздрогнула, прогоняя из тела это неприятное предчувствие опасности.

Тут же замерла, оглядываясь по сторонам хорошо освещённой улицы, запоздало отмечая, что некоторые виды ей хорошо знакомы.

– Мы почти пришли. – Тихо проговорил мужчина, улавливая эти её мысли, и кивнул головой в сторону. – Идём.

Через пять минут они уже приблизились к дому культуры, в котором не далее, как сегодня днём, Марта успела рассмотреть афишу, а уже через десять минут подходили и к самому пансионату.

– Ты привёл меня на задний двор?! – Нахмурилась Марта, приглядываясь к непримечательному благоустройству.

– Да, да, я понимаю, принцессы через чёрных ход не прибывают, но извини, чтобы обойти закрытую территорию нам понадобится ещё минут двадцать, а я, как ты помнишь, спешу.

– Что-то мне подсказывает, что ты специально это сделал. – Заметила Марта, но не акцентировала внимание на подобном заявлении, а уже подбирала правильные слова, чтобы попрощаться. – Но, в любом случае, я хочу сказать тебе спасибо. – Мило улыбнулась она, хотя улыбка и далась с трудом.

Что-то неприятно кольнуло в душе и этот факт заметно омрачал, казалось бы, радостное событие.

– Ты меня действительно спас, не знаю, как бы добралась сама... – Неловко пожала она плечами и только тогда решила взглянуть на мужчину. Тут же и замерла, так близко он вдруг оказался.

– Да пожалуйста. – Шепнул он ей на ухо, заставляя нервно сглотнуть.

И чего-то ждал. Не нужно уметь читать мысли, чтобы понять это. Жадный и до этого взгляд, обжигал, а уверенное

дыхание уже давно уютно устроилось на её лице, сроднилось с кожей, переплелось с мыслями. Секунда – и длинные пальцы запутались в волосах, вторая – и настойчивый поцелуй лавиной обрушился на губы. Шустрый язык скользнул по неплотно стиснутым зубам и с лёгкостью ласкал всё, до чего мог дотянуться. Нагло. Дерзко. Бесцеремонно. К тому моменту, как удалось оттолкнуть мужчину от себя, спёрло дыхание, и, не думая, Марта ударила его по лицу, опасливо отступая.

– Пощёчина? – Жёстко усмехаясь, мужчина удивлённо приподнял брови и сдавленно рассмеялся. – Вот тебе и благодарность! – Оскалился он, но тут же прикусил язык, поводил им по внутренней стороне нижней губы. – А я уж боялся, голову с плеч снимешь.

Забавляясь реакцией, он покивал, только вот в невинных жестах Марта отчётливо разглядела угрозу. А сдвинуться с места не смогла, стояла как на привязи, наблюдая за мужчиной.

– В таком случае не грех и повторить. – Проговорил он полушёпотом, осторожно шагнул навстречу, загоня Марту в угол забора, а потом двинулся резко и уверенно. Так, что вариантов вернуться попросту не осталось.

Он впился в неё губами. Страстно, с явно демонстрируемым удовольствием. Её голову при этом запрокинул, удерживая уже двумя руками. Сладко простонал, отпуская, и с улыбкой на лице стерпел следующие одну за другой, порции

пощёчин.

– Горячая! – Заметил он с явным удовольствием, потирая яркие следы на щеках. – У меня такой никогда не было.

Незнакомец отступил, как только Марта двинулась ко входу с намерением снести всё, что попадётся на пути.

– Меня Вадим зовут! – Крикнул он ей вслед и расплылся в улыбке в момент, как Марта обернулась, стреляя грозным взглядом, ослепляя блеском глаз, гневным румянцем.

– Надеюсь, эта информация мне не пригодится. – Ядовито улыбнулась она в ответ и скрылась за дверью пансионата, а мужчине не оставалось ничего иного, как в досаде развести руками, пожевать губами и невесело усмехнуться явному возбуждению, которым впору пугать старых дев.

Он оглянулся по сторонам, вскинул взгляд к небу, считая редкие, только выплывшие из-за туч звёзды, отдышался, как вдруг услышал звонкий стук каблучков. Девушка из персонала пансионата проплыла мимо, точно белая лебедь, и игриво оглянулась, остановившись у самого крыльца.

– Вы кого-то ищете? – Мило залепетала она. На лице мелькнул румянец смущения, но он быстро исчез.

– Да. Вас. – Выдохнул мужчина, отчаянно махнув головой, и прикрыл глаза, впитывая это ощущение азарта, захлестнувшее в один момент. – Ждал вас всю жизнь и, как видите, дождался. – Проговорил он уже на ходу, многообещающе улыбаясь, и пропустил девушку в дверях вперёд, критично оценивая вид сзади.

А уже через пять минут с прискорбием заключил, что запах не тот, не та мягкость кожи и нет той сладостной борьбы между согласием и сомнением, что возбуждала рецепторы при общении с милой незнакомкой.

Глава 9

Марта как раз поднималась на нужный этаж, как вдруг увидела собственное отражение в зеркале лифта. Взлохмаченные волосы, шальной блеск в глазах, и, особенно, покрасневшие от давления губы, никак не выдавали в ней несчастную жертву, коей следовало предстать перед мужем. А ведь нужно как-то объясниться. Общий жалкий, неопрятный вид мог навести на ненужные раздумья и на более или менее правдоподобные выводы, потому от неё требовалась импровизация.

Но Марта уже чувствовала себя виноватой. Наверно, за то, что позволила себя использовать. Себя, ситуацию... А ещё за то, что сейчас думает не о том, что скажет мужу, а о несчастном поцелуе, что так и застыл на ярких губах. А ещё о том, почему он произошёл именно сейчас. Не на пустой остановке, не на тёмной парковой аллее, а здесь, на виду... словно провокация. Был ли в этом смысл и была ли какая-то цель? Только над этим и размышляла, пока, будто в забытьи, шла по светлому коридору, а когда остановилась напротив двери и нажала на ручку, увидела мужа.

Он сидел в номере, на кресле, прямо напротив входа и казался совершенно несчастным. Светлые, обычно уложенные в стильную причёску волосы стояли торчком, а на лбу высту-

пила основательная поперечная морщина. Небрежно сброшенный с плеч пиджак валялся на полу, у его ног, а галстук был смят и зажат в кулаке. Увидев Марту в пороге номера, Юра вскочил и метнулся было навстречу, как вдруг опешил, покраснелся, видимо, пытаясь выдать хоть какую-то претензию, и этим неимоверно задел. За живое. Он, видите ли, волновался!

Марта тоже покраснелась, Марта тоже вдруг осознала, что ей есть, что сказать, и в чём обвинить нерадивого мужа. В конце концов, почему он сидит в номере, а не разыскивает её на тёмных мокрых улицах незнакомого города?! Только на деле выкрикнуть что-то обидное не получилось, и с губ слетел только уравновешенный шёпот.

– Юра, как ты мог?.. – Как-то растерянно пробормотала она. – Почему ты меня не догнал?

Марта выдержала паузу, глядя на то, как мужа покидает желание высказаться, а желание вздохнуть с облегчением явно переполняет тело и сознание.

– Я потерялась, я... я не знала, куда идти и что делать. Юра... ты молчишь?.. Почему, скажи мне? – Практически шептала она, чувствуя как эмоциональный предел близиться на горизонте.

Ведь только сейчас, стоя напротив мужа, в собственном номере, в окружении собственных вещей, она окончательно поняла, чем могла закончиться эта нелепая сцена, глупая ссора, бессмысленные упрёки. Понял, видимо, и он, по-

тому как, сделав буквально два шага, вжал Марту в себя и принялся целовать. Коротко и обжигающе горячо. Лоб, щёки, макушку... Он целовал ладони, а после встал на колени и принялся нацеловывать живот и прижимать Марту к себе всё крепче и крепче. Нужны ли теперь были какие-то слова, нужны ли объяснения?

– Как же ты меня напугала. – Осторожно приговаривал Юра, пока Марта отогревалась в ванной. – Где ты была? Я поставил на уши всю милицию ... – Отстранённо бормотал он, глядя в пространство. – Думал, с тобой что-то случилось. Марта, почему ты мочишь? Тебя кто-то обидел?

– Я просто очень устала.

– Тебя не было четыре часа. – Прозвучало как упрёк, но тон тут же сменился. – А ты мне даже не позвонила. Марта, ты... ты была с кем-то?..

– А ты знаешь, оказывается, это вовсе не маленький городишко, как я считала. – Всё, что она пожелала ответить на, казалось бы, прямые вопросы.

– Ты была в таком виде...

– Попала под дождь. – Марта неуклюже пожала плечами, всеми силами демонстрируя усталость и от этого разговора, и ото дня в целом.

– Ну да... А...

– Юра, а можно не сейчас?! – Раздражённо воскликнула она и тут же виновато посмотрела. – Извини. Я просто заблудилась. Села на автобус. Потом на следующий, потом ещё на

один, и заблудилась окончательно. Меня проводил молодой человек. Я его попросила. Обещала заплатить, но в итоге он ничего не взял и ушёл.

– Ушёл?

– Наверно, не знаю. Довёл меня до пансионата и на этом мы распрощались. Юра, если честно, я бы не хотела...

– Да, я понимаю, конечно. Просто непонятно...

– Мне тоже. Меня нет, а ты сидишь. Как-то непонятно, но я ведь тебя об этом не спрашиваю! Или считаешь, мне не обидно? Обвинил невесть в чём, выставил душой и что теперь? Устроил допрос? Так, ты попроси своих друзей из милиции. Пусть зададут эти вопросы профессионально. Будем искать свидетелей. Кстати, тут недалеко, на выходе из парка, мы столкнулись с компанией людей. Они были явно нетрезвые, может, что вспомнят, если задать вопросы правильно?!

– Не заводись.

– Нет, а что?! Почему я должна сейчас всё это выслушивать? Есть о чём спросить, так спрашивай! Я не люблю, когда ходят вокруг да около.

– Марта, я тебя ни в чём не обвиняю, но ты сказала, что был мужчина...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.